

Евгений Костюченко Зачистка в Аризоне

Великолепная семерка –

of the Huron: gurongl@rambler.ru

«Зачистка в Аризоне»: АСТ, Астрель-Спб; Москва, Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-17-039172-2, 5-9725-0552-5

Аннотация

Осторожнее с мечтами: иногда они сбываются.

Двое одесских мальчишек — гимназист Кирилл и подмастерье Илья — мечтали об Америке. Начитавшись Фенимора Купера, они рвались за океан, чтобы сразиться с кровожадными индейцами на диких берегах Миссури.

Им было семнадцать, когда волна эмиграции выбросила их на нью-йоркский причал. И здесь, на диких берегах Гудзона, они столкнулись с кровожадными обитателями каменных джунглей. Жизнь не оставила им выбора. Кто не прорвется наверх, тот скатится на дно. Но у парней есть шанс, ведь они — из Одессы...

Евгений Костюченко Зачистка в Аризоне

1

Перехват

Они сидели вчетвером за покерным столом, но играли только для виду. Кирилл незаметно следил за охранниками, Энди Брикe наблюдал за кассами, и лишь Илья с Диком изображали азартных игроков.

Этот игорный дом располагался на окраине городка Флэшбург, штат Колорадо. Одним из его владельцев был местный шериф. Прежний слуга Закона сетовал на плохое освещение городских улиц, видя в этом причину роста преступности. При новом шерифе жить стало гораздо спокойнее, хотя фонарей на улицах не прибавилось. Прибавилось только одно сооружение — виселица во дворе городской тюрьмы. И первое время она редко стояла без

дела.

Наведя порядок на улицах, шериф взялся за порядок в домах — игорных и публичных. Отныне им запрещалось работать в черте города. Подходящих зданий за городом было не так много, и все они, по невероятному стечению обстоятельств, принадлежали ближайшим родственникам шерифа. В конце концов, флэшбуржцы и гости города привыкли отправлять свои азартные потребности в одном-единственном игорном доме, который звучно назывался «Одеон».

Через Флэшбург лежала дорога к золотым приискам, и многие посетители расплачивались не банкнотами или монетами, а песком и самородками. Чрезвычайно высокая концентрация шальных денег в одном месте делала это место чрезвычайно привлекательным для Энди Брикса.

Две недели его команда тщательно изучала географию Флэшбурга и окрестностей. Особенно окрестностей. Все дороги, тропы, ложбинки и рощицы были осмотрены, пройдены и местами даже измерены. Сегодня они пришли на разведку в «Одеон». Отдали неизбежную дань Черному Джеку, насладились пением и пластикой местного колоратурного сопрано, отведали «натурального шотландского виски» — и наблюдали, подсматривали, вынюхивали.

К исходу третьего часа наблюдений Кирилл досконально изучил путь, по которому собранная выручка перетекает в сейфы подвалов «Одеона», откуда, как он уже знал, каждое утро ее увозят в банк. Охрана перевозки была организована безупречно, со знанием дела, но Энди Брик и не собирался затевать сражение с перевозчиками. Он нашел уязвимое место в этой цепочке — участок между кассой и подвалом.

Они изучили подходы и выходы, расстановку охранников, их вооружение и черты характера. Увиденное весьма способствовало росту их оптимизма. Посчитав работу выполненной, они понемногу втянулись в игру. И тут Остерман завелся.

Он не горячился, как Дик, и не посмеивался, как Энди. Он вдруг стал абсолютно серьезен. Во время сдачи карт Илья подчеркнуто откидывался на спинку стула, смотрел в потолок и брал свои карты последним. Говорил он только тогда, когда требовалось объявить свой ход. Ни слова о репертуаре и габаритах колоратурного сопрано. В общем, вел себя неприлично. Особенно если учесть, что при этом ему страшно везло.

— Ты играешь слишком серьезно, — сказал Кирилл.

— А я все делаю серьезно, — заявил Остерман. — Иначе какой смысл что-то делать?

— Билли просто решил нас разорить, — пожаловался Дик, бросая на стол последний доллар.

Кирилл уже был готов завести философическую дискуссию о бесполезности поисков смысла в любой деятельности, но ему неожиданно помешали резкие изменения в программе.

В «Одеон» не принято было ходить с оружием. Привратники на входе коротко и вежливо объясняли новичкам, что здесь собирается почтенная публика, поэтому свои пушки им следует оставить дома, а в «Одеон» приходить налегке, и в кармане должны звенеть не патроны, а монеты. Закон этот соблюдался строго и без исключений. Тем сильнее было удивление почтенной публики, когда на сцену вместо колоратурного сопрано вышел давно не бритый джентльмен в кожаном жилете, держа в каждой руке по револьверу.

Небритый джентльмен объявил:

— А следующим номером программы будет абсолютно добровольный сбор пожертвований в благотворительный фонд Такера. Всем ясно?

Охранники, находившиеся в зале, ничего на это не возразили, потому что лежали на полу в позе миссионера, но без дамы, а над ними стояли вооруженные джентльмены, по виду — единоутробные братья выступающего.

Сбор пожертвований начался с кассы. Выручка сноровисто укладывалась в мешки с клеймом федеральной почты, что говорило о разнообразии интересов «фонда Такера». Поскольку на столах тоже заманчиво высились стопки монет, единоутробные принялись ходить по залу с мешком и очищать столы с помощью лопатки, любезно предоставленной им местным крупье.

Кирилл с интересом наблюдал за действиями конкурентов и мысленно им аплодировал. Они тоже обнаружили уязвимое звено в цепи «карман-касса-банк», но использовали его не на сто, а на сто пятьдесят процентов. Если все закончится удачно, они унесут отсюда не только законную выручку игорного дома, но и деньги, которые посетители проиграли друг другу. Или выиграли, мысленно добавил Кирилл, увидев лицо своего удачливого партнера Ильи Остермана.

А тот был весьма огорчен такими изменениями в программе вечера, хотя и старался не подавать виду. Его лицо сохраняло выражение полной сосредоточенности на игре, хотя игра и закончилась. Но губы были сжаты в бесцветную складку, а брови сведены к переносице — верный признак, что Илюха готов к драке. Он сидел, отодвинувшись от стола, будто собрался уходить.

Когда сборщики пожертвований приблизились к их столу, Энди Брикe вдруг повернулся к Илье и спросил:

— Билли, ты не помнишь, какой сегодня день? Вторник или четверг?

Остерман посмотрел на него невидящим взглядом.

— Что? Не знаю... Черт, Энди, что за идиотский вопрос? Сегодня среда!

Лопатка, конфискованная у крупье, загребла деньги Ильи в тот момент, когда Энди говорил ему:

— Прекрасно, Билли! Значит, завтра уже четверг. А там и суббота не за горами. А потом и новая среда! Понятно?

— Ты прав, как никогда, — медленно выговаривая каждое слово, ответил Илья, и Энди Брикe подарил ему самую безмятежную из своих улыбок.

Бандиты из «фонда Такера», наверно, решили, что эти двое свихнулись от страха. Они и не подозревали, что Остерман мог бы в два счета обезоружить одного и прибить второго, а там...

Кирилл видел, что Илья вполне мог сорваться. Понятно — его ведь никогда раньше не грабили. Такое трудно стерпеть.

Очень вовремя Энди вмешался, очень вовремя. Своим бессмысленным вопросом он напомнил Илье, что сегодня — не конец света. Будет новый день, будет новая игра, будут новые выигрыши. Но только для тех, кто сегодня останется в живых. А лихая схватка с грабителями предоставляла мало шансов дожить до новой партии.

— Не обязательно ждать целую неделю, — сказал Кирилл, глядя, как бандиты по одному уходят за кулисы. — Смотри, они попали сюда из комнатки музыкантов, так?

— Значит, сейчас они направятся на кухню, а оттуда... — Энди потер виски. — Оттуда на улицу. А наши кони стоят на заднем дворе. Думаешь, успеем?

— Если не спустятся в овраг.

— Не спустятся. Пока сползешь по склону, тебя сто раз расстреляют. Они будут уходить по дороге. Да, жалко упускать такой шанс.

— Что вы там шепчетесь? — обиженно спросил Илья, подавшись вперед.

— Пошли!

Энди решительно направился к кассам. Охранники стояли там, отряхиваясь с пристыженным видом.

— Откройте ход в подвал! — приказал им Брикe.

— Извините, сэр, но...

— Живо! А то они уйдут!

Охранники отперли решетку, и Энди побежал вниз, по железной винтовой лестнице. Кирилл ринулся следом, перепрыгивая через несколько ступеней. На выходе их ждали Коннорс и Сэм Джексон, охраняя лошадей.

— Что там у вас творится? — поинтересовался Сэм. — Какие-то грязные типы подъехали толпой и завалились в ресторан. Оружия у них столько, что хватило бы на эскадрон. Неужели таких пустят в казино?

— И впустили, и выпустили, — усмехнулся Кирилл. — Энди, как думаешь, они махнут

через кладбище?

— Только так! Вперед!

Отход через кладбище стал одним из десятка вариантов, которые вся команда обсуждала последнюю неделю. Его единственным недостатком была узкая извилистая дорожка, ведущая через заброшенный сад. Там можно было ожидать засады — потому, что Энди Брике всегда и везде ожидал засады. Но теперь этот недостаток превращался в огромное преимущество.

Кони рванули через пустырь к саду. Кирилл на скаку переложил револьверы из седельных сумок в кобуры. Легкий «смит» он обычно держал на бедре, а более солидный кольт сорок пятого калибра носил на поясе.

Они едва успели домчаться до крайних деревьев, когда позади началась пальба. Кирилл понял, что банда Такера, покинув казино, напоролась на охранников, которые поспешили на подмогу своим братьям в «Одеоне». Такер был отважным парнем, но он не следил за развитием прогресса. Он, наверно, даже и не слышал о таком новшестве, как телефон.

Теперь оставалось только ждать развития событий. А пока они спешили и, спрятав лошадей за деревьями, залегли в густом кустарнике вдоль дороги, ведущей на кладбище. Кирилл, как всегда, был с Ильей, рядом устроился Дик. А Энди с Сэмом и Коннорсом заняли позицию на изгибе дороги.

— Несутся, — сказал Дик, вглядываясь из-под руки. — Интересно, сильно их пощипали?

— В зале их было одиннадцать, — сказал Кирилл. — Сейчас, кажется, стало меньше.

— Шесть или семь, — сосчитал Остерман. — Гады, они разбились на две кучи. Поди угадай, у кого все деньги.

Всадники неслись, поднимая шлейф пыли. За ними из-за холма вынырнула еще одна группа, чуть более многочисленная. И гораздо более шумная — эти палили на ходу, догоняя дым от собственных выстрелов.

— А вот и погоня. — Дик поправил прицельную рамку «шарпса». — Что-то отрыв небольшой. Не зацепить бы кого из ребят Такера.

— Чем они тебе так понравились? — спросил Илья, заряжая запасные карабины.

— Просто не хочется делать чужую работу. Крис? Пора?

Кирилл прикинул дистанцию и наметил ориентир.

— Отсекаем, как только первый пройдет мимо вон того одиночного мескита. Мои слева, твои справа.

Три слаженных залпа остановили погоню. Две лошади упали, вздымая облака пыли. Хромающих седоков подобрали товарищи, и преследователи отступили за холмы.

Бандиты Такера, услышав стрельбу, закружились на месте, паля во все стороны из револьверов. Дождавшись, когда они расстреляют по барабану, Дик крикнул им:

— Вам не уйти, парни! Бросьте мешки, и мы никому ничего не скажем!

— Подлые трусы! — заорал в ответ самый горластый из налетчиков. — Если вам нужны наши деньги, придите и возьмите их!

Выстрел Кирилла сбил с него шляпу.

— Парни, охрана сейчас вернется! — Дик продолжал увещевать бандитов. — Все мужчины Флэшбурга сейчас седлают коней и заряжают винчестеры! У них свежие лошади, и они уже известили всех на вашем пути! Вам некуда деваться!

Бандит вскинул винчестер, но с другого фланга раздался выстрел, и винтовка отлетела в сторону.

— Окружили, гады! — в отчаянии завопил раненый. — Черт с вами!

Два мешка тяжело плюхнулись в дорожную пыль.

— Минуточку, — возмущился Остерман. — А где еще один?

— Не будь таким вредным, — сказал Кирилл, откладывая карабин в сторону.

А Дик прокричал:

— Счастливого пути!

И с обеих сторон дороги ударили шесть револьверов, подгоняя роем пуль ограбленных грабителей.

Разложив деньги по седельным сумкам, Энди Брике закопал пустые мешки, забросал ветками и сказал:

— Теперь можно спокойно вернуться на ферму.

— А если уже завтра подвернется выгодное дело? — спросил Илья.

— Жена рожать собралась, — улыбнулся Брике. — Ты можешь предложить что-нибудь более выгодное, чем рождение сына?

— Я тоже жду большого приплода, — важно сказал Коннорс. — Парни, не желаете малость поработать на моем ранчо? Даю тридцатку в месяц.

— Тридцатку? Нам-то мог бы и накинуть по дружбе, — заметил Сэм.

— Нельзя, другие ковбои обидятся. Соглашайтесь, парни. Кормежка — моя, барак почти новый, залатаете дырки в крыше, и горя знать не будете.

Рассмеялись все, кроме Остермана.

— Ребята, я серьезно, — сказал он. — Есть одна идея, можем неплохо заработать. Я подслушал разговор за соседним столом. Парень привез кучу денег из Аризоны. Есть там такое местечко, Тирби...

— Остынь, Билли. Тебе мало того, что ты получил сегодня? — спросил Брике. — Хочешь, возьми мою долю. Я не шучу.

— Возьми и мою, — сказал Дик, — и поехали со мной. Мне нужен богатый партнер, чтобы раскрутить новый бизнес. Правда, Билли, ты парень башковитый, поедешь на Восток, купишь оборудование...

Остерман перебил его:

— Парни, я вас не узнаю! Если вы решили завязать, так и скажите. Чтоб я не отрывал вас от домашних забот.

— Ничего мы не решили, — сказал Сэм. — Если найдешь что-нибудь подходящее, дай знать. На нас с Диком всегда можешь рассчитывать. Но лучше бы, ребята, вам устроить передышку. Поживите у нас в Техасе. Отдохнете, поохотитесь...

— Извини, брат, — сказал Кирилл, прерывая неловкую сцену, — но мы с Билли уже нацелились на Аризону,

За кладбищем они разбились на пары и разъехались в разные стороны — кто вдоль ущелья на юг, кто через степь на восток, а Илья с Кириллом поднимались по извилистой тропе в горы, двигаясь на запад. Одолев перевал, Кирилл оглянулся.

Когда смотришь с высоты на степь, уходящую за горизонт, начинает казаться, что там, вдалеке, видно море. И чем дальше вглядываешься, тем яснее становится синяя полоска.

— Что встал? — спросил Илья.

— Видишь море?

— Я еще не пил с утра. Кира, как думаешь, почему ребята скисли, как только услышали про Аризону?

— Не знаю. Они и про Флэшбург поначалу слышать не хотели. Наверно, устали. Захотели спокойной жизни.

— Спокойная жизнь никому не идет на пользу, — заявил Илья. — Даже свиней надо гонять, чтобы мясо было не слишком жирным. А лошади от застоя просто умирают.

— Рассуждаешь, как фермер.

— С кем поведешься... У Энди с Коннорсом в последнее время все разговоры только о лошадях, надоях и люцерне. Как думаешь, они приедут, если мы вызовем?

— Не знаю.

— Если не приедут, справимся вдвоем, — решительно сказал Илья. — Пусть потом локти кусают. А мы справимся.

— Если сделаем все без них, ребята обидятся. А если погорим вдвоем, обидятся еще больше. Нет, Илюха, либо работаем командой, либо не работаем вовсе.

Остерман хотел что-то ответить, но тут его мерин ступил на осыпь и почти по брюхо погрузился в мелкие камни. Дальше двигаться было опасно, и они повернули назад, чтобы отыскать другой путь. На обрывистом горном склоне было не до разговоров. Но когда лошади выбрались на скотоперегонную тропу, Илья все же спросил:

— А ты сам-то как? Тоже о спокойной жизни мечтаешь?

— У меня и так спокойная жизнь, — ответил Кирилл.

2

А в это время в Мексике, на границе с Аризонай...

Каждый раз, оказываясь в долине Горячих Камней, дон Хосе Игнасио де Рибейра, благородный предводитель дюжины рыцарей без страха и совести, чувствовал себя немного неуютно. Его далекие предки-испанцы когда-то владели и этой долиной, и всеми землями вокруг, от моря до моря. С тех пор прошло много лет. От прежнего богатства осталось только громкое имя. Да еще память о том, как здесь, в этой долине, окончил свой век предок дона Хосе, дон Аугусто, поднятый на вилы восставшими крестьянами. Вероломные и неблагодарные холопы растерзали дона Аугусто, да так, что карательная экспедиция не нашла даже его пуговиц. Возмездие оказалось вполне достойным — все население долины, от мала до велика, было истреблено, дома сожжены, а пепел развеян по ветру. После этого долина и получила свое имя... По крайней мере так гласила семейная легенда, которую дон Хосе слышал от матери.

Однако, скорее всего, своим названием местность была обязана климату. Высокие горы окружали долину со всех сторон, не пропуская сюда дождевые тучи, заставляя землю страдать от вечной засухи. Казалось чудом, что на склонах росла кукуруза и фасоль, перец и томаты, авокадо и картофель. Но это чудо сотворили человеческие руки. Трудолюбивые жители долины, заселившие ее несколько десятилетий назад, проложили оросительные каналы, вырубили непроходимые заросли мескита на склонах и бережно ухаживали за каждым ростком.

На этой земле, докрасна высушенной солнцем и ветрами, работали люди с такими же красными выжженными лицами. На них были широкополые соломенные шляпы, белые домотканые рубашки и штаны. В такой одежде удобно работать под жгучими лучами. Просто скроенная и крепко сшитая, она долговечна, поэтому крестьяне носят ее всю жизнь. Они и после смерти не расстаются с ней, потому что у них нет никакой другой одежды, в чем лечь в могилу.

Банда Рибейры спустилась по горной дороге и напрямик через поле, топча посевы, поскакала к деревне. Следом ехали два дилижанса. Люди в белом почтительно замирали при виде кавалькады. Те, кто склонился с мотыгами в руках, не разгибались, а поднявшие мачете не опускали его. И даже тощие мулы застыли у дороги, словно каменные изваяния, увидев, как замерли их погонщики.

Рибейра знал, что одно его имя вселяет в этих людей леденящий, парализующий страх. Это было лестно, хотя и забавно — нищим крестьянам незачем было его бояться. Они не представляли никакого интереса — как для волка не представляют интереса муравьи.

Дона Хосе Игнасио де Рибейра когда-то интересовал скот. Еще совсем недавно дон занимался, выражаясь языком гринго, очень простым бизнесом. Отбить стадо, разогнав или перестреляв пастухов. Переклеймить скот тавром «окно», которое перекрывает любые другие знаки. Перегнать стадо через реку и выгодно продать. Там же, в Аризоне, угнать табун, увести его за реку и продать армейским интендантам, которые не обращают внимания на мелочи вроде тавра.

Это был несложный и выгодный бизнес. Дон Хосе удивлялся иногда, почему все поголовно не занимаются таким делом в этих благословенных краях? Неужели кому-то могла нравиться крестьянская жизнь? Вечно ковыряться в земле, возить воду для полива, пасти баранов, доить коров?

«Просто эти люди не способны на большее. Они метисы, и этим все сказано. Тот, в ком течет креольская кровь, не стал бы терпеть столь унижительное существование», — решил для себя Рибейра, подъезжая к деревне и оглядывая убогие хижины.

Впрочем, сам он уже и забыл, когда в последний раз угонял скот. Сейчас дон Хосе нашел занятие, более достойное его происхождения. Он состоял на службе у дамы, занимающей очень, очень высокое положение в Аризоне...

Люди в белом застыли, провожая всадников испуганными взглядами. Банда, вздымая густую рыжую пыль, прогарцевала мимо навесов и сараев, крытых тростником, мимо полуразвалившейся церкви, мимо облупленных домиков.

Разделившись на группы по трое-четверо, бандиты разъехались в разные стороны, уверенно находя дорогу к знакомым амбарам и погребкам, а дилижансы остановились у безводного каменного фонтана, рядом с домом лавочника.

Хозяин лавки уже стоял на пороге с видом покорного страдания. В отличие от своих нищих односельчан он не носил белых одежд. Его новая розовая сорочка с мелким узором была опоясана высоким кушаком. За его спиной в полутемном проеме двери мелькнула жена, в запоздалой панике вынимающая золотые серьги из ушей.

— Друг мой драгоценный! Как я рад тебя видеть! — воскликнул Рибейра, похлопав лавочника по плечам. — Налей-ка мне чего-нибудь!

Он деловито прошелся по веранде, умылся из глиняной бочки с питьевой водой и вытер лицо шейным платком.

— Если бы ты только знал, как приятно бывать в вашей деревне. Сердце мое наполняется радостью, когда я вижу тебя и эти ухоженные поля. Благословенный край...

Рибейра по-хозяйски расположился за столом на веранде. Трое телохранителей остались снаружи, усевшись на крыльце. Остальные бандиты, не обращая внимания на причитания женщин и угрюмые взгляды крестьян, уже выючили на своих лошадях мешки и тюки, связанных кур и прочую добычу.

Лавочник, подобострастно изогнувшись, поставил на стол глиняную чашку с пульке. Рибейра, отхлебнув, принялся беседовать с хозяином. Чем еще усталый путник может отплатить за гостеприимство, как не приятной беседой?

— Драгоценный друг мой, до чего же тяжелые времена настали для порядочных людей. Сигару мне! Да... Ты не представляешь, как низко пала нравственность в этом мире. Никому нельзя верить. Цены на мясо растут, а на скот — падают. Как такое может быть? Мир сошел с ума, вот что я тебе скажу. Знаешь, дружище, я покончил с животноводством. Собираюсь поселиться в городе.

— В Сан-Хуане? — спросил лавочник, потому что других городов он не знал.

— Бери выше! В Туссоне! Хватит мне скитаться по горам да пустыням. Пора обзавестись семьей, воспитывать детишек и вообще — наслаждаться жизнью!

Дверца одного из дилижансов приоткрылась, и оттуда выглянула женщина:

— Сеньор Рибейра! Мы хотим пить! И незачем терять время! Я не хочу страдать от жары лишний час из-за того, что вы так любите своих родственников!

Рибейра нахмурился:

— Сантос! Разрази тебя гром, почему ты не напоил дам!

— Сначала лошадей... — начал оправдываться верный помощник, одновременно грозя кулаком своим подчиненным, которые уже ринулись к дилижансам, бережно неся кружки с водой.

— Видишь, друг мой, как трудно отказаться от старых привычек? — усмехнулся Рибейра. — Сiju тут, болтаю с тобой, как всегда. И совсем забыл про миссис Фраун. Я везу ее в Туссон. То есть охраняю. Сам знаешь, как опасно честному человеку показаться на наших дорогах...

— Сеньор Рибейра! — Женщина снова выглянула из дилижанса. — Спросите у своих родственников насчет девушек!

Главарь бандитов принялся обтирать лицо платком, чтобы скрыть смущение. Местные

жители еще никогда не видали, чтобы ему кто-то приказывал, тем более — женщина.

— Я и сам хотел спросить, — буркнул он. — У нас в дилижансе есть еще свободные места. Я захвачу с собой пару девчонок. Кого ты посоветуешь? Помню, у Рохаса подрастала красавица. Неужели он хочет, чтобы она сгинула тут? Миссис Фраун с удовольствием поможет ей устроиться в приличный дом. Или вот, скажем, Мигель. У Мигеля целых шесть дочек...

— Восемь, — поправил лавочник.

— Восемь! Куда ему столько! От них все равно никакого толку. Пусть отправит одну в город! Сам же потом благодарить будет!

— У Рохаса старшая дочь сама уехала в Сан-Хуан. Пабло двух отправил к младшему брату. Тоже в Сан-Хуан. В Туссон никто из наших не ездил. Не знаю, согласится ли кто-нибудь отпустить дочь так далеко.

— Да это же город! Ты понимаешь? Город! Не так и далеко, между прочим, всего два дня пути. Миссис Фраун за ними присмотрит, бояться нечего. Ну, к кому пойдем, к Мигелю?

Лавочник задумался. В прошлом году вербовщик из Аризоны зазывал мужчин на прокладку дороги. Обещал, что они будут работать всего восемь часов в день, что им предоставят жилье и бесплатное питание, что командовать ими будут не англы, а мексиканские десятники и что через месяц они вернутся в деревню с кучей денег и мешком подарков. Однако мужчины в деревне работали от зари до зари и не могли оставить свои семьи даже на пару дней, не то что на месяц. А девушки — совсем другое дело...

— Надо спросить у людей, — ответил лавочник.

— Вот и спроси, пока они все здесь.

И действительно, почти все жители деревни уже собрались тут, на маленькой площади. Они с любопытством разглядывали дилижансы, за окнами которых иногда мелькали чьи-то лица.

Лавочник вышел на крыльцо и обратился к народу:

— Земляки! Дон Хосе предлагает нам свою помощь. Он едет в город. В настоящий город, в Туссон. Там большие дома, много домов. Там железная дорога. И там не хватает людей. Поэтому в городе платят большие деньги за работу. Большие деньги...

Он увидел, что все смотрят в другую сторону. И тоже перевел туда взгляд.

На подножке дилижанса стояла пышнотелая светловолосая дама в дорогом платье. Она обворожительно улыбнулась и заговорила по-испански не хуже Рибейры:

— Мы проехали шесть деревень, ваша седьмая. И нигде мне не требовалось уговаривать. Наоборот, люди сами подходили к нам, и девушки плакали, когда мы отказывали им. Конечно, любой бы хотел получать целых два доллара в неделю, живя в хорошем доме на полном обеспечении. А когда люди слышат про аванс, они просто с ума сходят от счастья. Что? Не верите? Вот деньги! — Она звонко встряхнула кошельком. — Девушка, которую я возьму с собой, будет служить в приличной семье. Ее заработок за первый месяц составит восемь долларов. Из них пять я отдаю прямо сейчас ее родственникам.

— Сколько?

— Пять! Пять долларов сразу.

Крестьяне переглядывались и с недоумением повторяли: «Пять долларов?»

Они никогда не видели столько денег сразу. Пять куриц или пять мешков муки — с такими ценами им чаще приходилось иметь дело.

— Эй, Педро! — крикнул кто-то. — Что в твоей лавке стоит пять долларов?

— У меня нет такого товара, — признался лавочник.

— Но что ты скажешь нам? Ты бы отправил свою дочку в город за такие деньги?

Теперь взгляды всех крестьян снова устремились к лавочнику.

Так уж была устроена жизнь в этой деревне, что главным тут был хозяин лавки. Когда-то в его каменном доме жил староста, и в те давние времена решающее слово было за ним. Но староста умер, а нового никто не назначил. Несколько раз в год заглядывал мимоходом

какой-нибудь чиновник от губернатора и сидел в лавке, пока солдаты ходили по дворам, собирая налог. Но дорога через горы становилась все опаснее, и крестьяне привыкли обходиться без властей.

Они работали на общинной земле, урожай делили по количеству ртов в семье, а лавочник время от времени возил на ближайший рынок то, что они могли продать. Крестьяне были признательны ему за это, потому что никто из них не мог оторваться от своего хозяйства даже на день, а вылазка на рынок отняла бы не день, а неделю. Иногда лавочник на своих мулах добирался даже до города и при удачной торговле возвращался оттуда с тканями, инструментами и другими товарами.

Он был для крестьян единственным источником городских новостей, которые потом целый месяц обсуждались каждый вечер в его лавке за кружечкой пухляе. Он знал, что творилось в городе, он видел мир за пределами долины. Неудивительно, что его слово так много значило для них.

— Если бы Господь наградил меня единственной дочкой, я бы отправил ее в город, — сказал лавочник.

Рибейра одобительно хлопнул его по плечу:

— Жаль, что у тебя нет дочки. Может, отправишь жену?

3

Мистер Смит и мистер Смит, алхимики

Они вышли из вагона последними, дождавшись, пока все их попутчики разойдутся. Может быть, тут и водились носильщики, но Кириллу с Ильей они на глаза не попались. Подхватив тяжелые чемоданы, друзья прошли мимо вагонов и, не доходя до вокзального здания, спустились с платформы по узкой лестнице.

Здесь стояло несколько фургонов. Если бы приедем захотелось поехать в город, им следовало пройти немного дальше, туда, где на площади выстроилась целая шеренга более приличных экипажей.

Но Кирилл не собирался задерживаться в Туссоне.

— Кто-нибудь едет в Тирби? — обратился он к кучке бородачей, прятавшихся от зноя в тени единственного дерева.

— Может быть, — лениво ответили ему. — Только нескоро это случится. Нескоро, мистер.

Илья достал из кармана фляжку с виски и, откручивая пробку, тихо сказал по-русски:

— Я предупреждал, что одеваться надо попроще. С такими городскими хлыщами, как мы, никто не захочет иметь дело. Разве что ограбить попытаются.

Он отхлебнул, завинтил пробку и блаженно улыбнулся:

— Послушайте, джентльмены! Если среди вас есть настоящий ценитель скотча, он будет вознагражден так, что обратная дорога из Тирби покажется ему прогулкой по райскому саду. Но подчеркиваю — именно обратная дорога. Потому что свой приз он получит только тогда, когда доставит нас с мистером Смитом, а также наши чемоданы, прямехонько к офису меднорудной компании. В качестве приза предлагается самая большая бутылка из моей коллекции, наполненная и закупоренная много лет назад в горах Шотландии. А в качестве гонорара будут выступать двадцать банкнот федерального казначейства номиналом в один доллар!

Его тирада не произвела впечатления на слушателей.

— Двадцать баксов до Тирби? — переспросил босоногий джентльмен в дырявой соломенной шляпе. — Накинь десятку, подброшу до Тумбстона. А оттуда двадцать пять миль, и попутчиков хоть отбавляй.

— Да, мистер. Истинно так, — добавил его сосед и для убедительности пошевелил пальцами ног, глядевшими из дыры в сапоге.

Двое молодых мексиканцев в белых домотканых одеждах, сидевшие поодаль в тени

фургона, переглянулись и стали что-то бурно обсуждать. Однако они явно не были владельцами фургона, под которым сидели, поэтому не было смысла обращаться к ним за помощью. Такие парни обычно путешествуют на двуколке, запряженной парой мулов. Наверно, приехали в город поторговать. Наверно, двуколка с товаром сейчас стоит где-то возле рынка. И наверно, с нее кто-то постарше сейчас продает хворост или коровьи лепешки — а что еще могли привезти в город нищие мексиканцы? Кирилл предпочел бы иметь попутчиками именно их, но его не радовала перспектива тащиться два, а то и три дня по пустыне в допотопной арбе.

Посещение Тумбстона не входило в его планы. Кирилл был там всего полгода назад. После налета на один из местных банков отход получился довольно шумным, и многие жители, участвовавшие в погоне, наверняка запомнили и его, и Илью. Он по себе знал, как хорошо запоминаются те, в кого целишься.

Кирилл огляделся и среди заведений на станционной площади увидел то, с чего и следовало начинать. Все вопросы можно решить в салуне. Правда, ему не хотелось лишний раз показываться на людях. Род занятий, которым он зарабатывал на хлеб, требовал скромности.

Как только их чемоданы тяжело опустились на замызганный пол салуна, взгляды всех, кто сидел у стойки, устремились к пришельцам.

Илья белоснежным платком смахнул крошки с ближайшего столика, затем протер сиденья и спинки стульев, после чего скомкал платок и метко запустил его в урну.

— Присаживайтесь, мистер Смит, — он подвинул стул Кириллу, но сам не стал садиться, а направился к стойке.

Он распахнул сюртук, чтобы достать монету из жилетного кармана. При этом стала видна кобура на поясе, и Кирилл заметил, что вид серебряной рукоятки кольта несколько изменил выражение лиц зрителей. Двое даже подвинулись, чтобы столь важная персона могла свободно подступить к бармену.

Илья щелкнул монетой по стойке:

— Принесите нам два стакана воды. Вода должна быть холодной, а стаканы чистыми. Затем подайте две маленькие чашки кофе. Не в кофейнике, а именно в двух маленьких чашках. После кофе нам бы хотелось получить колоду карт. А все, что потребуется потом, будет оплачено отдельно.

— Если вы насчет того, чтобы переночевать, то на втором этаже есть свободный номер, — прорычал бармен, придав голосу интонацию, которую он считал вежливой. И добавил: — Отличный номер, сэр.

— К сожалению, не можем воспользоваться вашим предложением, любезный. Мы с мистером Смитом ужасно торопимся. И мы будем крайне признательны, если вы найдете время рассказать нам о самом быстром способе, чтобы попасть в Тирби,

— Самый быстрый способ? Дождитесь дилижанса на Тумбстон. Он отправится завтра с утра. Если придет сегодня вечером. А с утра отправится обратно. И если доберется до Тумбстона, то вам останется только двадцать пять миль до Тирби. Это самый быстрый способ.

— А если дилижанс не придет?

— Значит, его остановили апачи.

— И что тогда?

— Тогда дорожный агент вызовет кавалерию. Вояки найдут то, что осталось от пассажиров. И примерно через день на линию выйдет новый дилижанс. Да вы не беспокойтесь. Номер наверху — отличный, с двумя кроватями, с умывальником, на окне сетка от комаров, белье чистое. Не пожалеете. Живите, сколько понадобится, пока не сможете уехать. Для приличного гостя у нас все условия. В Тирби вы такого не найдете.

Илья вернулся за столик и тихо сказал:

— Ты слышал? В Тирби мы такого не найдем.

— Значит, найдем что-то другое, — ответил Кирилл. — Посидим еще немного. Потом

отнесешь вещи в номер и будешь ждать меня.

— А ты?

— Поишу другие способы. Не такие быстрые.

Он вернулся к привокзальной стоянке фургонов. Возчики все так же дремали под тополем, их лошади все так же жарились под солнцем, а мексиканцы продолжали спорить, правда, уже вполголоса — жара действовала и на них.

Кирилл подсел к ним, и они замолчали, повернув к нему свои кирпично-красные скуластые физиономии.

«Совсем мальчишки, — подумал он. — Ну, точно. Приехали с отцом. Он на рынке, а они ждут его здесь».

Он достал кисет с сигарами и сказал по-испански:

— Хороший табак растет только за Рио-Гранде. Угощайтесь.

— Мы не курим, — быстро ответил тот, что был постарше.

— Есть работа, — сказал Кирилл, чиркнув спичкой по рукаву и прикуривая. — На час, не больше. Плачу доллар.

— Мы вместе, — сказал старший. — Я Мануэль, а это Рикардо. Доллар за час работы? Это очень много, сеньор.

— Зовите меня Крисом. Я тут человек новый, здешних порядков не знаю. Но я привык хорошо платить за хорошую работу. Вы проводите меня туда, где можно купить фургон и лошадей. И подскажите, какие тут цены, чтобы меня не обдурили местные ловкачи.

— А потом?

— Получите доллар и вернетесь сюда. Думаю, мы справимся даже быстрее чем за час.

Они встали одновременно с ним.

— Большая конюшня за почтой, — сказал Мануэль. — Где останавливаются дилижансы. Там можно купить то, что вам нужно. Но это очень дорого, сеньор Крис. Только одна лошадь обойдется вам в шестьдесят или даже семьдесят долларов. А вам их нужно две...

— Четыре, — сказал Кирилл. — Ты разбираешься в лошадях?

— Рико разбирается. — Мануэль подтолкнул вперед своего молчаливого друга. — Он разбирается в лошадях и хорошо знает пустыню. Если вы будете искать проводника, то не найдете здесь никого лучше, чем Рико.

— А ты? — спросил Кирилл. — В чем ты силен?

— Не знаю, сеньор. Я простой крестьянин, а Рико работал ковбоем на ранчо.

— Вы братья?

Мексиканцы посмотрели друг на друга, будто сравнивали портрет с оригиналом.

— Нет, сеньор. Но мы могли бы стать родственниками, если бы Рико женился на моей сестре, Луисите.

— Еще станем, — угрюмо сказал Рико. — Идемте, сеньор, а то все хорошие лошади уплывут в чужие руки.

Шагая по улочкам города, Кирилл замечал, что на них оглядываются. Прохожие явно недоумевали — что общего может быть у босоногих оборванцев и этого приличного джентльмена? Туссон когда-то был столицей Аризоны, совсем недолго, но и этих лет хватило, чтобы его жители обрели столичный снобизм.

И цены тут были просто заоблачные. Переходя от одного продавца к другому, Кирилл жалел, что не взял с собой Остермана. Тот умел и любил торговаться. Уж он бы душу вынул из этих живодеров и выиграл бы не менее сотни долларов. А Кириллу пришлось выложить полтысячи за фургон с четверкой приличных меринов.

Но зато они справились с этим делом за час. Кирилл дал мексиканцам по доллару, и Мануэль сокрушенно покачал головой:

— Не Знаю, сеньор, не знаю... Не грех ли брать такие деньги ни за что? Сказать по правде, нам-то сейчас деньжата нужны позарез, но все-таки нехорошо. Мы ничего такого не сделали, просто проводили до рынка. Дали бы десять центов... Получается, что мы вроде как

обворовали вас...

— Погоди каяться. Тебя когда-нибудь обманывали при расчете?

— И не раз, сеньор.

— Вот и считай, что я возвращаю тебе чужие долги.

— Когда вы отправляетесь в Тирби? — спросил Рико.

— Чем раньше, тем лучше.

— Тогда возьмите назад свои деньги. А вместо этого позвольте нам поехать с вами. Я покажу дорогу.

— Через Тумбстон?

— Нет. В пустыне много дорог. Позвольте нам поехать с вами, сеньор Крис.

— Мне надо посоветоваться с компаньоном, — сказал Кирилл. — На всякий случай будьте готовы выехать через час. Собирайте вещи.

— Вещи? — Они невесело рассмеялись и подняли с земли свои полосатые котомки. — Все наши вещи при нас, сеньор.

Оставив мексиканцев готовить фургон к поездке, Кирилл вернулся в салун. Он рассчитывал застать Илью в номере, возможно, даже в ванне — Остерман до сих пор не избавился от нью-йоркских привычек и мылся при каждом удобном (и неудобном) случае.

«Да, Илюха, скорее всего, уже настроился тут пожить какое-то время, — думал Кирилл, — и понадобится назвать немало причин, по которым мы не можем остаться здесь ночевать. Да что ночевать — у нас и на обед не остается времени...»

Однако Илья все еще сидел за тем же самым столиком, что и час назад. Только чемоданы переставил поближе к себе.

Сидел он не один. Напротив него расположился благообразный господин в белом костюме, из-под которого сиял черный шелковый жилет. Господину было лет сорок, он был бледен, но на скулах его играл нездоровый румянец. Он держал в руках карты и смотрел на них так внимательно, будто видел впервые в жизни.

— Пас, — сказал он наконец, бросая карты на стол.

Илья с довольной улыбкой сгреб кучку монет и повернулся к Кириллу:

— Мистер Смит, позвольте представить вам мистера Кардосо, лучшего игрока в покер, какого я когда-либо встречал.

— Судя по результатам, с этим трудно согласиться, — благодушно заметил Кардосо.

— Я не о результатах. Игра есть игра, кто-то побеждает, кто-то должен уступить. Но это неважно. Важен стиль! Высокий академический стиль. И вы им владеете в совершенстве.

Кардосо с обескураженной улыбкой развел руками, и Кирилл увидел у него над поясом пустую кобуру.

Сделанная из тонкой, но плотной кожи, она каждым своим изгибом, каждой выпуклостью или впадинкой повторяла форму отсутствующего короткоствольного револьвера. Могло даже показаться, что сейчас она не пуста, просто револьвер в ней — прозрачный. Внутри кобура лоснилась от частого соприкосновения с металлом. Она висела на тонком ремне, который уходил под плечо сюртука. На ней не было никаких клапанов или предохранительных ремешков для фиксации оружия. Такая кобура удерживала в себе револьвер просто за счет своей формы и особой «цепкости» кожи. Незаменимая вещь в заведениях, где не приветствуется открытое ношение оружия.

Могу я узнать, в каких краях умеют делать такие интересные детали туалета? — спросил Кирилл, похлопав себя по животу в том месте, где у Кардосо была спрятана кобура.

— Рисака, Джорджия. Мастер Нэйл. Могу дать рекомендательное письмо, если надумаете к нему обращаться.

— Давно мечтаю побывать в Джорджии, — сказал Илья. — Конская кожа, насколько я понимаю. А почему черная, а не рыжая, как у моей?

— У вашей она уже и не рыжая, а, скорее, пятнистая, — деликатно ответил Кардосо. — Металл пачкает кожу. Но если заранее покрасить кожу в черный цвет, то будет незаметно.

— А черная кобура на черном жилете выглядит особенно изысканно и строго, —

иронично продолжил Кирилл.

— Это тоже важно.

— Теперь и я начинаю понимать, что значит академический стиль. Но позвольте спросить: это форма, а где же содержание?

Кардосо запустил два пальца в кобуру и вытянул оттуда конфетку.

— Хотите? — предложил он и продолжил: — Дело в том, что я обычно не сажусь за карты, имея при себе оружие. Партнеры бывают разные. А игра между двумя вооруженными мужчинами может закончиться пальбой.

— Он и меня уговорил спрятать кольт подальше, — засмеялся Илья. — Знаешь, это очень возбуждает. Первые несколько минут чувствуешь себя так, будто вышел на Бродвей без штанов. А потом ничего, привык. Даже понравилось.

— Это заметно, — усмехнулся Кирилл. — Мне очень жаль, мистер Кардосо, но я вынужден прервать вашу игру. Нам пора ехать.

— То есть? — Илья разочарованно вздохнул. — Кто-то повезет нас в Тирби?

— Сами поедем. — Кирилл поднял чемоданы. — На тебе — закупки продовольствия и воды. Бери с запасом на три дня. Наш фургон стоит в конце улицы. Ты легко его узнаешь: парусиновый верх с двумя черными заплатами справа. Лошади гнедые. Загружайся и жди меня, а я загляну на почту. Да, совсем забыл. У нас двое попутчиков. Мексиканцы. Будешь практиковаться с ними в испанском.

Он отправил телеграмму в Тирби, на имя Кристофера Смита: «Заказ получен. Сообщите сроки и объемы поставок». Здесь же, на почте, накупил целую пачку газет — несколько номеров местного «Гражданина» и все сохранившиеся выпуски «Эпитафии», выходившей в Тумбстоне. Его интересовали любые сообщения, связанные с Тирби. Бегло просмотрев газеты, он не нашел ничего, кроме котировок акций меднорудной компании. Оставалось надеяться, что при внимательном изучении удастся найти более важную информацию.

Команда Энди Брикса никогда не шла на дело без долгой и тщательной подготовки. А с разведкой никто не справлялся лучше, чем Илья и Кирилл. Иногда после длительного наблюдения оба приходили к выводу, что игра не стоит свеч. И если говорили «нет», то с ними никто не спорил. Когда же они были уверены, что делом стоит заняться, то отправляли весточку для Энди, и тот начинал собирать ребят.

Сейчас все они жили порознь. Эд Коннорс купил ранчо в Колорадо, Дик Руби и Сэм Джексон открыли оружейный магазин в Техасе, на границе с Индейской территорией, а по другую сторону границы обосновались остальные члены команды. У каждого было какое-то дело, был и свой дом, и только Кирилл с Ильей так и не смогли осесть на одном месте. Они скитались из города в город, нигде не задерживаясь больше чем на неделю. Но назвать их праздными путешественниками мог только тот, кто не знал об их прошлом.

Три года назад они бежали из-под суда, и все эти три года на них шла охота. Однако друзья вовсе не чувствовали себя дичью, не страдали бессонницей и не оглядывались затравленно, как загнанные волки. Оказавшись вне закона, они были вынуждены зарабатывать на жизнь незаконными способами, а это занятие не оставляет места для лишних эмоций.

Скорее, они сами могли считать себя охотниками. Добытчиками. Их добыча не паслась на равнинах и не шныряла по лесу, нет, она дремала себе спокойно в банковских сейфах. Дремала, но только до поры до времени, не подозревая, что двое беглых иммигрантов уже вышли на ее след, уже обкладывают и уже прицеливаются...

Впрочем, на этот раз их можно было назвать не только охотниками, но и алхимиками. Они собирались превратить в золото медную руду.

Там, в Тирби, на мексиканской границе, бурно развивалась добыча меди. Огромный рудник стягивал к себе не только тысячи рабочих рук, но и сотни торгашей, сутенеров, аферистов. Игорные дома, кабаки и бордели процветали ничуть не хуже, чем меднорудная компания. И Кириллу с Ильей надо было выяснить — какая из этих целей может заставить

команду Энди Брикса снова собраться на дело.

4

Перевал

Фургон свернул с накатанной дороги, ведущей на Тумбстон, и покатил вдоль мелкой речки, направляясь к горам, которые полукольцом окружали город с юга.

— Остановимся за перевалом, — сказал Рико. — Есть там хорошее место. Деревья, вода. Дадим отдых лошадкам и сами отдохнем. Дальше начинается пустыня, и мы переждем зной. Поедем ночью. К рассвету будем в Сьерра-Виста.

— А дальше? — спросил Кирилл.

— Там видно будет. Из форта Хуачука в пустыню уходят патрули, и мы посмотрим на их численность и вооружение. Если вышла пятерка во главе с сержантом, то мы поедем днем. Если отправится эскадрон с офицерами и пушкой, то мы снова дождемся ночи.

Илья недовольно спросил, роясь в открытом чемодане:

— Насколько я понял, в Тирби мы сегодня не попадем, так?

— Какая разница? — Кирилл стянул сорочку, чтобы надеть походную черную рубашку. — Днем раньше, днем позже — лишь бы доехать.

Мануэль с простодушным любопытством смотрел, как они переодеваются. Но когда его взгляд упал на то, что скрывалось в чемодане под одеждой, мексиканец ахнул:

— Дева Мария! Сколько же у вас оружия!

— Ровно столько, сколько нужно для путешествия по Аризоне, — спокойно ответил Кирилл, застегивая наплечную кобуру.

Рико, сидевший на козлах, тоже оглянулся и поцокал языком:

— Э, сеньор, в этих краях лучше иметь одного быстрого скакуна, чем дюжину револьверов.

— Странно слышать это от ковбоя, — сказал Кирилл.

— Когда я работал на ранчо, у меня был только большой нож. Да и другие ребята не любили таскать бесполезные железяки. Что толку стрелять, если тебя окружают апачи? С кольтами у нас щеголяли одни белые парни. Вот и выходит, что на все ранчо у нас было три револьвера. Потому что из двух десятков ковбоев только трое были белыми. А негры, индейцы и мексиканцы не тратятся на такие безделушки.

— Только не говори, что ты и стрелять не умеешь.

— Не умею, — гордо признался Рико.

— Ну и что? — сказал Илья. — Я тоже не умею. Меня вообще тошнит от порохового дыма.

— И в седле тебя укачивает, — добавил Кирилл. — Поэтому ты и занимаешься всякой ерундой, а не гарцуешь по прерии, спасая прекрасных блондинок от кровожадных ирокезов.

— У нас тут нет ирокезов, — сказал Мануэль.

— А блондинки? — поинтересовался Илья.

— Видел одну в прошлом месяце. А ирокезы живут в Оклахоме. Там сейчас все живут — чокто, чероки, семинолы. Всех туда переселили. А у нас только апачи. Ну, и хопи, само собой. Они тут коренные. Только их и за индейцев никто не считает. Они такие же, как мы. Так же одеваются, и кукурузу растят, как мы, и хлеб пекут такой же. А вот апачи как были дикарями, так и остались.

— А это кто, по-твоему? — спросил Илья, показывая на фигурку одинокого всадника, светлым пятном застывшую на фоне рыже-зеленого склона.

— Это сумасшедший, — сказал Рико. — Человек в здравом уме не будет разъезжать по горам на белой лошади и в белой одежде.

Дорога незаметно становилась все круче, и кони сбавляли ход. Позади остались тенистые прибрежные рощи, и теперь фургон неспешно катил по косогору среди редких кустов, цепко укоренившихся в глинистом склоне. Всадник на белой лошади двигался еще

медленнее, судя по тому, что фургон постепенно нагонял его..

На гребне перевала возвышалось одинокое сухое дерево. Его мощные сучья выглядели иероглифом на фоне белесого неба. Всадник остановился под ним, явно поджидая фургон.

Подъехав ближе, Кирилл узнал в нем недавнего партнера Ильи по покеру.

— Мистер Кардосо! — Остерман высунулся из-под тента и приподнял шляпу. — Как зовут вашу лошадку? Случайно, не Пегас? Куда она спрятала крылья, на которых смогла перелететь сюда и обогнать нас?

— Никаких крыльев, просто я выехал чуть раньше вас. А как ее зовут, не знаю, забыл спросить. — Кардосо похлопал кобылу по шее. — Эту красавицу я выиграл в карты. Мог бы назвать ее «Дамой пик», только зачем? Все равно я продам ее при первой же возможности. Если не проиграю еще раньше.

— Похоже, вы довольно много времени посвящаете картам, — сказал Кирилл.

— Не больше, чем нужно, чтобы не умереть с голоду. Кажется, нам по дороге?

— Если вы направляетесь в Сьерра-Виста.

— Я еду в Тирби, как и вы. Но не ожидал, что вы отправитесь через горы. Что ж, у меня появляется прекрасная возможность отыгаться на первом же привале. Я предлагаю переждать зной внизу, у ручья. А дальше тронемся на закате.

— Это полностью совпадает с нашими планами, — сказал Илья. — Вы, наверно, так же хорошо знаете эту местность, как наши проводники?

— Не думаю. Я тут впервые. Но пустыня — везде пустыня. Что в Аризоне, что в Неваде.

Кардосо поехал рядом, и Кирилл заметил, что этот легкомысленный странник не будет обузой в дальнем переходе.

Безупречный костюм; манжеты сорочки, острые, как бритва; серебряные запонки и желтые высокие сапоги тонкой кожи — все это как-то странно сочеталось с двумя потертыми флягами, скатанным одеялом за седлом и с прикладом «шарпса», который выглядывал с одного бока лошади. На другом в чехле покоился винчестер.

В седле Кардосо держался, чуть откинувшись назад, а не прямо, как в Техасе или Вайоминге. Это могло говорить о том, что он учился верховой езде в Калифорнии. Но гораздо больше Кирилл узнал о своем новом спутнике, разглядев его оружие.

Итак, две винтовки, дальнобойная и скорострельная, свидетельствовали об основательности характера. А также о хорошем знании того, насколько разнообразна и непредсказуема жизнь путешествующего по Западу. Кирилл помнил и про его короткоствольный кольт в кобуре под жилетом. Но, бросив мимолетный взгляд на спину Кардосо, он заметил под натянутым сукном сюртука очертания второго «малыша», наверняка спрятанного в такой же изысканной кобуре.

«Запасливый, — подумал Кирилл. — Раньше я тоже иногда таскал кольт за спиной, просто за поясом. При быстрой езде он натирал задницу кончиком ствола. Буду в Джорджии, закажу себе у мастера Нэйла такую же кобуру. Если заработаю на нее в Тирби».

В седельной кобуре мистер Кардосо держал более солидный инструмент, наверняка тоже полученный им в качестве выигрыша, как и белоснежная арабская кобыла. Кирилл сомневался, что карточный игрок стал бы покупать «смит-вессон» 44-го калибра с восьмидюймовым стволом. Скорее всего, он выиграл эту здоровенную пушку у охотника на бизонов, после того, как тот отдал ему все свои деньги и шкуры.

«Во всяком случае, с появлением Кардосо наша огневая мощь выросла почти вдвое, — рассудил Кирилл. — Теперь главное, чтоб они с Илюхой не слишком увлекались игрой. А то придем в Тирби пешком и без штанов». Однако, спустившись с перевала и остановившись в тени небольшой рощи возле ручья, Кардосо даже не вспомнил о покере. Он вытряхнул сюртук и аккуратно повесил его на самую чистую ветку, стянул сапоги, раскатал одеяло под кустом и объявил:

— Полагаю, нам с Рико не помешает немного вздремнуть. Все остальные могут это сделать ночью, когда мы с ним будем бодрствовать и прокладывать путь во мраке.

Возражений нет? В таком случае у вас, джентльмены, есть несколько часов на уход за лошадьми, чистку оружия и другие богоугодные дела.

Всех немного озадачили неожиданные командирские нотки в голосе беззаботного картежника. Но возражать было поздно — Кардосо уже зевнул, повалился на одеяло и накрыл лицо шляпой.

Рико устроился спать в фургоне, а Кирилл занялся лошадьми. Распрягать не стал — кто знает, не придется ли в следующую минуту срываться с места? Обтер вспотевшие бока, по очереди напоил водой из ведра и бросил под ноги охапку молодой кукурузы, которой они запаслись в Туссоне.

Вернувшись к костру, над которым висел кофейник, Кирилл застал окончание рассказа Мануэля о несчастной любви его приятеля.

— ...Он был готов бросить моему отцу в лицо эти несчастные пять долларов! Но что толку? Никто не виноват, что Рико вернулся слишком поздно. Если бы его отпустили с ранчо хотя бы неделей раньше! Если бы он знал, что Луисита могут увезти в город! Отец и сам не рад. Говорит, ум помрачился, как только у него перед носом заблестели пять серебряных монет.

— Представляешь, Кира? — Остерман приподнял крышку кофейника, проверяя, не закипела ли вода. — Ездит по деревням ушлая тетка на дилижансе, скупает девчонок. По пять баксов за голову. И сбывает их в городе. То есть устраивает прислужой в богатые дома. Интересно, сколько она имеет с каждой служанки?

— В Тирби есть богатые дома? — рассеянно спросил Кирилл и тут же, заметив выразительный взгляд Ильи, добавил: — Да их там, наверно, уже больше, чем в Туссоне.

— Вот и я так говорю, а Рико не верит, — подхватил Мануэль. — Поначалу-то договаривались, что Луисита устроится в Туссоне. Мы приезжаем, а нам говорят, что эта самая миссис Фраун увезла девушек в Тирби. Рико аж почернел. А я ему говорю, что в Тирби народ побогаче, там и прислуга больше зарабатывает. Только ему все равно. Хочет он ее забрать оттуда обратно в деревню, и все тут.

— Вам понадобится немного больше, чем пять долларов, — сказал Остерман. — Вы вернете аванс, но ваша миссис Фраун заявит, что потратилась на дорогу и корм и еще какие-то издержки понесла. В общем, начнет гнать волну. В принципе, добавить ей пару долларов будет справедливо. Только она на этом не остановится и будет упираться. Однако закон на вашей стороне, амиго. Она сказала твоему отцу, что устроит его дочь в Туссоне, так? А сама увезла ее черт знает куда. Таким образом, нарушены условия контракта. Следовательно, вы можете его спокойно расторгнуть. Так гласит закон.

— Закон? Да разве законы пишут для бедняков? А если она нас и слушать не станет? — уныло спросил Мануэль. — Кто мы такие?

— Слушать не станет? Тогда найдите меня, я ей все растолкую.

Кирилл всегда немного завидовал той легкости, с какой Илья Остерман сходилась с людьми. С любыми — хоть с сенаторами, хоть с нищими мексиканцами. Он мог говорить с ними на любые темы и мог ответить на любой вопрос. Неважно, верным ли был этот ответ. Важно, что звучал он уверенно и солидно.

Сейчас Кирилл и сам ненадолго поверил, что сестра Мануэля получила работу в богатом доме, и что ее удастся оттуда забрать, и что два босоногих парня из деревушки, затерянной среди гор, смогут выиграть юридический спор. Голос Ильи, его уверенные манеры и безупречная логика — все это волшебным образом действовало на его слушателей. Они начинали верить в собственные силы, в торжество Закона и справедливости...

«Э, нет, — подумал Кирилл. — Закон — это одно, а справедливость — совсем другое. Бедная Луисита, скорее всего, уже продана в палаточный бордель на окраине шахтерского поселка. И Мануэлю с Рико понадобится не пять, а пятьсот долларов, чтоб ее оттуда выдернуть. Где они их возьмут? Станут воровать. Попадутся. И в их деревушке станет на трех жителей меньше...»

Остерман разлил кофе по кружкам. Кирилл вдохнул ароматный дымок и зажмурился от

удовольствия. Открыв глаза, он увидел, что все лошади смотрят в одну сторону. Он тоже скосил глаза к дороге, по которой они сюда приехали, и увидел, что над деревьями поднимается пыль.

Кто-то спускался с перевала. Верхом. Несколько всадников.

Он поставил кружку на траву и встал.

— Ты куда? — насторожился Илья.

— Едет кто-то. Приготовься.

Кирилл взял под уздцы белую кобылу Кардосо и повел ее подальше от дороги, в глубину рощи. Ему вдруг пришло в голову, что на карточных игроков иногда тоже охотятся. Может быть, приемы Кардосо не столь безупречны, как стиль? Тогда понятно его стремление обзавестись попутчиками...

Но Кирилл ошибся. Да, это была погоня, вот только гнались не за белой арабкой.

Четверо всадников высыпали из-за поворота и остановились возле фургона.

— Да, это они! — радостно крикнул один.

— Не дергаться! — рявкнул другой, и четыре револьвера нацелились на Илью и Мануэля, сидевших у костра. — Пушки на землю!

— Что вы, сэр, о каких пушках идет речь? — испуганно промямлил Остерман. — Мы мирные торговцы, продаем лекарства, амулеты и душеспасительные брошюры. Какие могут быть пушки?

— А что у тебя на поясе? Душеспасительная брошюра Кольта? На землю ствол, повторять не буду!

Илья бережно, двумя пальцами, вытянул револьвер из кобуры и положил на траву.

— А теперь кошелек!

— Пожалуйста, пожалуйста, только не стреляйте!

Бумажник Остермана упал рядом с револьвером.

«Молодец, Плюха, — подумал Кирилл, бесшумно взводя курок. — Пусть теперь кто-нибудь из них спешится и подойдет. Черт возьми, а ведь им незачем это делать самим».

— Эй, амиго! — налетчик поманил к себе Мануэля. — Подай-ка мне его добро. А потом вытащи все его шмотки из фургона. Да не надорвись. У тех, кто может отвалить полтыщи, не торгуясь, обычно ужасно тяжелый багаж!

Бандиты заржали, но один из них, самый щуплый, вдруг сказал:

— Парни, да я вроде не этого видел у конюшни. Тот был без усов. Это вроде другой...

— Все верно, другой, — громко сказал Кирилл, выглянув из-за толстого бука.

Если бы налетчик не проявил наблюдательность, Кириллу пришлось бы свистнуть, или захрустеть ветками, или еще как-нибудь отвлечь их на себя. Ему было нужно, чтобы все они повернулись к нему.

И они повернулись.

Он давно уже взял на мушку того, кто казался ему самым опасным, — сутулого и хмурого, в выгоревшей кавалерийской куртке. Этот бросил поводья и держал кольт двумя руками, целясь в голову Илье. На лбу его блестел пот, он все время облизывал губы — видно было, что он слишком напряжен и может нажать на спуск в любую секунду. Очень хорошо, что у Кирилла появился повод заговорить. Охотник часто стреляет на шум, на хруст ветки, но почти никогда — на человеческий голос.

Все четыре ствола теперь смотрели на Кирилла. Он выстрелил в сутулого, затем в его соседа — и укрылся за буком. Два выстрела грохнули в ответ. Кирилл припал на одно колено и показался с другой стороны дерева, чтобы уложить оставшихся. Но из кустов рявкнул кольт, еще раз — и все было кончено. Трое бандитов валялись под ногами лошадей, последний застрял в седле. Он медленно сползал, цепляясь за гриву лошади и заливая кровью ее шею. Лошадь нетерпеливо мотнула головой, взбрыкнула и избавилась от седока, который кулем свалился наземь.

А почему вы не воспользовались моим винчестером, мистер Смит? — раздался из кустов голос Кардосо.

— Не был уверен, что он заряжен.

— Неужели я похож на человека, который ездит с незаряженными винтовками?

Кирилл вышел из-за бука и похлопал его по коре, словно доброго коня. Ему было приятно, что ни одна пуля не угодила в дерево.

— Дева Мария! — причитал Мануэль, застыв с бумажником и револьвером Ильи. — Матерь Божья, молись за нас ныне и в час смерти нашей...

— Помолись лучше за этих, — сказал ему Илья. — Да расцепи ты пальцы! Ну и хватка у тебя!

Кирилл вернулся к костру и поднял свою кружку. Кофе немного остыл, но он и не любил пить слишком горячий.

5

Пустыня

Первые пять лет своей жизни в Америке Илья Остерман провел в Нью-Йорке. Он считал себя чистокровным горожанином. Однако стоило ему подняться на борт парома или сесть в лодку, как что-то неведомое просыпалось в душе и гнало прочь из города. Хотелось, чтобы паром не остановился у причала Лонг-Айленда, а пошел дальше, дальше и вышел в открытое море. А еще его тревожили паровозные гудки. Казалось, они звучат именно для него, куда-то зовут — но куда? В другие города? Они ничем не лучше Нью-Йорка. А иной жизни, кроме как в каменном мешке, он себе уже не представлял. Он думал, что не сможет обойтись без таких мелочей, как водопровод или уличное освещение, без прачечных и парикмахерских. А если б вдруг оказался где-то на природе, то наверняка заблудился бы, потому что привык ориентироваться лишь по номерам домов и вывескам.

Покинув Нью-Йорк, он неожиданно обнаружил, что вполне приспособлен для жизни под открытым небом. В лесах или среди скал Илья чувствовал себя так же свободно, как в лабиринте Чайна-тауна. Но больше всего он полюбил пустыню. Впервые увидев бесконечные пески, Остерман испытал ветхозаветный трепет. Он сначала ощутил себя Иосифом, которого коварные братья бросили подыхать среди барханов, а потом — Моисеем, ведущим народ свой к Земле обетованной. Впрочем, на месте Моисея Илья не стал бы возиться сорок лет с этим маршрутом. Он вел бы колонну по ночам, когда не так жарко и когда можно прокладывать путь по звездам.

Тот, кто называет пустыню мертвой, безжизненной, никогда не видел, как она оживает после захода солнца. Куда-то исчезает пыль, весь день закрывавшая горизонт своим полупрозрачным занавесом, и воздух понемногу заполняется новыми звуками — это просыпаются невидимые насекомые. Илья не знал, как их назвать, да и не видел никогда. Наверно, что-то вроде сверчков. И вот они начинают скрипеть, трещать, повизгивать, и под этот аккомпанемент над голыми горами разливается серебристое сияние. Еще минута полной темноты — и восходит луна. Пустыню заливают холодный свет, и черные длинные тени протягиваются со всех сторон.

А над головой уже наклонился знакомый ковшик Большой Медведицы, и, значит, вон там север, там запад, а нам — сюда.

Из лошадей, которые достались после стычки на перевале, Илья выбрал самую смирную кобылу. Он ехал позади фургона, рядом с Кардосо. Тот зевал и кутался в пончо.

— Вам холодно? — спросил Илья.

— Понимаю, что это выглядит странно, но меня иногда знобит даже в жару.

— Ничего странного. Вам надо как-нибудь при случае обратиться к врачу. Я слышал, что от лихорадки помогает хинин.

— Возможно. Но я привык к другим медикаментам. — Кардосо достал фляжку в чехле, расшитом бисером. — Текила. Не желаете?

— Спасибо, у меня виски.

Они чокнулись фляжками. Из фургона послышался сонный голос Кирилла:

— Когда увидите на небе две луны, дайте знать.

Илья подмигнул Кардосо, и они чокнулись еще раз.

— Мой друг — поборник трезвости и целомудрия, — сказал Остерман. — Но я прощаю ему эти слабости, поскольку и сам несовершенен.

— Все мы не без греха.

Один глоток виски имеет удивительное свойство — он никогда не бывает один. Сразу за ним следует второй, и только после третьего можно продолжить беседу. И, хотя Илью клонило в сон, он не мог удержаться от расспросов.

— Помните о своих планах, Дэвид? Вы собирались взять реванш. Предлагаю сесть за первый же карточный стол, как только приедем в Тирби.

— Что ж, ради этого стоит задержаться. Хотя Тирби для меня промежуточная станция.

— Да? По-моему, дальше уже ничего нет, только мексиканская граница.

— Именно так.

Фургон остановился на вершине холма, и Рико прыгнул на землю. В руках у него была лопата.

— Что случилось? — спросил Кардосо, подъехав к нему.

— Надо пометить место.

Мексиканец подошел к одинокому высокому кактусу, который чернел на фоне лилового звездного неба, как огромный трезубец — от центрального трубчатого столба слева и справа отходили еще два отростка, чуть пониже.

— Этот сагуаро поможет нам на обратной дороге, — сказал Рико и несколькими ударами лопаты срубил правый отросток. — Теперь я буду знать, с какой стороны его объезжать, чтобы попасть на перевал.

— Разумно, — одобрил Кардосо.

«Разумно-то оно разумно, — подумал Илья, — да только вряд ли мы поедем обратно этой же дорогой».

Он еще не знал и не мог знать, какое дело предстоит им в Тирби. Возможно, будет лихой налет с пальбой и погоней. Или они подберутся к сейфу ночью, бесшумно вскроют его и испарятся, как призраки. А может быть, придется полежать в засаде на дороге, подстерегая транспорт с золотом. В конце концов, Кирилл может придумать вообще что-нибудь абсолютно новое — на то он и Кирилл. Но в любом случае команда Энди Брикса будет уходить из Тирби не той дорогой, по какой придет туда.

Они еще в поезде решили, что лучше всего было бы уйти на юг, к границе. Углубиться в Мексику и пробраться на восток по узким долинам среди гор. Затем пересечь Рио-Гранде, чтобы оказаться в Техасе. А там уже разбиться на двойки и тройки и, поделив добычу, разбежаться в разные стороны.

«Поедем в Джорджию, — подумал Илья. — На Юге я еще не был. Значит, Джорджия. Потом Флорида. А может быть, застрянем в Новом Орлеане. Кира говорил, там весело. Можно сесть на пароход и отправиться вверх по Миссисипи. А потом вниз. И кататься, пока не спустим все деньги».

— Лучше бы вам поспать, Билли, — сказал Кардосо. — До рассвета далеко, дорога спокойная. Хватит и двоих бодрствующих в конвое. А вот с рассветом нам придется всем быть настороже. Это земли апачей. Они никогда не нападают ночью. Но с первыми лучами солнца, я уверен, мы их увидим рядом с собой. И вот тогда мне бы не хотелось, чтобы у кого-то из стрелков слипались глаза.

— Мы рассчитывали к рассвету быть возле форта Сьерра-Виста.

— В пустыне невозможно следовать по расписанию. Так что ложитесь спать и держите винтовки наготове.

— Слушаюсь, господин полковник.

— Майор, — сухо поправил Кардосо.

— По сравнению со мной вы вообще генерал, — козырнул Илья.

Он забрался в фургон и устроился на боковой лавке, закутавшись в одеяло. Кирилл и

Мануэль спали на полу, положив в изголовье чемоданы. Илья заметил, что между ними лежит винчестер. Ему было лень снова вставать, чтобы взять и себе одну из трофейных винтовок.

«Обойдется, — подумал он. — На лавке и так тесно, а в обнимку с ружьем вообще не заснуть».

Засыпая, он слышал, как Кардосо проскакал вперед, потом вернулся и о чем-то долго говорил с Рико по-испански. Те слова, которые уловил его слух, не внушали тревоги. Маньяна — завтра. Или утро. Пронто — скоро.

«Да, скоро утро», — подумал он и заснул.

Ему показалось, что буквально в следующую секунду кто-то толкнул его в бок.

— Держи винтовку. — Кирилл зевнул и сунул ему в руки винчестер. — Вот гады, не дали сон досмотреть.

— Что такое?

— Апачи.

Кирилл бесцеремонно стащил его на пол и, отстегнув крепления, поднял боковую лавку, чтобы нарастать борт фургона. Теперь, стоя на коленях, они были прикрыты от пуль и стрел, и сами могли стрелять, опирая ствол на поднятые скамейки. Осталось только закатать кверху тент, и Остерман принялся отвязывать тесемки, которыми тот крепился к дугам.

Кирилл бесцеремонно стащил его на пол и, отстегнув крепления, поднял боковую лавку, чтобы нарастать борт фургона. Теперь, стоя на коленях, они были прикрыты от пуль и стрел, и сами могли стрелять, опирая ствол на поднятые скамейки. Осталось только закатать кверху тент, и Остерман принялся отвязывать тесемки, которыми тот крепился к дугам.

— Не поверишь: рыбалка на лимане. Тяну леску, на ней одни бычки. У всех кефаль, а у меня бычки. И мелкие, как кузнечики. Такая досада.

— Дурацкий сон. — Илья подвернул тент до середины дуги. — Так хватит? Или повыше?

— Сам смотри. Да, сон дурацкий, но я все ждал, что клюнет кефаль. А тут — апачи. Вот же гады.

Солнце еще не поднялось над горами, и пустыня была пепельно-серой под таким же серым небом, и только на востоке пылали нежно-розовым пламенем длинные перья облаков.

Фургон катился по руслу пересохшей реки. Низкие обрывистые берега были окаймлены редким кустарником. Илья посмотрел вперед, поверх головы Рико, и увидел, что дальше, справа над обрывом темнеют более густые заросли.

«Хорошее место для засады, — подумал он. — Неужели майор этого не видит?»

Белая кобыла Кардосо шла далеко впереди, шла ровно и плавно, будто боялась разбудить седока, который мерно раскачивался в седле, опустив голову.

Обернувшись, Илья увидел, что запасные лошади идут за фургоном на короткой веревке, и передняя почти упиралась мордой в задний борт, на котором болталось ведро.

Кирилл разложил на одеяле под ногами все револьверы и принялся делить оружие:

— Мануэль, держи вот этот кольт. Умеешь пользоваться?

— Что вы, сеньор Крис... — Бедняга перекрестился. — Уберите от меня подальше эту штуку, мне и смотреть-то на нее страшно.

— Это не штука, а шестизарядный револьвер Кольта. Будешь держать его двумя руками и нажимать вот на этот крючок. Не бойся, все твои пули улетят в небо и никому не причинят вреда. Сиди вот здесь и целься вон в те горы.

Мексиканец послушно опустил на корточки и положил ствол на борт.

— «Ремингтон» я возьму себе, а два армейских «веблея» — твои. — Он подвинул револьверы к Илье. — Проверь, возможно, в них не хватает патронов. Когда начнется, я стреляю первым. Ты не лезь, жди, пока я расстреляю барабаны. Тогда вступишь, а я перезаряжаюсь.

— Да знаю, знаю. — Илья переломил «веблей» и вытряхнул чужие патроны. Распечатал пачку и зарядил свои. Так спокойнее. — Их уже кто-то видел?

— Кардосо.

— Я тоже видел, — оглянулся Рико. — Сначала двоих, потом троих. Все верховые, но с ними могут быть и пешие.

— Они всегда так выходят из стойбища, — сказал Мануэль, стараясь не смотреть на револьвер в руках. — Половина верхом, половина пешком. А возвращаются все верхом.

— Сегодня вернутся не все, — пообещал Илья.

— Ну-ну, не пугай народ, — сказал Кирилл. — Все обойдется. Вряд ли они нападут. Их слишком мало.

— Зато лошадей у нас слишком много, — проворчал Рико, натягивая вожжи. — Тише, тише, куда разогнались? Сеньор Крис, вроде вон там, за большой ючкой¹, видите?

Илья посмотрел вперед, увидел причудливо изогнутое дерево с мохнатыми толстыми ветками. И никаких апачей.

— Останови, — попросил Кирилл. — Ага, вижу. Вот наглец. Думает, мы примем его за камень.

— Если видишь, почему не стреляешь? — ревниво спросил Илья.

— Зачем? Я же говорю, они побоятся напасть.

Белая кобыла тоже остановилась, не дойдя до опасных зарослей полсотни метров. Кардосо выпрямился в седле, потянулся — и поехал обратно к фургону.

— Постоим здесь, — сказал он. — Если мы их интересуем, пусть вылезут из кустов.

— Не хотите занять позицию в нашей крепости? — спросил Илья.

— Там и без меня тесно. Кроме того, они могут подумать, что я испугался.

— Неужели вы их не боитесь? У меня просто желудок сводит от страха, — признался Илья, улыбаясь. — Это же апачи! Вы видели, что они делают с трупами?

Кардосо пожал плечами:

— Это привычка всех диких воинов. В ней есть рациональное зерно. Мертвецы довольно спокойно относятся к расчленению, чего не скажешь о тех, кто остался в живых и наблюдает за процессом со стороны. Убив одного, апачи выводят из строя сразу десяток, потому что напуганный солдат — уже не солдат. Изуродованный труп — это психологическое оружие.

— Да нет, — сказал Кирилл. — Никакой психологии. Им просто нравится мучить людей. И еще они боятся, что убитый враг воскреснет и отомстит. Вот они и стараются выиграть время — пока он соберет все свои кишки, да приставит руки-ноги, да соскребет мозги с камней...

— Сеньор Крис, хватит! — взмолился Мануэль.

Все рассмеялись.

— В общем, пока он восстановит боевую форму, они успеют смыться подальше, — закончил Кирилл и обратился к Кардосо: — Дэвид, могу я воспользоваться вашим «шарпсом»?

— Сделайте одолжение.

— И еще пару патронов к нему, пожалуйста. Хочу проучить этого наглеца. Пусть в следующий раз позаботится о маскировке. А вы пока, если вам не трудно, займитесь лошадьми.

— С удовольствием.

Кардосо спешил и накинул поводья своей кобылы на передок фургона. Затем расставил всех оседланных лошадей кольцом вокруг повозки. Кирилл за это время пробрался вперед и встал между передней парой в упряжке.

«Прикрывается лошадьми, — подумал Илья. — Неужели он думает, что за ними апачи его не заметят?»

Кирилл поднял «шарпс» и застыл, прицеливаясь. Выстрел заставил всех вздрогнуть.

¹ Юкка — древовидное вечнозеленое растение рода агавы.

Лошади зафыркали и попятились, Рико принялся их успокаивать.

Глядя вперед из-под руки, Илья видел, что от юкки отвалилась толстая ветка, а следом за ней обрушился целый поток пыли и колючек. Кирилл выстрелил еще раз, и еще одна ветка, переломившись, полетела вниз.

— Какая выдержка! — восхитился Кардосо. — Он даже не шевельнулся. Попробуйте ударить в песок рядом с ним.

— Боюсь задеть парня рикошетом. — Кирилл загнал патрон и снова поднял карабин к плечу. — Лучше тряхну ствол.

— Они перебегают, — вдруг сказал Рико, привстав на козлах. — Видите птиц?

Над кустарником на краях оврага то и дело взлетали и снова падали вниз мелкие пташки, которых раньше не было видно.

— Вы там смотрите по сторонам, не зевайте, — проговорил Кирилл, тщательно прицеливаясь.

Он выстрелил и опустил карабин, вглядываясь вперед.

И тут же откуда-то сбоку хлопнула чужая винтовка, и с головы Кирилла слетела шляпа.

Илья развернулся на звук и вскинул оба револьвера.

— Не стрелять! — негромко приказал Кирилл.

Из-за гребня обрыва послышался гортанный крик:

— Эй ты, потерявший шляпу! Ты мог потерять голову! Знай это!

— Эй ты, невидимка! — крикнул в ответ Кирилл, бросив карабин Кардосо. — Чем дырывать чужие шляпы, лучше помоги своему брату вытащить колючки из задницы!

Кардосо подошел к фургону и тихо сказал Илье:

— Это главарь. Он обозначает себя голосом, чтобы его бойцы заняли позиции слева и справа от него. Сейчас они перегруппируются. Готовьте револьверы. Апачи не будут стрелять. Кинутся в рукопашную, чтобы не попортить лошадей.

— Не успеют добежать, — сказал Илья, вглядываясь в пески.

— А это уже зависит только от нас...

Кирилл поднял «ремингтон» и водил длинным стволом, ища цель.

— Эй, невидимка! Чего ты хочешь?

— Выпить твою кровь!

— Тебя мучает жажда? Я могу поделиться водой!

От напряжения у Ильи начали слезиться глаза. Он протер их кулаком и вдруг увидел, как песок зашевелился — и там, где только что ничего не было, появилась человеческая фигура.

Старый длинноволосый индеец в бурой рубахе стоял на склоне обрыва, и песок струился из-под его ног. Он держал на груди винтовку так, как женщина держит младенца.

— Не стрелять, — снова приказал Кирилл. — Илюха, заberi пушку у Мануэля.

Он отстегнул от седла флягу с водой и вышел из-за лошади.

«Сумасшедший, — подумал Остерман. — Что он затеял?»

Кирилл пошел к индейцу, держа флягу обеими руками перед собой. Остановившись в десятке шагов от апача, он встряхнул ее, положил на песок и, отступив, сказал:

— Здесь вода.

Старый апач что-то произнес на своем языке, похожем на клекот птицы. Над обрывом показался второй индеец, низкорослый и тщедушный. Он кубарем скатился по песку, подхватил флягу и взлетел обратно.

— Я хотел забрать твоих лошадей, — сказал главарь. — Зачем тебе столько?

— Я не один, — ответил Кирилл. — Нас тут много. Если бы все мои друзья выстрелили залпом, от той юкки остались бы только щепки.

— Ты богатый. Ты потратил много денег на лошадей. А мы бедные. Мы забираем их бесплатно.

— На этих лошадей я потратил только четыре патрона, — сказал Кирилл. — Их бывшие хозяева сейчас лежат в кустах возле перевала. Пройди по нашим следам, и ты сам

увидишь, что я не обманываю. Ровно четыре патрона.

— Патроны тоже стоят денег.

— Да. Поэтому я не хочу тратить их на тебя и твоих братьев.

Апач повесил винтовку за спину.

— Слушай мои слова, Дырявая Шляпа. Моя война — это война с теми, кто занял мою землю и убивает моих братьев. Если ты будешь тут жить, я выпью твою кровь. Но если ты пришел, чтобы убивать моих врагов, я не стану тебе мешать. Куда ты держишь путь?

— Тирби.

— По этой дороге тебе не пройти. После Сьерра-Виста поверни на юг. Там скалы. Иди вдоль них до пересохшего колодца. Найдешь проход в Змеиную долину. А когда попадешь в Тирби, сделай доброе дело — истрать там все свои патроны.

Апач поднялся наверх и скрылся за обрывом. Через несколько мгновений послышался конский топот, и Илья увидел пятерых всадников. Они цепочкой спустились в русло и неторопливо поскакали в сторону перевала.

— Нет там никакого прохода, — сказал Рико. — Врет он все. Засада там будет, а не проход.

— А нам к засадам не привыкать, — ответил Илья, вытирая мокрый лоб.

6

Змеиная долина

Это было похоже на берег моря. Белые волны песка застыли, набежав на отвесные рыжие скалы. Фургон катился вдоль откоса, плавно покачиваясь, будто лодка на морской зыби, и ветер свистел над его тентом и хлопал откинутым пологом, как парусом.

Старый апач не обманул. Но и не предупредил, что путь вдоль скал займет так много времени. Солнце уже висело над горизонтом, когда путники наконец достигли прохода.

— Мы уклонились слишком далеко на юг, — сказал Кардосо. — И долина, которая лежит за проходом, заведет нас в Мексику. Предлагаю остановиться здесь. Мне бы не хотелось ночевать за границей.

— Какой патриотизм, — сказал Илья.

— На той стороне идет война. Если ночной патруль заглянет к нам на огонек, то мы очень скоро попадем в Тирби. Лет так через десять, отбыв срок на каторге.

— А я слышал, что мексиканское правосудие снисходительно к северным соседям.

— Да, снисходительно. Но только к тем, кто занимается бизнесом в городах, подкармливая чиновников. А не к тем, кто шатается по ночам в зоне военных действий с полным фургоном оружия.

Они нашли укромное место для ночлега и распрягли лошадей. Илья напомнил майору:

— Вы собирались отыгаться. Может быть, перебросимся в карты, пока есть время?

— Есть время? — Кардосо огляделся и подозвал Рико: — Полезай вон туда, на скальный выступ. Оттуда тебе все будет видно. Через час я тебя сменю.

Он подставил мексиканцу колено, помогая взобраться наверх, и только потом ответил Илье:

— Не время для игры. Ужин, чистка оружия, караул — сейчас не до карт. Но обещаю вам, что, как только приедем в Тирби, мы усядемся за первый же покерный стол.

Костер разжигать не стали. Ужин состоял из галет и воды, а на десерт по кругу прошла фляжка с виски. Нагретые за день скалы быстро остывали, и вслед за темнотой на горы сошла прохлада. Кутаясь в одеяла, Остерман и Кардосо продолжали светскую беседу.

— Если не секрет, чем вы собираетесь заняться в Мексике? Будете давать уроки покера местным аристократам?

— Это тоже не исключено. Хотя, скорее всего, содержание моих уроков будет несколько иным.

Кардосо достал сигару, покрутил в пальцах, понюхал, а потом спрятал обратно в

карман.

— Почему вы не курите?

— Запах сигары разносится слишком далеко. И те, кто не видит нас, могут учуять. Так вот, сейчас в Мексике идет война. Необычная война. Армия воюет против собственного народа. Народу, чтобы выжить, нужно самому стать армией. Хотя бы на время. Пока к власти не придут другие люди. Не такие людоеды, как нынешний диктатор. Созданием новой армии занимаются мои друзья, и я бы хотел им помочь.

— Ваши друзья — безнадежные романтики, — сказал Остерман. — Где они наберут солдат? Будут бродить по деревням, созывая новых рекрутов? Таким парням, как наши Мануэль и Рико, нет дела до политики, и в армию их не заманишь. Некогда им воевать, им землю пахать надо. А вы говорите — новая армия, новая армия...

— Без романтики не обойтись, — возразил Кардосо. — Политика грязное дело, поэтому она всегда окутывается романтическими нарядами. Думаю, что все будет не совсем так, как планируют мои друзья. Конечно, вооруженный народ — это сила. Но сила неуправляемая, недисциплинированная и непредсказуемая. Народу можно доверить роль пушечного мяса. Но сердцевиной армии должны стать наемники. Необязательно местные. Даже лучше, если они будут пришлыми. У них не будет жалости к землякам по ту сторону фронта, они не станут церемониться с гражданским населением. Они четко выполняют поставленную задачу. Получат жалованье. И, после победы революции, отправятся по домам, не создавая проблем для новой власти.

— Где же их взять, этих наемников?

Кардосо пожал плечами:

— Это наименее трудная часть задачи. Один из них сидит перед вами. Если вы присоединитесь к нему, их станет как минимум трое. Рико и Мануэля зачислим в обоз. Вот и готова маленькая, но весьма ценная боевая единица.

— Вы говорите как опытный вербовщик, — заявил Илья. — Знаете, Дэвид, если бы я захотел участвовать в мексиканской революции, то мог это сделать гораздо раньше. В прошлом году мы ненадолго застряли в Эль-Пасо. И там я подружился с поставщиком овощей в местный салун. Сам он был простой огородник, но в Мексике у него остался брат. Образованный человек, учитель ботаники. И борец за повышение урожайности.

Братьям был нужен надежный партнер, чтобы возить через границу рассаду различных полезных растений. Схема была проста, как яблоко в разрезе. Из Техаса отправляются высокопродуктивные сорта пшеницы, кукурузы и фасоли. Из Мексики в Штаты направляются тоже пшеница, кукуруза и фасоль, но не такие урожайные. Зато приспособленные к суровым условиям. Если их сажать рядом, вперемешку, то наша фасоль станет более стойкой, а их — более продуктивной.

— Пока не вижу ничего революционного, — сказал Кардосо. — Если только они не собирались прятать под кукурузой патроны.

— Вы попали в самое яблочко, — засмеялся Илья. — Да, это было выгодное предложение. Делать нам все равно было нечего, да и оплату мой ботаник предлагал вполне приличную, но я отказался. До меня дошел слух о том, как мул с грузом такой рассады сорвался на осыпи и упал на дно ущелья. Взрыв, последовавший за этим падением, забросил его останки обратно на тропу. Возможно, что рассаду слишком усердно удобряли нитроглицерином.

— Что поделать, динамит — хлеб революции, — сказал Кардосо.

Ночь прошла спокойно, и, тронувшись на рассвете, к полудню они перевалили через горы,

Дорога сузилась до тропы, изгибаясь в тесном каменистом ущелье, но за последним поворотом перед путниками распахнулась гладкая равнина, покрытая высокой травой.

Кони пошли резвее, радуясь привычному простору. Слева и справа зеленели покатые склоны, выше них темнели синеватые густые леса.

— Если придется еще раз ночевать, — сказал Илья, — я предпочел бы свернуть к лесу.

Там можно будет без особого труда разжиться мясом. В этих лесах полно оленей, и они не боятся человека.

— Тебе это рассказали сами олени? — спросил Кирилл.

— Книжки читать надо. — Остерман благодушно улыбнулся в ответ на привычную колкость приятеля. — В трехтомной «Истории Мексики» написано, что северная Сонора — заповедный край. Когда-то эта долина была населена ацтеками, но они ушли отсюда к океану. Давно, очень давно. Звери за это время успели забыть о людях.

— Почему они ушли? — спросил Мануэль. — Места здесь вполне подходящие для жизни, как я посмотрю. Земля жирная, рядом вода, солнца сколько угодно. Зачем покидать такое славное место?

— Этого не знает никто. Наверно, им просто на месте не сиделось. — Илья пожал плечами. — Ученые считают, что сюда они тоже пришли откуда-то с севера. Никто не знает, какая сила гонит людей с места на место.

— Я знаю эту силу, — сказал Кардосо, отхлебнув из фляжки. Он предложил ее и попутчикам, но те дружно отказались. — Эта сила зовется дьяволом. Вот что я слышал от своих проводников-индейцев, когда служил в Неваде...

Долгая дорога по однообразной равнине была бы слишком жестокой пыткой, если бы люди не умели себя развлекать в пути. Песни путников, длинные и неторопливые; обстоятельные пересказы всем известных легенд; вялый спор о преимуществах того или иного пороха — сгодится все. Лишь бы не молчать, лишь бы не заснуть в седле и не проморгать появления на горизонте всадника, который может оказаться врагом.

Под мерный перестук копыт майор Кардосо начал свой рассказ:

— В знойных долинах между гор жили племена, которые знали чары и волшебство. Земля приносила им удивительные плоды. Тыквы были такими огромными, что их едва можно было обхватить руками. Кукурузы было так много, что мелкими початками топили печи, а большие можно было носить охапками, и в каждом было не двенадцать рядов зерен, а сорок четыре. Стебли томатов вырастали такими длинными и толстыми, что на них забирались, как на деревья.

Эти племена сеяли и убирали хлопок всех цветов — красный, желтый, фиолетовый, зеленый, рыжий, сероватый и белесый, красный и... нет, красный я уже говорил. Да, еще черный и оранжевый. Хлопок так и рос цветным, никто его не красил.

И были у этих племен все богатства мира — золото, серебро, изумруды и рубины.

Но нельзя пользоваться чародейством безнаказанно. Рано или поздно настанет расплата.

Вожди этих племен заключили союз с дьяволом, и он пообещал им удесятить их богатства, если они переплывут океан.

И бросили они свои хлопковые поля, покинули свои золотые рудники, оставили дома, украшенные драгоценными камнями. И поднялись племена из долин, перешли через горы и направились к океану, взяв с собой только свои волшебные книги и каменные плиты с рисунками.

Но, выйдя на берег океана, они остановились, потому что не знали, как пересечь его. И все их чародейство потеряло силу в морских волнах. А дьявол оставил их без помощи...

— Это просто сказка, — произнес Остерман, внимательно выслушав эпическое повествование, прерывавшееся пару раз бульканьем фляжки. — Черного хлопка не бывает.

— Да, сеньор Билли, — сказал Мануэль. — Сказки все это. На самом деле все было не так.

— А как?

— На самом-то деле все эти племена остались в долинах, да там и вымерли. Спаслось только одно племя, семейство Патекатль, и спаслось оно из-за своего позора. Все дело было в том, что земля в долинах была хорошая и богатая, и одна женщина научилась добывать из земли вино.

Она, женщина эта самая, стала накалывать листья агавы и добывать оттуда мед, из которого вино делают, называется «майяуэль». А Патекатль нашел корни, которые бросают в

мед, чтобы получилось пульке. Когда созрело самое первое пульке, Патекатль пригласил на праздник всех уважаемых людей племени, всех стариков и старух. Всем дали поесть как следует, а потом и выпить нового напитка. Каждому, кто был на празднике, дали по четыре чашки, чтобы не напивались.

А сам-то Патекатль выпил пять чашек. Ну, и потерял рассудок, посрывал свои одежды и обнажил срамные места. Все старики и старухи страшно оскорбились и хотели его наказать. Но он убежал вместе со всем своим племенем. И дошли они до моря, а дальше идти не могли, потому что не знали, как ходить по воде. И это даже было не само море, а только топи и болота на побережье. И основали там поселение, которое теперь называется Матаморос. Вот так.

— Наши версии сходятся, — сказал майор Кардосо. — Людей отсюда выгнал дьявол. А имя тому дьяволу — пьянство.

Он невозмутимо встряхнул свою фляжку, на слух определяя ее наполненность, и отпил еще один глоток.

— Не вешайте на дьявола чужие дела, — сказал Кирилл. — Людей отсюда выгнали другие люди. Так бывает всегда. И везде.

— Да, сеньор Крис, — вздохнул Мануэль. — Все беды — от людей.

Рико, ехавший впереди, предостерегающе поднял руку, и все замолчали, остановив коней. А мексиканец спешил и присел над дорогой, пытливо ощупывая ее. Он вставал и переходил с места на место, снова опускался на корточки, перебирая пальцами дорожную пыль. Что-то растер, понюхал, пересыпал с ладони на ладонь.

Наконец он вернулся к своей лошади и подъехал к фургону.

— Ну, что тебе сказали следы? — спросил Кирилл.

— Солдаты, — коротко ответил Рико.

Кардосо тоже соскочил с коня и прошелся по дороге, разглядывая следы. Он повторил все действия мексиканца — присел, растер, понюхал. Но его отчет был более подробным,

— Да, похоже на то. Это не апачи, они не подковывают своих лошадей. А эти лошади подкованы, причем недавно. И их много. Не меньше двух десятков. Апачи редко собираются в такие большие банды. Лошадей кормили овсом, судя по помету. И еще, судя по помету, они проехали здесь несколько часов назад. Колонна держалась ровно. Один всадник скакал сбоку, потом вернулся. Есть сигарный пепел. Я тоже думаю, что это солдаты.

— Может быть, это просто бандиты? — с надеждой в голосе спросил Мануэль. — Вроде нашего дона Хосе Рибейры?

— Нет, — сказал Рико.

— Лошади не перегружены, — пояснил Кардосо. — Едут налегке, а бандиты всегда возят с собой всякие припасы. Это явно солдаты. Патруль.

Мануэль перекрестился:

— Господи, помилуй. Обереги, Господи, от патрулей на дороге. Давно уже такого не было. И что их сюда-то занесло?

— Это нас сюда занесло, — проворчал Рико. — Надо было ехать через Сьерра-Виста. А теперь...

Он махнул рукой.

Мексиканцы казались смертельно напуганными. Кирилл постарался их подбодрить:

— Во всяком случае, этот патруль нам уже не встретится. Но почему вы так боитесь солдат?

— Потому что нет для крестьянина напасти страшнее, чем солдаты на дороге. Мы из-за них и в город ездить перестали.

— Остановят на дороге и давай спрашивать: «За кого ты?» да «За кого?». А мы ни за кого! — Рико ударил себя кулаком по коленке, и его лошадь испуганно попятилась. — Ни за кого мы! Мы сами за себя!

— Ага, только скажи им такое. Ах, за себя? Значит, против нас? И все, пропал человек. У нас еще поспокойнее, чем в других местах. А то, бывало, целые деревни выжигали. Кто-то

ночью нападет на казарму, убьет пару солдат — и назавтра соседней деревни как не бывало. Не ищут, кто прав, кто виноват. Подпалили крыши, набили обоз зерном и ушли. А ты, значит, живи на пепелище. Или уходи на север.

— А кто косо посмотрит, того — к стенке, — добавил Рико.

— Значит, нам повезло, что мы с ними разминулись, — сказал Остерман.

— Да, но патруль обычно возвращается той же дорогой, — заметил Кардосо. — Предлагаю растянуться. Дозор вперед, остальные на самой границе видимости.

Они тронулись дальше, но теперь ехали молча и внимательно оглядываясь. Рико скакал далеко впереди, иногда свешиваясь с лошади, чтобы рассмотреть следы.

Примерно через час он остановился.

— Кто-то попался, — сказал он.

— Здесь солдаты нагнали трех мулов, — сообщил Кардосо после осмотра следов.

Через несколько миль, когда справа от дороги зашелестел высокий тростник, Рико снова остановился, привстал на стременах и, оглядевшись, осторожно направил свою лошадь вдоль свежих следов, надломленных и примятых стеблей, которые еще не успели распрямиться.

В конце тропы, на топком берегу мутной узенькой речки, лежали два трупа. Голые мужчины со связанными за спиной руками. Жужжащие мухи кружили над ними и сплошным сверкающим слоем копошились на их лицах.

— Ну что, Мануэль? — спросил Илья, чтобы привести в чувство мексиканца, окаменевшего от ужаса. — Теперь тебе ясно, почему в этих благословенных краях никто не живет?

— Мы не слышали выстрелов, — заметил Кирилл. — Значит, они далеко.

— Были далеко, — сказал Кардосо, оглядываясь поверх тростника, — Но здесь они задержались. Не хотел бы я их догнать.

— Что вы предлагаете? — спросил Кирилл.

— Нам спешить некуда, — ответил майор. — Надо закопать покойников. А те, кто их тут бросил, пусть себе едут.

Через два часа на обочине дороги темнели два холмика с крестами, связанными из толстых стеблей тростника. Никаких надписей, никаких знаков, хоть как-то обозначающих, кто здесь лежит. Две неизвестные жертвы на дорогах войны.

Они ехали молча. Тишину нарушал только скрип колес да мягкий топот копыт. И когда первая пуля прошелестела в воздухе, ее услышали все. А через секунду донесся и щелчок далекого выстрела.

— Ходу! — приказал Кирилл, оглядываясь.

«Как глупо, — подумал он, увидев цепочку всадников, которые неслись сзади по степи. — И почему я решил, что патруль впереди? Они могли свернуть, обогнуть холмы и снова выйти на дорогу. Выйти — и увидеть нас. Как глупо».

Мануэль свистел и размахивал бичом, и фургон быстро разгонялся. Илья нагнал Кирилла, размахивая револьвером.

— Их много!

— Вижу!

— Отобьемся?

— Уйдем!

Кардосо, скакавший впереди, крикнул:

— Надо сворачивать к лесу! Там они нас не догонят!

— А фургон?

— Черт с ним!

Кирилл быстро прикинул дистанцию. До леса метров триста. До преследователей — примерно втрое больше.

«Если свернуть прямо здесь, на склоне потеряем скорость. А погоня приблизится. И

когда мы будем 1 на опушке, до них останется чуть больше трехсот шагов. Успеем перебить половину, остальные отступят».

— Мануэль, к лесу! — крикнул он.

Фургон чуть не опрокинулся, забирая вправо, вверх по склону. Кирилл подстегнул свою лошадь, и та понеслась, обгоняя всех. Однако белая арабка Кардосо, поначалу отстававшая, вдруг перемахнула через кустарник и оказалась впереди.

— Готовь винчестер! — крикнул майор, не оборачиваясь.

С дороги слышалась частая пальба, и несколько пуль взъерошили траву на склоне.

Майор первым слетел на землю. Его кобыла, не останавливаясь, промчалась между деревьями и скрылась в глубине леса. Когда Кирилл поравнялся с Кардосо, тот уже стоял на одном колене и целился.

— Прицел — по ногам лошади! — сказал он. — Свалишь коня, достанется и всаднику!

— Мои справа, твои слева! — ответил Кирилл, вскинув винчестер.

— Нет! Бьем вместе, по тому, кто в середине!

«Верно, — подумал Кирилл, — в середине наверняка командир». Теперь он мог и разглядеть, и сосчитать врагов. Семеро. Не так и много. Но это были опытные и умелые бойцы. Они растянулись в редкую цепь, дугой летящую по косогору, и на ходу стреляли из винтовок.

«По фургону бьют», — понял он, а дальше думать было некогда. Он стрелял по среднему всаднику, рядом грохотал винчестер майора. Краем глаза Кирилл видел, что фургон остановился на середине склона, а Мануэль мечется в куче лошадей — видимо, какая-то из них пала от пуль. Он хотел крикнуть, чтобы тот залег, но мексиканец наконец и сам догадался спрятаться.

— Есть! — торжествующе воскликнул Кардосо.

Цепь всадников разом рассыпалась в стороны и покатилась обратно по склону. Один скакал медленнее других. Он сидел, навалившись грудью на шею коня.

— Черт! Уйдет. Был бы «шарпс» под рукой, я б его добил, — разочарованно протянул майор.

Нападавшие сбились вокруг раненого плотной кучкой, поскакали обратно по дороге и скрылись за холмами.

В тенте фургона Остерман насчитал восемь пробоин, и еще несколько пуль оставили следы на бортах.

— Здорово стреляют, — сказал он. — Я никогда не видел таких трюков. Бросить поводья, на скаку бить из винтовки, да еще и попадать в цель? Начинаю уважать мексиканскую армию.

— Это не солдаты, — заметил Кардосо. — Они были не в мундирах.

— Значит, обычные разбойники? — спросил Мануэль.

— Нет. Необычные. Весьма необычные, — мрачно ответил майор.

7

Работа для Мутноглазого

Сотни лет назад индейцы хопи умели добывать медь. Когда на их землях появились испанцы, хопи поделились с ними своими знаниями. Из меди получались отличные украшения, но испанцам почему-то больше нравилось золото, и залежи медной руды оставались нетронутыми еще очень долго. Когда Мексика обрела независимость от испанской короны, новым властям было не до меди. Разработка месторождений началась только после того, как изрядный кусок мексиканской территории был продан Соединенным Штатам. Благодаря этой сделке наконец-то сформировалась постоянная граница между двумя странами. Американцам досталась удобная трасса для прокладки железной дороги, а президент Санта-Анна получил свои десять миллионов долларов да и ушел в отставку под давлением возмущенной общественности.

На новых землях появились изыскатели, за ними пришли старатели, а потом появились шахты и рудники. Медь залегала неглубоко и была, казалось, повсюду. Почти каждый, кто успел застолбить участок на склоне холма, мог быть уверен, что у него под ногами не просто камни да глина, а сотни тысяч долларов. Слухи о прибыльном месте распространились по всему юго-западу, и население Аризоны стало бурно расти.

Однако удача улыбалась не всем. Медная руда — это тебе не золотой песочек. Ее не намоешь лотком в ручье, и одиночкам тут нечего делать. Кто-то нанимался на шахты, кто-то бросал работу сразу же и уезжал, а некоторые оставались, найдя себе другое занятие. Они становились обладателями земельных участков, на которых вскоре появились фермы. Места тут были засушливые, но хопи научили новых соседей использовать каждую каплю воды. А соседи к тому же умели добывать живительную влагу из-под земли. Повсюду выросли ветряки, качавшие воду из скважин. Зазеленели кукурузные поля и полосы огородов, множились стада овец и коров. Фермеры кормили шахтеров, шахтеры кормили меднорудную компанию, а та подкармливала чиновников, и все были довольны.

Все, кроме тех, кому вечно чего-то не хватает. Таким был Джеральд Хезелтайн. Он владел крупнейшими казино и двумя публичными домами в Тирби, был совладельцем банка, рудника и нескольких мелких шахт, но все не мог остановиться в своем стремлении к богатству. Пришло время, и границы его владений, постепенно расползаясь вслед за медью, подступили к земельным угодьям фермеров.

Его партнер, Сайрус Тирби, основавший город в пустыне, полагал, что надо остановиться и копать вглубь, а не вширь. Но медь, собранная у поверхности, была в десятки раз дешевле той, которую извлекали с глубины. Ну, пусть не в десятки. Однако даже десять выигранных процентов делали Хезелтайна счастливейшим человеком на свете. А один процент упущенной выгоды ввергал его в бездну отчаяния.

— Так продолжаться не может, — сказал он однажды Сайрусу Тирби. — Я все просчитал. Нам надо в течение этого года скупить еще двенадцать ферм на холмах к северу от рудника. Это будет стоить шестьдесят тысяч. А вгрызаться в землю — слишком дорогое удовольствие. Чтобы поддерживать уровень добычи на прежнем уровне, придется потратить двести двадцать тысяч за три месяца.

— Джерри, что такое для нас двести тысяч? — небрежно улыбнулся полковник Тирби. — Месячный доход всех наших заведений. Вложим их в дело. Банковские сейфы и так трещат по швам. Пусть деньги поработают немного.

— Я не против. Деньги должны работать. Но у нас нет гарантий, что в глубине мы не наткнемся лишь на пустую породу. Если пласты меди тонкие, нас ждет крах.

— Гарантии? Их может дать наш геолог. Старина Адамс копается здесь седьмой год. Думаю, что он может дать гарантии, — веско заявил полковник. — Кстати, я как раз собираюсь его навестить. Надо приготовиться к большой охоте. Прогуляюсь с рейнджерами на виллу и к старику загляну. За гарантиями.

— Когда вернешься?

— В понедельник. Пожалуйста, Джерри, обещай мне, что ты не будешь наезжать на фермеров.

— Я и не наезжаю. Я просто хочу, чтобы они немного потеснились. Разве тут мало земли? И деньги мы им дадим приличные...

— Джерри, Джерри, угомонись. Куда им уходить? В Мексику? Поставь себя на место фермера...

— Сайрус, не надо демагогии, мы не на предвыборном митинге. Чтобы встать на место фермера, мне надо было в юности не учиться, не работать над собой, не отказывать себе во всем, а тупо плыть по течению, как все вокруг, которые стали фермерами, шахтерами и официантами. А я стал Джеральдом Хезелтайном, и теперь мне цена — три миллиона долларов, если считать только недвижимость и акции. Ну, и как я встану на место фермера?

— Ты никогда не будешь удачливым политиком, — смеясь, заключил полковник Тирби. — Не дано тебе уловить чаяния избирателя. Думаешь только о себе. Обещай мне хотя

бы ничего не предпринимать, пока я не вернусь с гарантиями.

— Или без них, — сказал Хезелтайн.

Полковник отправился в свои охотничьи угодья, а Хезелтайн вызвал к себе человека по кличке Мутноглазый.

Это был выходец с Юга. Возможно, из Луизианы, потому что имя у него было французское — Джон Лагранж. Хезелтайн не знал о нем почти ничего и не хотел знать. Мутноглазый не задавал лишних вопросов, работу выполнял добросовестно, а заработанные деньги тут же спускал в одном из игорных домов — то есть попросту возвращал их Хезелтайну.

Кличка приклеилась к нему из-за особенностей глаз. Они были светло-серыми, почти бесцветными, что на фоне смуглого лица и густой черной шевелюры производило жутковатое впечатление.

— Ты давно был в Нижнем городе? — спросил Хезелтайн.

— Что мне там делать?

— Там есть замечательная таверна.

— Ну да, в которой собираются свинопасы, курошупы и прочие говнодавы. Нет, сэр. Спасибо, сэр. Я уж лучше в «Парнасе» посижу.

— «Парнас» никуда не денется. Завтра вечером в таверне будет собрание фермеров. Их предводитель, Пит Виллис, любит после выпивки хвататься за кольт. Запомни имя — Пит Виллис. Он подбивает фермеров на войну против меня. Мне это надоело. С ним давно пора разобраться.

— Понимаю... — Мутноглазый принялся теревить длинный ус. — Значит, собрание? Много их съедется туда?

— Думаю, человек десять-двенадцать.

— И обратно, конечно, поедут кучей. Так-так... Извиняюсь, я не расслышал — где, ты сказал, находится ферма этого Виллиса?

— По-твоему, я должен знать адрес каждого ублюдка в Аризоне?

— Извиняюсь, босс. Значит, собрание? Ладно, пусть будет собрание...

Проще всего убить человека по дороге к дому. Он может плутать где угодно, но всегда вернется к родному порогу. Значит, здесь его и надо поджидать.

Однако на этот раз Мутноглазому пришлось отказаться от самого простого решения.

Джон Лагранж, как всегда, тщательно подобрал одежду для работы. Вязаный галстук на резинке, желтые ботинки и шляпа, похожая на паровозную трубу, — все это придавало ему вид прощелыги-горожанина, какого-нибудь агента по продаже лотерейных билетов. Такие фигуры довольно часто заезжали в Нижний город — так назывался район Тирби, расположенный на северном склоне Медного холма. Там располагались продовольственные склады, лавки и постоянные дворы для деревенщины. Фермеры со всей округи съезжались туда, чтобы купить дрожжи, табак или фургонные шины, а также узнать и обсудить последние новости.

Собрание фермеров проходило за длинным столом. Участники потягивали пиво, дымили самокрутками и мрачно слушали речи своего председателя. Однако его призывы к совместным действиям вызывали у слушателей только усмешку — у кого сочувственную, у кого скептическую. «Каждый сам за себя» — вот что могли бы написать фермеры на своем знамени. Если бы только они ухитрились собрать несколько долларов, чтобы скроить себе знамя.

Лагранж устроился у стойки бара и заказал бутылку виски и большой стакан. Его напарник, Бингл, топтался в другом углу таверны, увлеченно следя за сражением на бильярдном столе. Сходка фермеров подходила к концу. Они вяло перебрасывались замечаниями о ценах на лес и стройматериалы.

— Черт его знает, — проговорил один из фермеров, — а надо ли строиться дальше? Нужен новый сарай, позарез нужен. Ну, а вдруг придется съезжать? Оставить все под снос?

— Не горюй. Чем больше ты вложишь в хозяйство, тем дороже сможешь его продать.

— Да? У компании твердая цена. Пять тысяч — и весь разговор. И куда мы денемся с такими деньгами? Обратно на Восток?

— Даже и не думай о продаже, — раздался густой бас Пита Виллиса. — Сами видите, люди, у нас нет иного выхода. Если мы уйдем со своей земли, нас ждут разорение и голод.

— Если не уйдем, то же самое...

Лагранжу нравился этот Виллис. Такие люди обычно становятся вожаками в любой человеческой стае. В нем было слишком много жизненной силы, чтобы оставаться гордым одиночкой, к каким причислял себя Мутноглазый. Нет, если бы Пит Виллис оказался вне закона, он не стал бы наемным убийцей. Он создал бы грозную и неуловимую шайку, и не одна шерифская звезда была бы прострелена его пулями, и негритянки пугали бы его именем своих негритят.

Пит Виллис был худой и высокий. Даже сидя он был выше всех. Его лицо было как лошадиная морда — вытянутое, с крупными зубами и чуть вывернутыми ноздрями, с широко расставленными черными глазами под высоким лбом, на который падала густая русая челка. Ну, просто вылитый конь. Породистый конь, своенравный и неукротимый.

— Хорошо тебе говорить, Питер. У тебя только жена да сын, а у нас в семьях по шесть-семь ртов.

— Нам-то что, а вот за детей страшно. Может, пока не поздно, перебраться отсюда?

— Да поймите вы! Стоит только одному продать свой участок, как рудник вклинится в наши поля! И тогда остальным придется гораздо хуже, чем сейчас.

— Вот то-то и оно, Виллис, то-то и оно...

Лагранж понял, что сейчас самый подходящий момент для того, чтобы вступить в дело. Он обернулся к столу фермеров и сказал:

— Извините, господа, что я вмешиваюсь, но мне послышалось что-то знакомое. Кто-то из вас назвал имя Питера Виллиса. Он здесь?

— Да. Я здесь.

— Виллис? Питер Виллис из Колорадо? Тот самый? Не может быть!

Пит Виллис с недоумением разглядывал Лагранжа, а тот подхватил бутылку со стаканом и, пьяно пошатываясь, направился к фермерскому столу.

— Питер Виллис, какая встреча! Давай выпьем за то, что ты воскрес из мертвых!

— Ты, друг, меня с кем-то путаешь. — Виллис вышел из-за стола. — Я тебя знать не знаю и пить с тобой не собираюсь. Ты уж извини.

— Ты меня не знаешь? Ну конечно, откуда такая важная птица, как Питер Виллис, может знать простого телеграфиста!

Фермеры тоже стали подниматься из-за стола, собираясь уходить. Виллис уже стоял у самого порога, когда Лагранж выкрикнул с пьяной ухмылкой:

— Ты всегда так быстро сматываешь удочки, Виллис! Куда ты бежишь? Не хочешь узнать новости с нашей шахты?

— Какой шахты? — Виллис смотрел на него с отвращением. — Что может знать о шахте человек с такими белыми руками? Ты держал в руках что-нибудь тяжелее ложки? Зря ты так много выпил сегодня.

— Извините, мистер, я обознался. — Лагранж шаркнул ногой и нелепо поклонился, расплескав виски из стакана. — Тот Виллис, которого я знал по шахте Стоунбридж, не стал бы убегать. Хотя он все-таки страшно похож на тебя. Такой же длинный. Когда его вымазали дегтем, обвалили в перьях, а потом подвесили к шесту, чтобы пронести по всему поселку, он все время цеплялся спиной за дорогу. Вот смеху-то было! Извините, мистер, я обознался!

В таверне повисла напряженная тишина. Бингл, стоя в притихшей толпе у бильярда, выдал свою реплику:

— Что-то такое я слышал. Вроде говорили люди про шахту Стоунбридж. Кажется, там поймали вора?

— Да, вора! Он крал у своих! У таких же бедняков, каким сам прикидывался! —

Лагранж обличительно ткнул пальцем в сторону Виллиса. — А под тюфяком у него нашли пару тысяч долларов и все часы, что пропали в поселке!

Виллис стоял один на пороге таверны, все его друзья почему-то отодвинулись в стороны. Он тяжело дышал, и рука его тянулась к кобуре. Заметив это, Лагранж решил ускорить развязку. Он наполнил стакан и протянул его окаменевшему фермеру:

— Виллис! Дело прошлое! Давай выпьем за то, что ты живой и здоровый! Я думал, тебя давно повесили!

Рука Пита Виллиса оторвалась от кобуры и медленно поднялась, принимая стакан из руки Лагранжа. Мутноглазый успел зажмуриться раньше, чем виски выплеснулось ему в лицо. Делано испугавшись, он отшатнулся назад к стойке, судорожно вытирая лицо рукавом.

— Ты, слизняк, — с трудом выдавил из себя Виллис, — брехун ты позорный, забери свои слова обратно. Иначе я свинцом загоню их в твой вонючий рот!

Фермер допустил ошибку — на Западе нельзя угрожать безоружному. Он сам загнал себя в ловушку.

— Ты назвал меня лжецом! — закричал Лагранж. — Эй, люди, все слышали? Дайте мне что-нибудь, чтобы я мог ответить этому вору!

Он, как слепой, вытянул руки перед собой и шагнул сначала в одну сторону, потом в другую, прежде чем наткнулся на Бингла:

— Друг! Дай мне свой револьвер! Я покажу этому воришке, кто из нас настоящий брехун!

В его руке оказался кольт со спиленной мушкой.

— Он заряжен? Как из него стреляют? На что нажимать? — суетился Лагранж, нутужно, двумя руками взводя курок и поднимая револьвер. — Ну, гад, получай!

Мутноглазый мог уже три раза убить фермера за то время, пока ломал комедию. А тот даже не шелохнулся, держась за рукоятку своего длинного облезлого «уокера». И только после того, как Лагранж крикнул «получай!», Виллис выхватил револьвер из кобуры.

Лагранж выстрелил первым, и пуля ударила в правое плечо Виллиса. Фермер пошатнулся, рука опустилась, он все-таки нажал на крючок, но пуля ушла в пол. Мутноглазый выстрелил еще раз, в сердце, и Виллиса развернуло влево. Он запрокинул голову, и на губах его проступила пена. Все его тело передернула страшная судорога, он выгнулся дугой и повалился на пол, с громким стуком ударившись о доски затылком.

— Боже! — закричал Лагранж. — Что я наделал! Что наделал!

Громко рыдая, он выбежал из таверны, не забыв, однако, опустить свой любимый кольт в карман сюртука. За спиной хлопнула дверь, кто-то выбежал наружу, но преследователи не могли видеть Мутноглазого — он уже нырнул в проход между складами.

Его конь стоял за углом, привязанный к штaketнику рядом с лошадьё шерифа.

— Ну, как прошло? — спросил тот. — Я слышал три выстрела.

— Моих было два, — сказал Лагранж, ловя стремя носком.

— На тебя это непохоже.

— А мне и надо, чтоб не было похоже на меня, — сказал Мутноглазый. — Иди принимай работу.

8

В городе

Майор Кардосо сдержал слово. Едва завидев среди шахтерских палаток большой шатер под вывеской «Дом Азарта», он направил к нему свою кобылу.

Мануэль, правивший лошадьёми, оглянулся:

— Куда он?

— Поворачивай за ним, — сказал Кирилл. — Постоим здесь немного.

Илья и майор уселись за свободный столик, сколоченный из двух больших ящиков. Ящики поменьше служили здесь стульями, и стойка бара была сделана из ящичных досок,

пестрых от разнообразных надписей и штампов.

Кирилл задержался у стойки, оглядывая витрину.

— Эти бутылки не продаются, — предупредил его бармен. — В прозрачных — подкрашенная вода, а в темных пусто. Стоят для красоты. Тут никто не заказывает ничего, кроме пива и бурбона.

«Весьма разумно, — подумал Кирилл. — А на этикетки все равно приятно посмотреть. Вспомнить, как впервые попробовал шампанское...»

— Вода есть?

— По цене пива.

— Три бокала воды. И еще. Где я могу остановиться на неделю? Хотелось бы пожить в приличном номере. Два месяца под открытым небом...

Бармен сочувственно кивнул, наполняя бокалы водой из оцинкованной фляги:

— Я сам когда-то пришел сюда из Канзаса на своих двоих. Месяц в седле, а в Тумбстоне лошадь украли. Не поворачивать же обратно. Двинулся пешком. Так что любой, кто въезжает в Тирби не на дилижансе, для меня как брат родной. С вас три доллара, сэр. А насчет отеля — посоветую «Амбассадор». Это напротив главной конторы. Там и почта, и банк. И номера приличные. Водопровод. Днем даже бывает горячая вода. Белье меняют каждую неделю, а внизу как раз прачечная. Так что двигайте туда, сэр, не прогадаете.

Кирилл взял поднос с тремя бокалами не слишком прозрачной воды и направился к столику, где Илья и Кардосо уже выстроили столбики фишек и перетасовали покерные карты. Он не собирался играть и подсел только для того, чтобы матч-реванш не затянулся. Гостиница, расположенная возле офиса меднорудной компании, да еще по соседству с банком, безусловно, была самым подходящим местом для проживания. Будет крайне досадно, если они опоздают занять там номер.

— Вы уже договорились насчет времени? — спросил он.

— Естественно. Играем полчаса, — рассеянно ответил Илья, разглядывая свои карты. — Банкиром будешь? Или подождешь нас в фургоне?

— Для двоих банкир не нужен. Лучше я буду смотреть на часы.

Он и в самом деле выложил карманные часы на стол и смотрел только на циферблат, объявляя каждые пять минут, сколько еще осталось. При этом Кирилл не забывал следить за окружающими. Здесь довольно строго следовали карточному этикету, и никто не глядел на новых игроков. Исключение составляли трое невзрачных типов, слонявшихся вдоль наклонных стенок шатра. Они бросали равнодушные взгляды на столы и тут же отворачивались. Иногда один из них подсаживался к стойке и наблюдал за играющими оттуда. Кирилл видел, что эти трое как-то связаны между собой, хотя они ни разу не переглянулись и ухитрялись все время находиться в разных концах шатра. Возможно, то были местные борцы с шулерами. Или, наоборот, подручные какого-то шулера, который сейчас работал за одним из игровых столов.

— Осталось пять минут, — объявил Кирилл.

— Удваиваю. — Илья подвинул стопку фишек.

— Отвечаю. И открываемся. — Кардосо разложил свои карты на столе. — Пара на семерках.

— Вы победили. Я без пары. — Илья сгреб карты и принялся тасовать. — Последний заход, майор?

— Пожалуй, достаточно. Будем считать, что я отыгрался.

Они вышли из шатра и направились к фургону, где Рико возился около лошадей, поправляя упряжь. Кирилл не сразу узнал его, потому что мексиканец успел сменить свои белые одежды на клетчатую рубашку и просторные замшевые штаны. Мануэль, тоже одевшийся подобным образом, стоял в сторонке и о чем-то шушукался с мексиканцем в дырявом рабочем комбинезоне.

— Меня восхищают люди, способные вот так запросто выйти из игры, — сказал Илья. — Я очень долго учился справляться с азартом. А у вас это получается так

непринужденно.

— Я не знаю, что такое азарт, — спокойно ответил Кардосо. — Игра доставляет удовольствие, не более того. Сумма проигрыша иногда огорчает, к выигрышу я равнодушен. Но что такое азарт, для меня всегда оставалось загадкой. Возможно, как раз поэтому я до сих пор играю. Наблюдаю за партнерами и пытаюсь заразиться их чувствами.

— Получается? — спросил Кирилл.

— Нет. Мне ближе другое. Опасность, неизвестность, риск — все это манит людей. За карточным столом многие рискуют остаться не только без денег, но и без головы. Однако мне это смешно. Риск должен иметь смысл. Например, на войне.

— В таком случае мы квиты, — сказал Илья. — Отправившись с нами, вы здорово рисковали.

— Пара стычек за всю дорогу? — Майор пожал плечами.

Кирилл вспомнил, как хладнокровно Кардосо расстрелял налетчиков, прячась в кустах.

— Кажется, вы весьма огорчены, что не удалось еще и повоевать с апачами, — сказал он.

— Я с самого начала был уверен, что они блефуют, — вяло улыбнулся Кардосо. — Там не было места, чтобы скрыть большую банду, а без перевеса они не нападают. Вряд ли они нас выслеживали. Видимо, старик просто куда-то направлялся, а мальчишки его сопровождали. Между прочим, апачи — самая азартная нация из всех, кого я знаю. У них много разных игр, но чаще всего они режутся в цветные палочки. Что-то вроде «верю-не верю». Кстати, Крис, знаете, почему старый апач не убил вас? Он увидел, что вы играете с ними. И сделал ответный ход. Но вот когда вы предложили ему воду, мне стало не по себе. Апачи не знают великодушия, милости. Доброта воспринимается ими как проявление слабости. А слабым незачем жить.

— Старый апач понял меня лучше, чем вы. Я не из доброты предложил ему воду. Он не умирал от жажды. Я показал, что считаю его равным себе. И прибавил к воде четыре труп, которые мы оставили за спиной. Старик все понял правильно.

— В любом случае, путешествие было приятным. — Кардосо протянул руку ему, затем Илье, а потом обменялся рукопожатием с Мануэлем и Рико. — Не забудьте, о чем мы говорили ночью. Если будете в Мексике, охотно приму вас в свой эскадрон.

— Куда вы сейчас?

— Не знаю. Навещу друзей, а они скажут, куда ехать.

Он щелкнул каблуками и небрежно поклонился. Когда его белая кобыла скрылась за палатками, Илья сказал:

— Черт возьми, я был готов все бросить и отправиться вместе с ним.

— Зачем?

— Просто так. Кажется, я больше никогда не сяду за карты. Пропал интерес.

— Тебе все же придется немного поиграть, — сказал Кирилл. — В интересах нашего бизнеса.

— Опять бизнес, — скривился Илья. — Там люди революцию готовят, а ты все о бизнесе. Ладно, поехали. Только куда?

— Будем искать отель «Амбассадор». — Кирилл увидел, что Рико смотрит на него, не решаясь задать вопрос. И сказал: — Мне нужны люди, которые будут присматривать за фургоном и лошадьми, пока мы будем заняты своими делами. Оплата — доллар в день. Устраивает?

Рико кивнул.

— Найдите себе место, где будете жить. Постоялый двор или еще что-нибудь. — Кирилл выгреб из кошелька все мелкие монеты. — Вот деньги, заплатите за овес и постой. Когда устроитесь, приходите к отелю, обсудим наши планы.

— Да какие наши планы, сеньор Крис, — заулыбался Мануэль. — Обойдем все богатые дома, поговорим с прислугой и найдем Луиситу. Рассчитаемся с хозяевами — и домой. Но мы можем вас подождать, чтоб вернуться всем вместе. Нам-то что? Нам спешить некуда.

— Все равно, жду вас возле «Амбассадора» примерно через час.

— «Амбассадор» — плохое место, — буркнул Рико.

— Почему?

— Там грабят.

— Да, это плохое место, — поддержал его Мануэль. — Пока вы играли, мы поговорили с земляками. Они рассказывают, в больших гостиницах творятся дурные дела. Ляжет человек спать, запрется в комнате, а ночью в стенке открывается потайной ход. Воры его обчистят, а он и не заметит. Утром хватится, что кошелек пустой, да только поздно будет. Парни сами строили такую гостиницу. Они тут все строили. Так что давайте лучше вместе проживем на постоялом дворе. Среди бедняков спокойнее.

— Спасибо за совет, амиго. — Илья хлопнул мексиканца по плечу. — Теперь я точно знаю, что «Амбассадор» — самое подходящее для нас место.

Они переоделись в фургоне. На этот раз приличные городские костюмы отправились на самое дно чемодана — они понадобятся еще нескоро. Сейчас надо было выглядеть так, чтобы не выделяться. Однотонные рубашки с едва заметной вышивкой на плечах; добротные жилеты тисненой кожи — не слишком новые, но и не заношенные; брюки с замшевыми накладками. Одной из важнейших деталей наряда был оружейный пояс. Кирилл прицепил к нему кобуру с легким «смит-вессоном». Остерман, поколебавшись, остановил свой выбор на «веблее» — этот револьвер был не таким роскошным, как его любимый «миротворец» с перламутром и серебром, зато гораздо легче. До блеска начистив сапоги, Кирилл и Илья приторочили чемоданы к седлам и направились туда, где над морем палаток возвышались несколько зданий. Там начинался собственно город. Он стоял на крутом холме, и все лучшие здания занимали вершину, а рабочие окраины лепились к склонам.

— Надо поговорить с мексиканцами, которые строили офис конторы, — сказал Илья. — Может, они и сейфы туда затаскивали. Конечно, они, больше некому. Они могут многое рассказать.

— Этим займусь я, — сказал Кирилл. — Твое дело — игорные заведения.

— И публичные дома, — добавил Илья. — Девчонки знают все обо всех. Может быть, и про Луиситу что-нибудь разведая.

— Если и разведашь, не стоит говорить об этом Рико. Иногда лучше ничего не знать.

— А по-моему, наоборот. Чем раньше он узнает, что ему надо искать другую невесту...

— Да не нужна ему другая, — сказал Кирилл. — Ты рассуждаешь как типичный северянин. На юге все по-другому. Если Рико найдет Луиситу в борделе, это конец всему. И ему, и Луисите, и борделю.

Они выбрались на центральную улицу, разделявшую поселок на две части. Ниже по склону холма были в беспорядке разбросаны шатры и землянки, и от дымящихся костров тянуло запахом подгоревших кукурузных лепешек. По другую сторону дороги выстроились ряды брезентовых палаток, между ними белели столбики с указателями, и за каждым рядом виднелся дощатый навес, а под ним — длинный стол со скамьями. Там, на краю этой части поселка, даже были умывальники и будки сортиров.

Приглядевшись, Кирилл заметил, что среди шатров и землянок попадались в основном мексиканцы — краснолицые, скуластые, в соломенных шляпах. А возле армейских палаток кое-где сидели в тени навесов представители белой, цивилизованной расы. И чем ближе становился центр Тирби, тем меньше попадалось на их пути мексиканцев.

Дорога петляла, поднимаясь все выше по холму. Когда же палаточный городок остался за спиной, их лошади остановились перед цепью, натянутой поперек дороги между двумя деревянными зданиями. Тут же стояла добротно сколоченная будка часового, откуда вышел розовощекий блондин с латунной звездой на куртке.

— Добро пожаловать в Тирби, — произнес он, внимательно оглядывая пришельцев. — Вы из Мексики?

— Нет, из Колорадо, — ответил Остерман. — А какая, собственно, разница?

— По этой дороге приезжают из Мексики. Обычно мы их сразу заворачиваем вниз, к

палаткам. — Охранник сдернул цепь с крюка, и она со звоном упала в песок. — У нас тут строго. А мексиканцы, знаете, вечно начинают бузить, только пусти их в салун. Как же вы ехали, что оказались на этой дороге?

— Заплутали в пустыне.

— В пустыне? Там никто не ездит. Надо было ехать через Тумбстон. А в пустыне апачи. Целая дивизия апачей. Говорят, их собрал сам Джеронимо. Как они вас пропустили?

— Видимо, они тоже решили, что там никто не ездит, — улыбнулся Илья.

Вдоль улицы сплошной стеной выстроились серые однотипные дома, и такой же сплошной лентой тянулись по обеим сторонам однотипные вывески. «Салун», «Салун», еще «Салун», «Салун и номера», «Обувь, шляпы и сбруя», «Напитки и лекарства», и снова «Салун». И только на небольшой площади глаз путешественника радовало приятное разнообразие: «Почта», «Банк», «Аптека», «Шериф». А выше всех, на фоне белесого неба, красовались черные буквы, сколоченные из досок, — «Амбассадор».

В строительство отеля кто-то вбухал немалые деньги. Первые два этажа были сложены из настоящего кирпича, а не из саманных блоков, как все остальные здания на площади. Третий и четвертый этажи были деревянными, с двумя ярусами балконов. Над входом нависал портик, опиравшийся на две колонны, а входная дверь была почти сплошь стеклянной.

Такая же роскошь окружила Кирилла и Илью, как только они вошли в холл. Приятный полумрак и прохлада, множество цветов в деревянных кадучках и толстые портьеры на окнах — все, как в настоящем отеле где-нибудь в большом городе. Довольно странно было встретить такой комфорт здесь, вдали от железной дороги.

Холеный портье без лишних слов выдал им ключи от номера, и тут же появился носильщик в красной куртке, подхвативший чемоданы, а другой паренек из obsługi отвел их лошадей в конюшню. В двухместном номере не было ни пылинки, на столе стоял кувшин с водой. Кирилл сразу же налил себе в стакан — вода была чистая и холодная. И свежая, будто кувшин наполнили за секунду до прихода гостей. Да еще и бесплатная.

— В поселке внизу стакан воды стоит доллар, — сказал он Илье. — А здесь роскошный номер с полным пансионом мы сняли за десятку в неделю. Как ты это объяснишь?

Илья рухнул на постель, сложив руки под головой, и зевнул.

— Наверно, у хозяина есть другой способ выкачать из нас оставшиеся денежки. Низкие цены — это приманка.

— Ну, про один такой способ нам уже рассказал Мануэль.

— Наверняка здесь играют. Просто чтобы скоротать вечерок. И наверняка среди постоянных жильцов найдется пара-тройка шулеров. Которые делятся с хозяином. А еще с хозяином делятся дорогие проститутки, которые снимают номера на самом верху.

— У дамочек серьезные конкуренты, — сказал Кирилл, подойдя к окну и раздвинув занавески. — На соседней улице вижу два, нет, три дома с дежурными красотками в окнах.

— Мне не придется стаптывать обувь, чтобы все разведать, — сказал Илья и сладко потянулся. — Слушай, Кира, ты все равно стоишь, распорядись насчет ванны.

— Не могу, у меня дела внизу.

Кирилл вышел из отеля, пересек площадь и поднялся на крыльцо почты.

«Семьдесят два шага», — машинально сосчитал он, открывая дверь. В команде Брикса было заведено первым делом составлять точный план местности. И оказавшись в новом месте, Кирилл видел не просто здания, деревья и заборы, а привычно отмечал все, что надо будет нанести на схему: огневой рубеж, сектор обстрела, укрытия и препятствия. Этот план может и не понадобиться. А может и жизнь спасти.

— Я жду телеграмму из Туссона на имя Кристофера Смита, — сказал он телеграфисту. — Насчет поставок товара. Не получали еще?

— Кристофер Смит? Одну минуту... Да, сэр. Вот, пожалуйста.

Кирилл прочитал текст, который сам же и отправил два дня назад, а затем спросил:

— А из Техаса мне ничего не было? Должно прийти сообщение об отгрузке.

— Из Техаса? Нет, сэр.

— Тогда я зайду попозже.

— Если вы остановились в «Амбассадоре», телеграмму вам принесут прямо в номер.

— Спасибо. Она может прийти с минуты на минуту. Я подожду на площади.

Заметив свободный стул на галерее, опоясывавшей здание банка, Кирилл направился туда. Там уже сидели несколько обывателей. Один читал газету, остальные просто курили. Кирилл устроился с краю и, так же как его соседи, вытянул ноги на перила. Разжег сигару и откинулся на спинку, низко надвинув шляпу на глаза. Никакой телеграммы он не ждал. По крайней мере сегодня. Но теперь и работники почты, и немногочисленные посетители знали о нем все, что должны были знать: этот приезжий не просто так маячит на площади, а ждет важного сообщения.

— Из Тумбстона, братан? — спросил сосед, не поворачивая головы.

— Нет. Додж-сити.

— Как там с работой?

— Глухо.

— Здесь тоже.

Кирилл видел на поясе соседа кольт, болтавшийся на шнурке, без кобуры. Так носили оружие наемные стрелки. По каким-то признакам этот ганфайтер принял Кирилла за своего коллегу. Что ж, он почти не ошибся.

— В охрану рудника даже не суйся, — добавил стрелок. — Платят гроши, и контракт на год. А там никто не выдерживает больше месяца.

Кирилл кивнул в ответ. Поля шляпы прикрывали глаза от низкого солнца, и он мог хорошо разглядеть площадь перед банком. Ему уже было ясно, что налет здесь не удастся: некуда отходить. За площадью начинались лабиринты узких улочек. Даже не улочек, а просто проходов между стоящими в беспорядке домами. Единственная широкая дорога вела к руднику, который угадывался далеко внизу по коническим отвалам породы.

«Банк нам не нужен, — подумал он. — Возни много. Здесь пахнет большими деньгами, но они лежат не в банковских сейфах. Они лежат в кармане хозяина этого города. Меднорудная компания принадлежит Сайрусу Тирби, он же владеет и каждым клочком земли вокруг. Значит, с каждого доллара, заработанного на его земле, Сайрус Тирби получает хотя бы несколько центов. Как бы уговорить его поделиться с нами?»

Чем больше он наблюдал, тем меньше верилось, что они уедут отсюда с добычей. В этом городе, очевидно, не было ни детей, ни стариков, а жили только мужчины от двадцати до сорока лет. Если на площади и показывалась женщина, то ее обязательно сопровождал кавалер. Все носили оружие, и даже у дам наверняка имелся изящный пистолет в сумочке. Легко представить, как поведет себя население города, заслышав стрельбу в районе банка или казино. Шерифу не придется долго сзывать помощников — они сбегутся сами, надеясь поразвлечься.

«Да, задал мне Илюха задачу», — подумал Кирилл. Сказать по правде, он ввязался в это дело только для того, чтобы поддержать приятеля. С Остерманом бесполезно спорить. Пусть сам поймет, что идея была абсолютно бредовой. В конце концов, считать он не разучился? Вот и пусть просчитает, стоят ли усилия, риск и потерянное время тех денег, которые можно увезти из Тирби.

Кирилл уже сейчас видел: нет, не стоят. Хорошо бы отсюда выбраться без существенных потерь. Он мог бы сказать это Илье, но решил, что тот и сам все поймет.

Он сидел на площади, чтобы перехватить Мануэля и Рико, когда те появятся возле отеля. Но прошел час, затем второй, а они не приходили.

«Мексиканцы, — снисходительно подумал Кирилл. — У них свое представление о времени. Для меня „через час“ означает „через шестьдесят минут“. Для них это может означать, например, „завтра утром“. Если не появятся до вечера, завтра проведу их сам».

У него даже на миг не возникло подозрение, что Мануэль и Рико могли его обмануть. Он часто имел дело с мексиканцами и индейцами. Подвоха можно было ожидать только от

тех из них, кто занимался торговлей. А ковбоям, проводникам и бандитам он доверял.

9

Полковник Тирби и его друзья

Жизнь офицера в отдаленном гарнизоне полна опасностей. Во-первых, он может спиться. Если офицер не пьет, он может испортить отношения с пьющим командиром и поставить крест на карьере. Во-вторых, он может проигратся в карты. Если он не будет играть, то испортит отношения и поставит крест на карьере. В-третьих, он может просто испортить отношения с командиром. От долгого пребывания в глуши командиры понемногу сходят с ума, и нормальному человеку бывает трудно понять смысл их приказов и тем более — выполнять их. И наконец, офицер в отдаленном гарнизоне может сам стать командиром, в результате чего он неминуемо сопьется, проиграется в карты и сойдет с ума. Но при этом не поставит крест на карьере.

Многие командиры отдаленных гарнизонов стали выдающимися гражданами. Например, президент Улисс Грант. Или полковник Сайрус Тирби.

Дэвид Кардосо служил под его командованием в самом дальнем форте Орегона. В этой глухомани не было даже индейцев — последнего подстрелил часовой еще в сороковых годах. Гарнизон занимался добычей пушного зверя и самогонварением, превращая кленовую патоку в огненную воду. Нижним чинам дозволялось пользоваться собственной продукцией только в обед, а офицеры потребляли ее при каждом приеме пищи, а также между ними. Их было трое — лейтенанты Кардосо и Хезелтайн под командованием капитана Тирби. За два года они успели изрядно надоесть друг другу и не рыдали от горя, когда их гарнизон расформировали. Однако вскоре им снова пришлось встретиться, когда все трое получили назначение в кавалерийский полк, умиривший индейцев в Дакоте.

В боевых действиях они не участвовали, были заняты охраной коммуникаций. Проще говоря, шатались по дорогам, останавливаясь в каждом салуне, чтобы уточнить разведданные и заодно пропустить по стаканчику. Так прошел еще год, который сблизил Кардосо, Тирби и Хезелтайна. Выяснилось, что они не зря тратили время в Орегоне, когда сутки напролет резались в карты. Сейчас, сядя за стол с местными фермерами, охотниками и ковбоями, они были уверены, что встанут не с пустыми карманами.

Лейтенант Кардосо играл честно. Он знал несколько приемов, помогающих контролировать ход игры. Еще он умел по уголкам глаз противника определять, не блефует ли тот. Впрочем, это было наименее важное его умение.

Самым же главным было другое — Кардосо никогда не ленился считать. Его поражало, как сильно озабочены его партнеры всякими психологическими трюками и как мало они считают. Они запоминали, сколько карт прикупил противник, как дрогнули его брови, каким голосом он объявил свой ход. Но при этом не имели ни малейшего понятия, с какой вероятностью их «пара» может превратиться в «тройку».

Брови и интонации участников игры не привлекали внимания Кардосо. По крайней мере до тех пор, пока он не получал ясного ответа на вопросы. Чем я рискую? Сколько могу выиграть? Каковы мои шансы? Остаюсь ли я в игре?

Он просчитывал вероятность той или иной комбинации для себя и партнеров. И если расчеты заставляли его продолжать игру, вот тогда он и начинал следить за уголками глаз. Впрочем, глаза могут обмануть, но математика — никогда.

Всех остальных участников игры почти никогда не интересовала математика. Разве что в момент подсчета своего проигрыша. Они больше полагались на умение, получив хорошую карту, изобразить полное отчаяние, с отвращением бросить карты на стол, но продолжить игру якобы просто ради компании. После чего, сделав ставку, они удовлетворенно откидывались на спинку стула и выпускали струю дыма вверх. Этот дым вверх, как свисток речного парохода, предупреждал Кардосо о том, что пора сходить на берег, потому что партнер, столь явно разочарованный, на самом деле получил четыре туза.

Для всех участников игры покер был продолжением их жизни. Они и в жизни привыкли притворяться и ломать комедию, так почему не делать того же за игорным столом? Всегда быть готовым исподтишка дать подножку обгоняющему сопернику. Гордо раздувать щеки, вертеть хвостом и выпячивать грудь, когда дела идут все хуже и хуже. Главное — произвести впечатление. По наблюдениям Кардосо, чем ничтожнее был человек, тем тщательнее он следил за тем, какое впечатление производит на окружающих.

Но в покер он выигрывал слишком часто, поэтому многие наверняка считали его искусным шулером. И совершенно напрасно. Единственное, в чем его можно было упрекнуть, так это в том, что он поначалу поддавался противникам, чтобы сорвать с них побольше выигрыша.

А вот Джерри Хезелтайн как раз был прирожденным шулером. У него были сообщники, поочередно игравшие вместе с ним. Были крапленые колоды, и запасные карты в рукаве, и еще множество разных трюков в запасе, которые позволяли ему раздевать своих незадачливых противников.

Наблюдая за Хезелтайном со стороны, его было невозможно заподозрить в обмане. Никакой суетливости, никаких бегающих глазок. Более того, за игорным столом он на фоне остальных игроков выделялся как раз особым спокойствием. Бывало, что он крупно проигрывал, но и тогда не терял достоинства, быстро расплачивался и уходил.

«Надо уходить, пока есть в чем», — горько шутил он, покидая зал. Его самообладанию в такие минуты завидовали все, кто не знал, что Хезелтайн проигрывал только сообщникам.

Главным источником дохода для Хезелтайна и Тирби были скотоводы, которые заходили в салун после удачной продажи пригнанного стада. Выиграв первые двадцать-тридцать долларов, они заводились и уже не могли остановиться. Хезелтайн сам уговаривал их, пытался выйти из игры, но они размахивали своими кольтами и заставляли его продолжать игру — чтобы отдать ему все свои денежки до единого цента.

Роль капитана Тирби заключалась в том, чтобы изображать азартного неудачника. А в нужный момент он прерывал игру, объявив, что эскадрону пора двигаться дальше. Как говорится, труба зовет.

Индейцы утихомирились, кавалеристы снова осели в фортах, и полк распустили по домам. Кардосо вышел в отставку, женился, овдовел, сменил десяток штатов и два десятка занятий, а потом получил наследство — полуразвалившийся особняк в Калифорнии. Разбирая отцовские бумаги, он обнаружил письмо со знакомым корявым почерком. Так мог писать только Сайрус Тирби, когда был относительно трезв.

«Дорогой Дэвид», — прочитал он и удивился. Почему Дэвид? Отца звали не так... До него не сразу дошло, что это письмо предназначалось не отцу, а ему.

«Дорогой Дэвид! За прошедшие десять лет многое могло измениться, однако для боевого братства годы ничего не значат. Твой адрес я нашел в штабных бумагах. Надеюсь, рано или поздно ты заглянешь домой...»

Рано или поздно? Письмо пролежало в столе два года. Так-так, значит, он уже полковник? Ну, и зачем он забурился в Аризону?

»...но дело, которым я начал управлять, сильно разрослось, и теперь само управляет мной. Я откусил больше, чем могу проглотить. Мне не хватает надежной команды. И я протрубил сбор. Если приедешь, не пожалеешь. Обещаю приличный стол, обильную выпивку и море приключений».

Он отложил письмо и забыл о нем примерно на год. Чего-чего, а приключений ему и так хватало: в то время Кардосо командовал эскадрой ополченцев, охранявших Дороги Невады от апачей.

Но однажды ему попалось на глаза служебное донесение о некоем бывшем полковнике армии США, который на своем ранчо в Аризоне формирует повстанческие отряды мексиканцев. Полковник заверял, что эти банды нужны только для того, чтобы охранять его собственность в приграничной зоне, но мексиканские власти считали иначе, особенно после нескольких стычек между солдатами и «охранниками».

Кардосо незаметно навел справки и выяснил, что деятельность полковника не вписывается в русло федеральной политики. А посему на достаточно высоком уровне было решено его образумить. Оставалось только установить его имя и точное местонахождение.

Мексиканская граница — длинная, а чокнутых полковников в армии США — предостаточно. Пока политики вели свое расследование, майор Кардосо быстро собрался и отправился в Аризону. У него не было сомнений, что речь шла именно о полковнике Тирби.

Ему вспомнился Орегон и застольные беседы командира, который любил порассуждать о политике. По мнению Тирби, в будущем страной должны управлять исключительно выпускники Вест-Пойнта. Академия готовила не просто артиллеристов и инженеров. За четыре года, проведенные в полной изоляции от окружающего мира, у кадетов вырабатывалось чувство принадлежности к особой касте. Они становились Избранными, и обладали качествами, которых не хватало большинству политиков. Честь, дисциплина и стремление служить — вот что должно двигать по жизни подлинного вождя нации, а вовсе не жажда власти или наживы.

Правда, независимо от количества и качества выпитого, Сайрус Тирби оставался реалистом и с горечью признавал, что ближайшим поколениям кадровых офицеров вряд ли удастся захватить Вашингтон. Успеха можно достигнуть где-нибудь на окраинах. Скажем, в Орегоне или в Калифорнии. Или в Техасе. Правда, федеральные «пиджаки» и там успели окопаться. Но есть еще Мексика, Гондурас, Колумбия, есть множество стран, где неизбежны революции — и кому их возглавлять, как не выпускникам Вест-Пойнта?

Давид Кардосо не учился в академии, но слова капитана Тирби будили в его сердце честолобивые мечты. В его роду все мужчины были военными. Политикой никто из них не интересовался. Род Кардосо честно служил той власти, которая честно платила жалованье. Сначала — испанской короне. Потом — мексиканским правителям, которые сменяли друг друга с калейдоскопической быстротой. Когда земли Северной Мексики превратились в Территории, семейство Кардосо стало служить Соединенным Штатам. Отец Дэвида дослужился до полковника, участвуя в мексиканской кампании, и был среди тех, кто поднимал звездно-полосатый флаг над Мехико. Старшие братья служили в охране мексиканского президента Хуареса, когда тот скрывался в Новом Орлеане. А затем вместе с ним громили французский экспедиционный корпус. И хотя они воевали под мексиканским флагом, но после изгнания интервентов вернулись в Калифорнию. А на долю Дэвида Кардосо выпала лишь рутинная гарнизонная служба на задворках Америки...

Прошло много лет. О политических манифестах пьяного командира он вспомнил только однажды, случайно узнав, что Сайрус Тирби стал мэром где-то в Канзасе. Сам же Кардосо уже не собирался никому служить. Предпочитал работать по контракту.

И вдруг — эта новость... Значит, командир ничего не забыл? Значит, в той заварухе, что начиналась в Мексике, и для Дэвида Кардосо найдется свободное место в строю?

И вот он в городе, который носит имя его командира. Вот скромный, но хорошо укрепленный дом, в котором живет его командир. Вот охрана на входе, которая вытягивается в струнку, едва завидев бумагу, подписанную его командиром. Майор Кардосо входит в роскошную гостиную — и видит там только Джеральда Хезелтайна.

— Черт возьми, Дэвид, как ты вовремя! — воскликнул Хезелтайн, словно они расстались вчера, а не десять лет назад.

Он пошел навстречу, расставив руки для объятия, но Кардосо ограничился рукопожатием.

— Когда мне доложили, что прибыл человек, приглашенный полковником, я и подумать не мог, что это ты! Ну, старый лис знал, кого вызвать в трудную минуту! Нам не хватало именно тебя.

— Я не мог приехать раньше, — сказал майор, слегка устыдившись, что за год не выбрал времени для ответа на письмо.

— Все начнется завтра. У тебя есть сутки, чтобы подготовиться. Днем из Тумбстона

прибывают гости, а вечером садимся играть.

«Играть?» — озадаченно подумал Кардосо.

А Хезелтайн подвел его к столу, на котором рассыпью пестрели карты.

— Накалываю рубашки. Ты же знаешь, я всегда очень основательно готовлюсь. И все делаю сам. Ну-ну, не строй такую кислую мину! Твоя роль остается неизменной — ты играешь в полную силу, умеренно рискуешь и заставляешь гостей терять голову. А ближе к полночи, когда они созреют, за стол сядем мы с полковником.

— Что за гости? — спросил майор.

— Миллионеры из Калифорнии. Биржевые спекулянты. Полковник собирается впарить им все заброшенные шахты. Я вел с ними переговоры чуть ли не полгода. Безуспешно. Думал уже бросить эту комбинацию, но вдруг узнал, что все трое — отчаянные игроки. Ну, и подослал к ним своего человека с хорошо подвешенным языком. Когда биржевики узнали, как у нас тут играют, они сами меня отыскивали и начали предлагать варианты сделки. — Хезелтайн с довольной улыбкой сгреб карты и стал ловко тасовать их, пуская непрерывным потоком из руки в руку. — А я уже был наготове. И как бы невзначай вспомнил, что мелкие шахты часто меняют владельцев, потому что те проигрывают их. Уж такой у нас азартный народец подобрался. Теперь понимаешь, какие у них замыслы? Наличность-то они с собой везут, и немалую. Но рассчитывают больше выиграть. Да только у нас с тобой немного другой расчет, верно?

«Да, у меня был немного другой расчет», — подумал Кардосо. У него еще оставалась надежда, что командир просто не посвящает Хезелтайна в свои планы.

— Мне надо поговорить с полковником, — сказал он.

Наверно, Хезелтайн уловил что-то такое в его голосе, от чего сразу потускнел, и карты высыпались из рук.

— Извини, Дэвид. Я не сообразил, что ты с дороги. Тебе надо отдохнуть, а я — с места в карьер... Сейчас тебя проводят в отель. Сам понимаешь, о нашем знакомстве никто не должен знать. Старик тебя найдет сам.

— Когда?

— Когда ему будет удобно. Сейчас он на вилле. Гостям обещана облава на пуму.

— Я должен кое-что ему сообщить. Это срочно. И важно.

Хезелтайн снова принялся тасовать карты, и на этот раз движения его были безошибочными.

— Не знаю, когда он вернется, но в любом случае старик будет здесь завтра днем, чтобы встретить гостей. Я подумаю, как бы вам встретиться незаметно для чужих глаз.

— Вилла... Это далеко?

— Не думаешь ли ты, что я позволю тебе поехать туда в одиночку? Дэвид, ты нам нужен живым и здоровым и с неповрежденным скальпом. Отправляйся в «Амбассадор». И, кстати, не играй там ни с кем. Не раскрывай свои таланты раньше времени. А утром к тебе придет человек от меня. Принесет деньги для большой игры.

— Не надо денег, — сказал майор.

— Ставки будут большими. Очень большими. Ты должен продержаться в игре как можно дольше. Все, что выиграешь, — твое. Что проиграешь — спишем. Но я в тебе уверен.

— Напрасно, — сказал майор. — Сейчас я и сам в себе не уверен. Жаль, что не удалось повидать полковника. Если мы с ним разминемся, передай ему... Впрочем, я сам расскажу.

— Постой, Дэвид. Как это понимать? Ты не играешь?

— Нет. Не играю, — сказал Кардосо.

— А если тебя попросит сам полковник?

— Не думаю, что он станет это делать. Прощай.

Чтобы разгадать секрет воровских потайных ходов, Илье Остерману пришлось вспомнить опыт жизни в Нью-Йорке, а затем использовать свои познания в математике. Были они не слишком обширными, но уж складывать и вычитать он умел. Пройдясь несколько раз по коридору и сосчитав шаги от двери до двери и от стены до стены, он быстро обнаружил, что между двумя соседними номерами помещалась еще одна, весьма узенькая, комната, не имеющая выхода в коридор. Зато она имела неприметную дверь со стороны наружной галереи.

Илья вернулся в номер и обследовал стену, примыкающую к промежуточному помещению. Для этого ему пришлось отодвинуть длинную вешалку, заменявшую платяной шкаф. Как и следовало ожидать, одна из декоративных панелей оказалась подвижной и немного болталась в пазах. Сдвинуть ее Илья не смог, и это естественно — ведь с другой стороны она крепилась засовом. Этот засов будет бесшумно вынут ночью, когда постояльцы крепко спят. Панель так же бесшумно откатится в сторону, из проема вытянется чья-то ловкая рука и начнет шарить по карманам одежды, висящей тут, у стены. Трюк бесхитростный, но эффективный. В Нью-Йорке такие дома назывались «панельными», и строились они, как правило, под бордели, а не под гостиницы.

Обдумывая, как можно использовать свое открытие, Илья услышал стук в дверь. Он едва успел поставить вешалку на место, как в номер вошла горничная в довольно смелом платье. Глядя на ее кружевную блузку с глубоким вырезом, Остерман подумал, что между гостиницей и борделем не так уж и много различий.

— Меня зовут Линда, — сказала она, проходя в ванную. — Какую воду вы предпочитаете, горячую или освежающую? Через десять минут ванна будет готова.

— Освежающая — значит, холодная? — уточнил он.

— Нет. Это значит, что она стоит два доллара. А горячая — пять. А если вам нужна помощница, это будет стоить еще пять долларов.

— Помощница — это вы?

— Я закончила медицинские курсы и умею вправлять суставы, — деловито сказала она и, вынув заколку, рассыпала темно-русые волосы по плечам. — Обычно те, кто прибывает к нам верхом, срочно нуждаются в моей помощи.

— О да, — сказал Илья. — Мои суставы просто изнывают от усталости.

«И от нетерпения», — чуть не добавил он, глядя, как она наклоняется над ванной и протирает краны.

Прикрыв за ней дверь, он вернулся к вешалке и надежно заклинил сдвижную панель, загнав в щель нож. «А вот теперь можно и ванну принять, — подумал он. — За десять долларов. А то и за двадцать».

Оказалось — за тридцать. После столь интенсивных процедур у него уже не было ни малейшего желания следовать своим прежним планам. Еще час назад он намеревался обойти соседние бордели, нигде особо не задерживаясь, пока не найдет самый роскошный. Там он рассчитывал оставить примерно сотню долларов, чтобы заслужить расположение хозяйки и откровенность девушек. Но после страстной и умелой Линды на такие экскурсии у него просто не осталось сил. Поэтому Остерман повалялся еще немного в постели, а потом отправился бродить по отелю.

Ушел он недалеко. В холле обнаружилась компания картежников. Юрист из Арканзаса, инженер-медеплавильщик из Техаса и редактор местной газеты резались по маленькой в «двадцать одно» и охотно приняли в круг бизнесмена из Колорадо. Игра не требовала умственных усилий и не мешала беседе. Скоро Илья уже знал почти все о городской жизни.

Да, город прямо-таки купался в деньгах, но откуда брались эти потоки? Исток золотой реки следовало искать в руднике и многочисленных мелких шахтах, разбросанных среди холмов. Шахтеры получали по доллару в день, а то и по два. Столько же зарабатывали охранники и возчики, а механики, десятники и мастера — еще больше. Все эти работяги исправно посещали питейные заведения, культурно отдыхали за карточным столом, да и с девушками были не прочь развлечься — хотя бы раз в неделю. Салуны и палатки

проституток располагались там же, на рабочих окраинах. Пролетариям не нужно было тратить драгоценное время, чтобы подниматься в центр. Сюда отправлялись другие — сутенеры, мелкие шулера, торгаши.

Эта порода людей отличалась повышенными запросами. Они не могли пить то, чем сами поили шахтеров. И потаскуха, которая берет двадцать пять центов, если ты разувашься, или тридцать пять, если ложишься к ней в постель, не снимая башмаков, — нет, такие дамы не для них. Они стремились вверх, чтобы хотя бы на время почувствовать себя равными настоящим хозяевам города — тем, кто скупал и перепродавал добытую медь.

Потоки денег носились по городу, оседая в казино и борделях. В самом дорогом заведении, у сестричек Фраун, услуги жриц любви оценивались в десять, тридцать и пятьдесят долларов, не считая затрат на выпивку. И если посетитель оставлял меньше сотни, такому скряге давали понять, что в следующий раз его сюда не пустят.

Те, кому не везло в любви, отправлялись в казино «Парнас». Там было не меньше тридцати игровых столов — даже редактор, городской старожил, не знал точной цифры, потому что до сих пор не смог обойти все уголки «Парнаса». Однажды рулетка принесла семьдесят тысяч какому-то неизвестному скотоводу из Нью-Мексико. Но цифры проигрышей были еще более впечатляющими. Например, заезжий мексиканский генерал оставил там двести тысяч. Все думали, что он застрелится, но дело кончилось безобразной оргией за счет заведения.

«Двести тысяч? Не зря мы сюда приехали, не зря», — подумал Илья, тасуя карты.

Он хотел узнать еще какие-нибудь подробности о «Парнасе», но тут его внимание отвлек разговор возле стойки портье.

— Нет, господа, майор Кардосо здесь не появлялся.

Илья оглянулся и увидел двоих неприметных типов. По виду — приказчики из дешевого магазина. Куцые пиджаки, брюки в полоску, на голове — котелки, очень модные в Нью-Йорке лет десять назад.

«Друзья Кардосо должны выглядеть немного иначе, — подумал Остерман. — Если это — мексиканские революционеры, то они весьма умело замаскировались».

— Он мог записаться и под другим именем, — сказал один из приказчиков.

— Хорошо, тогда скажите, как он выглядит.

— Ну, такой важный... В белом костюме. И лошадь у него белая. Арабская белая кобыла.

— Не было такого, — уверенно ответил портье.

— Должен быть!

— Возможно, подойдет немного позже? Что ему передать?

Приказчики переглянулись.

— Ничего.

Они торопливо покинули холл, на выходе едва не столкнувшись с Кириллом. Увидев товарища, Илья извинился перед партнерами и отложил карты.

— Где ты был? — спросил он, догнав Кирилла на лестнице.

— Почта, банк, магазины. А ты?

— Я тоже занимался делом. Не хочешь сходить со мной в казино? Есть тут одно привлекательное заведение...

— Здесь много привлекательных заведений. Пройдусь по ним завтра, сейчас надо привести себя в порядок. А то местная братва уже принимает меня за своего.

— Закажи ванну, — посоветовал Илья. — Как только зайдешь в номер, к тебе явится фея. Она все сделает сама, от тебя потребуется лишь небольшое усилие, чтобы раскрыть кошелек.

Кирилл оглядел его и принялся.

— Благоухаешь, как свадебный букет.

— Я не терял времени.

— С местными феями надо бы поосторожнее, — заметил Кирилл. — И, кстати, не

переусердствуй в раскрытии кошелька. А то...

«А то из охотника превратишься в дичь», — мысленно продолжил Илья.

Казино «Парнас» выглядело как старинный форт, один из тех, какие строились первыми поселенцами на диких землях. Двухэтажное саманное здание в виде каре. Узкие окна — бойницы. В толстых ставнях — крестовидные прорезы для ствола. Над воротами, густо усеянными шляпками гвоздей, полыхали четыре факела. Не хватало только частокола и рва.

Илья ожидал, что и внутренний двор будет выглядеть так же сурово. Но здесь его встретил настоящий сад — цветущие кусты, каменные дорожки в густой траве и журчащий фонтан посредине.

В свете керосиновых ламп, стоящих на изящных тумбах, поблескивали таблички над множеством входных дверей. Илья прошелся вокруг фонтана, нашел дверь с надписью «Покер» и толкнул ее.

В помещении было несколько столов, над каждым висела неяркая лампа, освещавшая только зеленое сукно и карты, а лица игроков оставались в тени. В густом табачном дыму Илья сразу заметил знакомый белый сюртук. Майор Кардосо сидел спиной к нему. Он не играл — видимо, только что объявил пас.

Остерман прошелся между столами и встал так, чтобы майор его увидел.

Кардосо бросил на него беглый взгляд, что-то сказал партнерам и отошел к стойке бара. Илья уселся на соседний табурет.

— А вы не очень-то торопитесь в Мексику, — сказал он.

— Я никогда не тороплюсь. И никогда не опаздываю, — ответил майор. — Что будете пить? Первая и последняя рюмка здесь подаются бесплатно.

— Пока воздержусь. Я еще не решил, буду ли играть. Хочу посмотреть другие залы. Вы там были?

— Зачем? Везде одно и то же.

— Вы тоже остановились в «Амбассадоре»?

— Нет. Проведу ночь здесь, а утром уеду.

— В таком случае вы рискуете разминуться с друзьями. Вас уже спрашивали в отеле.

Майор кивнул.

— Друзья знают, где меня найти.

«Чего же они тогда сунулись в отель? — подумал Илья. — Значит, это не друзья?»

— Кстати, — сказал он, — они не носят ни сомбреро, ни пончо и говорили не по-испански.

— Их двое?

— Да.

Майор подозвал бармена:

— Еще текилы — напоследок. И виски для моего друга. Надеюсь, Билли, вы недурно проведете время. Завтра в город приезжает компания миллионеров. Они считают себя непревзойденными игроками, но у вас есть шанс доказать им обратное. Ставки будут крупными. Рискнете?

«Вот оно, — подумал Илья. — Вот для чего я здесь. Вот что меня так тянуло сюда! Миллионеры с полными чемоданами денег!»

— Не знаю, — ответил он равнодушно. — Я тут по делам, а не для развлечения. А вы, майор? Вы не можете задержаться хотя бы на денек?

— К сожалению, нет. — Кардосо залпом выпил текилу. — Мне пора. Покончив с последней рюмкой, не стоит засиживаться.

Не простившись, он направился к выходу. Илья догнал его у самой двери.

— Мне тоже пора, — сказал он и первым перешагнул порог.

Он надеялся, что уговорит майора задержаться в Тирби. Кардосо наверняка что-то знает о предстоящей большой игре. Вполне возможно, он и ехал сюда ради нее, а разговоры о Мексике были только блефом. Почему его планы изменились? Почему он отказался от

игры? Неважно. Важно, что теперь в игру могут вступить новые участники. Двое уже здесь, остальные придут через несколько дней...

«Черт возьми! Через несколько дней миллионеры уже могут смыться отсюда! — подумал Остерман. — Придется все сделать вдвоем. И пусть ребята не обижаются».

— Послушайте, Дэвид, а почему бы нам не пропустить еще по капельке? За победу мексиканской революции, а?

Майор остановился у фонтана, смочил платок и вытер им руки.

— Революция откладывается на неопределенное время, — сказал он. — Мой вам совет: если решите поиграть с миллионерами, постарайтесь выйти из игры до полуночи. А потом — быстрее заканчивайте свои дела в Тирби и уезжайте отсюда. Не задерживайтесь ни на минуту. А сейчас извините, мне надо побыть одному.

Где-то наверху скрипнула половица. Илья поднял голову и оглядел открытую галерею второго этажа. Через сводчатые окна пробивался теплый свет, на розовых занавесках темнели силуэты — там, наверху, было царство рулетки.

Два окна в углу оставались темными. И одно из них казалось темнее другого — оно было открыто.

— Побыть одному? У вас тут свидание, у фонтана?

Илья не отводил взгляда с открытого окна. Свет лампы бил в лицо, и он поднял ладонь, прикрывая глаза.

— Послушайте, Билли...

— Свидание с дамой? Как интересно... — Ему казалось, что за окном кто-то стоит. И не просто стоит, а пристально смотрит на них. — Кажется, я знаю, куда вы так спешите. Там, на галерее, отдельные номера?

Он с усмешкой показал пальцем на открытое окно. Майор оглянулся — и резко толкнул Илью в грудь, а сам бросился наземь.

Хлопнул выстрел, и пуля расплющилась о каменный бортик фонтана. Илья присел за куст, выхватив револьвер. Окно снова озарилось вспышкой, и после выстрела майор застонал. Его сюртук просвечивал сквозь ветви куста, и Остерман подумал: «Отличная мишень. Следующая пуля будет для майора последней».

В окне показалось смутное пятно, и Остерман выстрелил, целясь чуть ниже. Раздался приглушенный вскрик, а потом два новых выстрела.

Илья метнулся в сторону, споткнулся и больно ударился локтями о камни дорожки, но не выронил оружие. По галерее кто-то бежал. Он слышал быстрые гулкие шаги и провожал их движением ствола. Вот над перилами показался силуэт. Вытянулась рука с револьвером. Человек целился сверху в лежащего Кардосо.

Пылающее пятно лампы слепило Илью, но он все же выстрелил. Почти одновременно рывкнул еще чей-то кольт, и еще.

Перила с треском проломились под тяжестью падающего тела, и человек свалился прямо в фонтан.

— Майор? — вполголоса позвал Илья, оглядываясь и пытаясь вспомнить, сколько патронов он истратил. — Вы ранены?

— Нет.

— Я же слышал, как вы стонали.

— Обычная уловка, — ответил Кардосо, поднимаясь над кустами. — Один на нее попался. Второй ушел. Вы его спугнули.

С шумом распахнулись двери, и двор мгновенно заполнился толпой. Наверху завизжала женщина, но ей, похоже, зажали рот.

— Есть убитые?

— Один, смотрите, лежит башкой в фонтане.

— Что за разборки? — недовольно спросил седой мужчина с шерифской звездой на лацкане. — Есть свидетели? А вы, джентльмены, сдайте мне свои пушки.

Кардосо положил кольт на бортик фонтана. Илья неохотно последовал его примеру.

Шериф поднял с травы револьвер убитого, понюхал ствол, прокрутил барабан.

— Парень успел выстрелить. Ребята, достаньте его.

Убитого вытянули из воды и положили на дорожку. Его рубашка на груди была красной от крови.

— Кто-нибудь знает беднягу?

Никто не ответил. Илья был уверен, что уже видел эти полосатые брюки и кургузый пиджак, но тоже промолчал.

— Две дырки, и обе — в сердце. — Шериф покачал головой. — Чья работа?

— Он стрелял в меня. Я ответил, — сказал Кардосо.

— Так и было, — подтвердил кто-то из толпы.

— Да, я тоже видел! Но тут, наверху, был еще один! Стрелял из окна, рядом с нами. Вот этот парень пальнул в ответ, да промазал, а тот расстрелял барабан, а потом смылся.

— Кто начал? — спросил шериф.

— Эти двое стояли у фонтана, а потом начали стрелять по окнам!

— Нет, они стреляли друг в друга!

— Они вышли из покерного зала, стали спорить, а потом начали стрелять!

Остерман разозлился: «Надо же! Свидетелей целая толпа, и все врут!»

— Шериф, позвольте мне объяснить, — начал он.

Но тот поднял ладонь:

— Не здесь, мистер. Так из какого окна, вы говорите, стреляли? Пойдем посмотрим.

Толпа расступалась перед ними, когда они поднимались по лестнице и шагали вдоль галереи, кто-то чуть не свалился в пролом, и все жадно смотрели на них. Илье было неприятно такое внимание, но еще больше огорчало то, что шериф, кажется, затеял целое расследование. Хотя дело казалось обыденным. Мало ли бывает перестрелок в городке, где каждый носит оружие?

Они остановились перед распахнутым окном, и шериф провел пальцем по свежему сколу на раме. Потом заглянул внутрь, принялся и объявил:

— Дым еще стоит. И кровь вижу. Если вы, мистер, и промазали, то совсем чуть-чуть. Гарри, пробегись по следу.

Парень из толпы перемахнул через подоконник и скрылся в комнате. А шериф сказал:

— Мне нужны четверо, чтобы доставить задержанных в участок. Всех остальных прошу вернуться к игре. Отдыхайте, джентльмены! Вечер только начался.

— А с этим что делать?

Все посмотрели вниз, где среди цветущих кустов лежал, раскинув руки, убитый.

— С этим? Потом разберемся. Он никуда не денется.

Кто-то положил тяжелую руку Илье на плечо. Другой взял его под локоть. Остерман решил, что лучше не дергаться. К тому же он видел, что Кардосо оставался спокойным. Даже безучастным. Их вывели из казино. Полицейский участок оказался в соседнем здании. Шериф уже был там.

— Еще оружие есть? — спросил он.

— Нет. — Илья откинул полу пиджака, показывая пустую кобуру.

Майор же достал из-за спины короткоствольный револьвер и выложил его на стол.

— Деньги, ценные бумаги? Оставьте их здесь, чтобы не пропали. Я продержу вас тут до утра, а здесь уже отдыхает куча уродов. Сами понимаете...

Кардосо достал из кармана сложенный лист:

— Деньги я проиграл, а эта бумага если и представляет ценность, то только для меня. Но все же постарайтесь ее сохранить.

Шериф развернул листок, бегло прочитал и недоверчиво хмыкнул:

— Вы — друг полковника Тирби? Что ж, мистер Кардосо, это ничего не меняет. Закон одинаков для всех.

— Вот и поступайте по закону.

— Мне очень жаль, — шериф почесал затылок, — но придется направить вас в общую

камеру. Вас и вашего приятеля.

Майор косо глянул на Остермана и сказал:

— Это не мой приятель.

— Так вы — не вместе?

— Нет. Впервые вижу.

11

Под крылом Закона

Кирилл отказался от услуг настойчивой горничной. И с ванной, и с постелью он справился сам, и ужин, поданный в номер, был отправлен им обратно. Перед тем как лечь спать, он обследовал стенки и обнаружил нож, которым Илья заклинил сдвижную панель. Приятель где-то задерживался, и Кирилл поставил перед дверью стул, наклонив его так, чтобы он упал, как только дверь откроется.

За полуоткрытым окном шумел ветер, теребя занавески. Кирилл снова вспомнил море. Вот чего ему не хватало все эти годы — моря.

«Добраться бы до Техаса, — думал он, — а там сядем на поезд и махнем в Галвестон. Куплю парусник, найму команду и буду ходить в Мексику, а то и в Бразилию. Почему бы и не в Бразилию? Вот и будет у нас с Илюхой дом. Дом под парусами...»

Спал он беспокойно, все время приподнимал голову и прислушивался к чужим голосам и шагам. Илья не пришел ночевать. Не появился и к завтраку.

Кирилл оглядел из окна площадь перед отелем. Он еще надеялся, что увидит там пару своих мексиканцев, сидящих на корточках где-нибудь в тени. Но их не было.

«Началось», — подумал он.

Глядя на площадь, Кирилл ждал, что вот сейчас из-за угла покажется Илья — растрепанный, с синевой под глазами, усталый, но довольный. А потом появятся Мануэль и Рико. Да пусть хотя бы только Рико. Мануэль слишком робок, чтобы приблизиться к такому роскошному отелю. А Рико придет, прислонится к стенке и будет стоять так, пока из гостиницы не выйдут его работодатели. Кирилл ждал, но все яснее понимал, что ждет напрасно. Предчувствие никогда не обманывает. Беда в том, что о нем вспоминаешь только тогда, когда оно сбывается. Он знал, что это случится. Знал еще тогда, на окраине Флэшбурга, когда Илюха затеял разговор об Аризоне. И ребята знали, потому и пытались его отговорить. Все знали, что сюда нельзя ехать.

«Да, сюда нельзя, — с горечью подумал Кирилл. — А куда можно? Ребята сделали свое дело и вернулись по домам. А мы? На всем пространстве между Калифорнией и Нью-Йорком нет места, куда нам хотелось бы вернуться. Вот и приходится ехать туда, куда нельзя».

Он оставил у портье записку для Остермана: «Дождись меня в номере». Покидая отель, Кирилл оставил в чемоданах только то, за чем можно было бы не возвращаться. Револютеры уместились в саквояж, а деньги были зашиты в пояс, с которым он никогда не расставался.

В конюшне он обстоятельно переговорил со сторожами и выяснил, где могли бы остановиться Мануэль и Рико.

— Да только вы их там не застанете, — сказал один из работников. — Нынче же воскресенье. Мексиканцы все в церковь подались, на службу. Потом у них гулянка до вечера. Такие бездельники. Если б они в шахте так наяривали, как на танцах...

— Кто на службе, а кто и нет, — угрюмо добавил второй, подводя лошадь Кириллу. — Вы, мистер, для начала заглянули бы на складскую площадь. Там заседает трибунал, а мексиканцы такие представления не пропускают. Точно говорю, ваши слуги околачиваются там, а не в церкви.

— Что еще за трибунал?

— Обычный. Судить будут, кто на этой неделе попался.

— У нас так заведено, по воскресеньям гуртом судят, чтоб рабочее время не тратить на

каждого.

«Трибунал? Что-то знакомое...»

Кирилл вспомнил статейку в «Эпитафии». Кстати, весьма подходящее название для газеты, выходящей в городе Тумбстон, что означает «надгробие». И речь в статье шла о смертных приговорах, выносимых в Тирби. Здесь казнили в среднем одного человека в неделю. В основном, за убийства. Отдельно рассматривался эпизод с тремя мексиканцами, которые выкрали проститутку, целую неделю тешились с ней в пещере, там же задушили и как ни в чем не бывало вернулись в поселок. Их схватили в субботу, а в воскресенье состоялся суд. Собрание шахтеров на площади единогласно постановило предать их смерти. Злодеев обмазали смолой и сожгли заживо, и многие участники собрания унесли с собой сувениры — отрубленные подкопченные пальцы и уши. Журналист задавал вопрос, зачем нужен какой-то «трибунал» там, где есть и шериф, и судья? И сам же на него отвечал — самосуд эффективнее, потому что все процедуры отнимают минимум времени. «Золотая лихорадка» в Калифорнии породила «комитеты бдительных», аризонская медная лихорадка — трибуналы. Борьба с такими проявлениями правовой самостоятельности не имеет смысла. Они исчезнут сами собой, когда над дикими территориями раскинут могучие крылья Закон и Порядок...

Статья запомнилась Кириллу потому, что там упоминались имена — шериф Бюргер, судья Панч. Он находил весьма полезным знать, не встретятся ли ему в новом городе старые знакомые. Некоторые из бандитов, с кем ему приходилось когда-то сотрудничать, перебрались на необжитые земли и там превратились в блюстителей порядка. Даже один из команды Брикса, Лысый Мак, говорят, стал шерифом где-то на золотых приисках. Кто знает, чем закончится такая встреча?

Но о Бюргере Кирилл никогда не слышал и о судье Панче — тоже. Видно, оба не больно преуспели на своем поприще, если приговоры за них выносит какой-то трибунал.

Постоялый двор на мексиканской половине поселка он нашел быстро. Договорился с хозяином насчет небольшого ремонта фургона. Обрадовавшись щедрому задатку, тот заявил, что не станет латать пробоины, а просто натянет новый тент. Ну, почти новый.

— А куда подались мои парни? — спросил его Кирилл.

— Не знаю, что и подумать, сеньор. Заплатили за три дня вперед, а даже ночевать не пришли. Я краем уха слышал, что они говорили о девчонках. Видать, загуляли.

«Хорошо, если так», — подумал Кирилл и отправился искать складскую площадь.

Несколько ящиков, покрытых куском брезента, служили столом, за которым заседала тройка судей. Слева от них стояла бочка, назначение которой Кирилл разгадал не сразу. А справа, вдоль длинного амбара, сидела на земле вереница подсудимых. Мануэль был в самом конце, и над ним возвышался конвоир с винтовкой. А Рико не было видно нигде, ни возле амбара, ни среди зрителей. Кирилл остался в седле, чтобы рассмотреть толпу сверху, однако видел не лица, а лишь соломенные шляпы мексиканцев, шахтерские картузы и несколько «стетсонов», в которых красовались охранники.

Он опоздал к началу заседания, и почти все преступники уже прошли перед судом. Сейчас слушалось дело о погроме, учиненном в салуне группой дебоширов. Судьи закончили совещаться, и один из них ловко взобрался на бочку.

— После осмотра вещественных доказательств и заслушивания свидетельских показаний у нас не осталось сомнений в виновности всех четверых, — зычно провозгласил он, перекрывая ропот толпы. — Трибунал постановляет...

Все немного притихли, глядя, как глашатай вертит в руках листок бумаги.

— Итак. Фернандо Васкес приговаривается к месяцу исправительных работ и десяти ударам палкой. Шон О'Хара — месяц работ и пять ударов палкой. Питер О'Хара — два месяца исправительных работ и десять ударов палкой. И Молли Бланш — месяц работ.

Толпа загудела. Кириллу показалось, что публика была разочарована.

— Почему девке не присудили палок?

— Она дралась наравне со всеми!

Глашатай прыгнул с бочки, к которой уже подвели одного из злодеев. Мексиканца нагнули так, что он лег грудью поверх бочки. Спустили штаны, обнажив смуглые волосатые ягодицы.

«Неудачный день для зрителей, — подумал Кирилл, глянув на женщину, сидевшую рядом с Мануэлем. — Им так хотелось бесплатно полюбоваться женскими прелестями, и вдруг такой облом».

Звонкие неторопливые удары трости сопровождались свистом и насмешками. Когда экзекуция была закончена, судья выкрикнул:

— Слушается дело...

— Протестую! Я протестую! — закричал кто-то, пробиваясь сквозь толпу к столу трибунала. — У меня протест!

Плюгавый живчик в котелке вскочил на бочку и зачастил, размахивая руками:

— Все правильно! Дрались, побили посуду, покалечили буфетчика — все правильно, за это надо наказывать! Пускай драчуны-ирландцы месяц-другой погоняют тачку бесплатно, может, в другой раз не станут руки распускать. А мексиканца в шею гнать, нечего ему тут делать! Пусть еще спасибо скажет, что легко отделался. Все правильно! Но почему должны страдать невинные люди?

— Кто невинный? Молли-французенка? — В толпе заржали. — Нашел невинность!

— Невинный — это я, — сказал живчик. — Женщина, которую тут называют «французенкой», работает на меня. Так почему я должен терять ее хотя бы на день, не то что на месяц? По какому такому праву? Почему она должна возить породу, набивать мозоли...

— Она будет работать на кухне, — перебил его глашатай.

— Все равно! Через месяц она вернется в совершенно непотребном виде, у кого на такую встанет? Если у человека берут на месяц лошадь, а потом возвращают дохлую кошку — это справедливо? Это по закону?

— Послушай, Хогарт, — сказал один из судей. — Мы судили ее как человека, а не как лошадь.

— Вот поэтому я и протестую! — возопил Хогарт, обращаясь к толпе. — Ее нельзя судить как человека. Потому что вы осудили не ее, а меня. Бы покушаетесь на мою собственность! Я платил за нее деньги! У меня есть бумаги! Мы избрали трибунал для того, чтобы он защищал нашу собственность, а не губил ее!

— Короче, — сказал второй судья. — Работы заменим палками. Двадцать палок тебя устроит?

— Десять! — живо повернулся к нему Хогарт.

— Двадцать, двадцать! — закричала толпа.

— Народ решил. Так тому и быть, — заключил третий судья.

И Молли Бланш потащили к бочке под радостное улюлюканье народа.

Насладившись зрелищем, толпа начала понемногу расходиться. Кирилл смог продвинуться ближе к амбару, и правильно сделал, потому что иначе он бы ничего не услышал.

— ...обвиняемый пытался тайно проникнуть в жилище миссис Фраун, был схвачен охранниками, оказал сопротивление. Его показания были заслушаны до начала заседания. Какие будут предложения?

— На рудник его!

— А я не понял, чего он натворил-то?

— Сказано тебе: «Проникновение в жилище»!

«Кажется, они уже судят Мануэля», — сообразил Кирилл. И крикнул:

— Надо послушать свидетелей!

— Да! Верно!

— Чего там слушать! И так все ясно!

Судья привстал над столом:

— Есть свидетели?

— Да! — громко сказал Кирилл и направил лошадь к трибуналу, раздвигая толпу.

Он спешил прямо перед столом и почтительно снял шляпу. Судьи, по виду — простые шахтеры, разве что постарше да покрупнее остальных, недовольно глядели на него. Они уже торопились домой, а тут...

— Кажется, я должен для начала назвать себя, — подсказал им Кирилл.

— Да. Назови себя.

— Кристофер Смит, предприниматель из Техаса. Занимаюсь устройством пекарен и прачечных.

— Пекарни? Хорошо. Ну, что тебе известно о деле?

— Подсудимый — мой работник. Честный и трудолюбивый. Вчера он прибыл в Тирби вместе со мной. Я остановился в отеле «Амбассадор» и отправился на встречу с мистером Бюргером. А Мануэлю было поручено присмотреть в городе подходящий дом.

— Для чего?

— Наша компания собирается проводить в Тирби благотворительные балы, — на ходу импровизировал он. — Там будет собираться высшее общество, будет играть оркестр, и все такое, вы же понимаете? Нужен приличный дом с большим залом. И я послал Мануэля присмотреть такой дом, потому что сам очень торопился на встречу с мистером Бюргером. Мне кажется, произошла досадная ошибка. У моего работника не было намерения проникать в чье-либо жилище...

— Не «чье-либо», — перебил его тот, кто зачитывал приговор с бочки. — В том-то и дело, мистер, что не «чье-либо».

— Зачем надо было перелезть через забор? — спросил второй судья. — Посмотрел бы с улицы. А он — через забор. Там его и сцапали.

Кирилл кивнул:

— Я все понимаю. И готов возместить любой ущерб. Назначьте штраф, и я его оплачу тут же.

В толпе закричали:

— Что тянете? На рудник, и дело с концом! Расходиться пора!

Третий судья посмотрел на Кирилла с сочувствием:

— Эх, мистер, не заладится ваше дело с пекарнями в нашем городе. Не понравится вам у нас. А жаль. Пекарня — дело хорошее. Короче, так. Парень не ладил с охранниками миссис Фраун. Значит, виноват. Штрафы мы не берем. Отработает месяц на руднике. А вы ищите себе другого работника. Таких тут — море.

— Другой мне не нужен, — сказал Кирилл. — Значит, все упирается в эту миссис Фраун?

— Я этого не говорил, — помрачнел судья. — Вышински, огласи приговор. Месяц, и точка.

Примерно в это же время Илья Остерман прихлопнул очередного комара и сказал майору:

— Вся беда в том, что я принял ванну. Комары предпочитают чистую кожу. Посмотрите, никто из наших соседей даже не чешется, а я лишил жизни уже сто двенадцатую тварь.

— Комарам плевать на кожу. Они предпочитают чистую кровь. Наши соседи насквозь пропитаны табаком, — сказал Кардосо. — Курили бы вы сигару, как я, тоже бы не чесались.

— Почему все ценные советы мы слышим только тогда, когда они уже бесполезны? — сокрушенно вздохнул Илья и снова хлопнул себя по шее. — Сто тринадцать.

Они сидели на земляном полу в углу общей камеры. Кроме нее, в участке имелись и одиночки, но они были заняты. Остерман вообще-то предпочитал уединение, однако в данном случае у него не было причин для недовольства. «Одиночными камерами» в Тирби называли несколько ям на заднем дворе, где содержались убийцы и грабители. Если б они

попались в чистом поле, или возле рудника, или в шахтерском поселке, то их судил бы трибунал. Но этим преступникам повезло — они были схвачены в городе и теперь ожидали суда. Они имели право на адвоката, и на отвод присяжных, и на апелляцию. Словом, их должны были повесить по всем правилам.

Те же, что томились в общей камере, дожидались полудня, когда судья Панч приедет в город со своей фермы. Их было около десятка. Точнее Илья сосчитать не мог — было темно, к тому же почти все арестанты сгрудились в кучу. Отдельно сидел мексиканец в дорогой куртке, расшитой серебром. Он не спал. По крайней мере так показалось Остерману. Каждый раз, переворачиваясь с боку на бок, он оглядывался на мексиканца и видел, что тот сидит все в той же позе, обхватив колени руками и глядя в узкое окно под потолком.

Утром их разбудили охранники и по одному сводили в отхожее место. Как выяснилось, в Тирби эта процедура была единственным проявлением гуманного отношения к заключенным. Завтрак им не полагался, хорошо еще, что разрешалось курить.

Илья не был заядлым курильщиком, но иногда табачный дым помогает справиться с голодом. Он порылся в карманах и нашел недокурную сигару. Очистив ее от крошек, он перехватил жадный взгляд мексиканца. И протянул сигару ему.

Сосед по камере недоверчиво глянул на Илью.

— Мне нечем расплатиться, — выдавил он.

— А я не продаю, — ответил Остерман по-испански. — Бог велел делиться, разве не так?

— Бог много чего велел, — криво усмехнулся мексиканец.

Кардосо поднес ему горящую спичку, и оба принялись дымить с видимым наслаждением. А Илья продолжил битву с кровососами.

Мексиканца первым увели к судье, вместе с еще тремя арестантами. Илья улучил момент, когда перед решеткой не осталось ни одного охранника, и негромко спросил у Кардосо:

— Если мы незнакомы, что я должен говорить в суде? Почему я был рядом с вами, когда началась стрельба?

— Вы просто шли мимо. В другой зал.

— Пусть так. Еще вопрос. Вы в самом деле проиграли все деньги?

— Зачем вам это знать?

— Насколько я знаком с юридической практикой, из здания суда никто не выходит безнаказанно. Полагаю, вам светит приличный штраф за стрельбу в общественном месте. В Эль-Пасо мы с приятелем немного подрались с пьяными ковбоями, двое против четверых. Судья долго выяснял, кто прав, кто виноват, в конце концов со всех содрал поровну, по двадцать баксов. Но там никто не получал две пули в сердце...

— Ну и?

— Я припрятал несколько монет в поясе. Могу дать в долг.

— Спасибо, не стоит.

— Понимаю, — протянул Илья. — Рассчитываете на связи?

— Да. Весьма рассчитываю, — сухо ответил майор и отвернулся к стене, прерывая разговор.

Охранники увели еще пару заключенных, затем наступила очередь Кардосо. Илья долго сидел за решеткой один, ожидая вызова к судье. Ему нечего было бояться. Он не нарушил никаких законов, и здесь его никто не мог опознать. Портреты Черного Испанца и Потрошителя банков когда-то украшали чуть не каждый телеграфный столб между Нью-Йорком и Чикаго. Но это было давно, слишком давно, и слишком далеко отсюда. Земли, лежащие к западу от Миссури, — все равно что иная планета, и никакие ищейки не найдут здесь беглецов из нью-йоркской тюрьмы.

«Редкий пинкертон долетит до середины Миссури», — подумал Остерман.

Да, ему нечего было бояться, и страшила его только предстоящая встреча с Кириллом. Что сказать в оправдание? С одной стороны, он наткнулся на золотую жилу в лице приезжих

миллионеров. С другой — засветился перед всеми блюстителями порядка. Теперь Остермана знает в лицо не только шериф, но и каждый из его помощников. И это обстоятельство может стать решающим. Кира нахмурится, почешет висок — точно как Энди Брике — и скажет, что надо мотать отсюда, пока не поздно.

Кирилл осторожен. Слишком осторожен. Сколько выгодных дел они упустили только из-за того, что Кира видел опасность там, где не видели все остальные.

Готовясь к трудному разговору, Илья и забыл, что сначала придется немного поболтать с судьей. Когда его ввели в небольшой зал, он увидел там шерифа, пару его помощников — и никого из соседей по камере. Судья Панч был крепким стариком с обветренным лицом фермера. Покончив с формальными вопросами, он нацелил на Илью деревянный молоток и спросил:

— Приехали поиграть?

— Я неважный игрок, ваша честь. Мой бизнес — прачечные. В «Парнас» я зашел только для того, чтобы завязать связи с местной публикой...

— Вы избрали не лучший способ для завязывания связей. Местная публика способна раздеть вас раньше, чем вы с ней познакомитесь. Шериф Бюргер мне все рассказал. Теперь я хочу услышать ту же историю в вашем изложении.

— Это не займет много времени. Итак, я зашел в казино «Парнас». Заглянул в зал для покера. Столы были заняты, и я решил подождать в баре. Один из игроков посоветовал мне перейти в другой зал. Мы вышли вместе с ним, и вдруг сверху кто-то выстрелил. Я, естественно, ответил...

— Стоп! — Судья Панч ударил молотком по столу. — Что значит «естественно»?

«Черт! Вот на чем он меня поймает! — с досадой подумал Илья. — На необоснованном применении оружия!»

— Разве человек не имеет право на защиту собственной жизни? — почтительно спросил он. — Я стрелял, чтобы не дать им убить меня.

— Вы их видели?

— Да. Не очень отчетливо, но видел. Особенно хорошо я разглядел вспышки выстрелов.

— У вас есть враги в городе?

— Нет.

— Тогда почему вы решили, что стреляют именно в вас, а не в того, кто стоял рядом?

— Потому что пуля ударила рядом со мной.

— Шериф Бюргер утверждает, что вы ранили одного из нападавших.

Илья скромно пожал плечами.

— Таким образом, — продолжал судья, — ваш револьвер обладал достаточной убойной силой, чтобы ранить человека, находящегося внутри помещения на втором этаже. Следовательно, если бы пуля прошла немного левее или правее, она бы нанесла вред тем, кто находился в соседних комнатах. Вы признаете свою вину?

«Смотря сколько это стоит», — чуть не вырвалось у Остермана. Но торговаться было бессмысленно. И он кивнул.

Судья удовлетворенно стукнул молотком и объявил:

— За необоснованное применение оружия штраф сто долларов. Оплата немедленно. При невозможности оплаты — две недели общественных работ. Заседание окончено. Джимми, запрягай, пообедаем на ферме.

— Ваши вещи здесь. — Шериф подозвал Илью к столу.

Остерман увидел свой бумажник и «веблей». Рядом лежали два короткоствольных кольта, а чуть дальше — две черные кобуры и патронташ, расшитый бисером. Несомненно, такая изящная амуниция могла принадлежать только Кардосо. Но почему майор не забрал ее?

Заплатив секретарю, Илья спросил у шерифа:

— А как насчет того джентльмена, в которого стреляли? Интересно, как было

квалифицировано его преступное деяние?

— Убийство в целях самозащиты общественно опасным способом.

— И сколько это стоит?

— Триста долларов. Или месяц работ.

— Кажется, его финансовые возможности ограничены. Я мог бы рассчитаться за него.

— Мистер Кардосо слишком горд, чтобы жить в кредит, — сказал шериф. — За него мог бы рассчитаться сам полковник Тирби. Они ведь друзья. Да только майор оказался несносным гордецом. И теперь будет возить тачку с породой.

12

Поворот

— Жалко уезжать, — говорил Илья, укладывая чемодан. — Место весьма и весьма перспективное. Ты так не думаешь?

Кирилл не ответил. Он лежал одетый на кровати и сосредоточенно разглядывал трещины на потолке.

— Чего молчишь? — Остерман захлопнул чемодан, затянул ремни и огляделся: — Кира, а где саквояж? И перестань уже в молчанку играть.

— Саквояж? В фургоне.

— Ты считаешь, что я в чем-то виноват? Хорошо, я виноват. Что дальше? Ничего страшного не случилось. Если бы меня подстрелили в казино, тебе было бы легче?

— Перестань.

— Ты собираешься вернуться в Туссон?

— Что? Нет. Поедем в Эль-Пасо. Потом в Галвестон.

— Зачем?

— Да есть одна идея...

— Галвестон? — Илья посмотрел в окно, словно хотел что-то разглядеть за далекими горами. — Ну что ж. Портовый город. Тоже перспективное место. Может быть, там нам повезет немного больше, чем здесь. Сделаем дело и уйдем морем. Мы еще никогда не уходили морем.

— Сделаем дело? Может быть...

— Может быть? — Остерман помолчал, прижавшись лбом к стеклу. Потом резко развернулся: — Значит, и ты туда же? И тебе захотелось спокойной жизни? «Может быть»! А может быть, начнем торговать пилюлями? Или откроем прачечную?

— Прачечная? Отличное прикрытие. — Кирилл сел, растирая ноги. — Набегался я с утра.

— Что искал?

— Сам не знаю. Просто осматривался. Бездарно потратил время. Но хотя бы узнал, кто такая миссис Фраун.

— Ха! Мог бы спросить у меня. Их две сестры, Эвелина и Ангелина. Тебя какая интересует?

— Меня интересует, куда делся Рико. — Кирилл прошелся по номеру, шлепая босыми ступнями. — Я думаю, дело было так. Они с Мануэлем потерялись среди своих, все разузнали. В бордель сестер Фраун недавно привезли новую партию девочек из Мексики. Ребята сгоряча рванули туда. Напоролись на охранников. Рико-то пошустрее, он смылся. А Мануэля сцапали. Теперь один будет пахать на руднике, а второй где-то прячется и готовит страшную месть.

— Ты же видел Мануэля на суде. Не мог с ним перекинуться парой слов?

— Не мог.

— Ему не будет скучно, — сказал Илья. — Майор тоже там. Хотя, я думаю, Кардосо на руднике не задержится. Полковник Тирби его вытащит.

— Да, скучно ему не будет, — рассеянно сказал Кирилл.

Илья прокрутил барабан «веблея», в котором осталось только два заряда.

— Куда ты переложил патроны?

— Патроны? Они в саквояже.

— А саквояж в фургоне, а фургон на постоялом дворе...

— Нет. Фургон стоит за конюшней.

Остерман спрятал револьвер в кобуру и посмотрелся в зеркало:

— Побриться, что ли? Есть у нас время? Или как?

— Время? — переспросил Кирилл и глянул на часы.

— Кира, очнись. Я же вижу, ты что-то задумал. Почему бы нам вместе это не обсудить?

Ну что ты уставился в стенку?

— Трещины. — Он провел пальцем по обоям. — Смотри, трещина идет по потолку, потом по стене. Даже обои лопнули, видишь?

— Ну и что? — опешил Илья. — Нам тут не жить.

— Да. Нам тут не жить. Сколько у нас денег?

— С собой? Где-то семь сотен.

— Должно хватить.

— На что?

Кирилл наконец-то перестал разглядывать стенку. Посмотрел на друга и улыбнулся.

— Илюха, ты меня удивляешь. Кажется, тут кто-то говорил о спокойной жизни...

Безмятежная улыбка разозлила Остермана. Больше всего на свете он не любил чувствовать себя идиотом. Как сейчас.

— Нет, это ты меня удивляешь! Намереваешься выкупить Мануэля? Ну, и к кому ты подкатишься с таким предложением? Мы тут никого не знаем, нас никто не знает. Можем в такую передрыгу влипнуть! А из-за чего? Из-за двух раздолбаев! Кто их гнал в тот бардак? Сами виноваты! Почему они не пришли к нам, как договорились?

— Наверно, у них не было времени.

— Черт, мы даже не знаем, где этот хренов рудник!

— Я знаю. Девять миль отсюда.

— Скажи еще, что ты успел туда слетать.

— Нет. Осмотрел только половину дороги.

— И теперь ты собираешься все бросить и переться туда? — Илья сердито пнул чемодан. — Прямо сейчас? Давай хотя бы пообедаем, как люди. Здесь отличный ресторан. Где еще такой встретится?

— Ресторан? Хорошая идея. — Кирилл принялся натягивать сапоги. — Возьмешь там несколько бутылок виски. Штук пять-шесть. И две-три пустые коробки из-под виски. А я подожду тебя в конюшне.

— А пообедать?

— Помилуйте, батенька. Еще и трех часов нет! Кто же обедает в такую рань?

Остерман, ворча вполголоса, ушел в ресторан, а Кирилл присел на чемоданы, напоследок оглядывая номер. Ничего не забыли?

В последнее время его иногда охватывал минутный приступ тоски, когда приходилось уезжать даже из-под случайного крова.

«Старею, — подумал он. — Наверно, с годами у человека начинают прорастать корни, которыми хочется зацепиться за землю».

Но Тирби — не то место, где можно остаться надолго.

Укладывая чемоданы в фургон, он заметил, что одна боковая лавка опущена. Наверно, ее сложил хозяин постоялого двора, когда натягивал новый тент. Тогда почему он оставил вторую поднятой? Мог бы и ее опустить.

Конюх, запрягавший лошадей, подошел к нему, заглядывая в глаза. Кирилл дал ему монету, и конюх заулыбался:

— Счастливого пути, сэр.

Дождавшись, когда тот отойдет подальше, Кирилл приподнял лавку — и увидел там

Рико.

Мексиканец лежал на спине, вжавшись между досками, и смотрел на Кирилла, прижав палец к губам.

— Здесь никого, — тихо сказал Кирилл. — Ты где был?

— Тут и был, на конюшне. В сене прятался. Знал, что вы сюда придете. А где этот растяпа Мануэль?

— Недалеко. Скоро ты его увидишь.

Джон Лагранж, как всегда, попал в кутузку из-за драки. И, как всегда, драка началась из-за того, что его, американца в шестом поколении, снова приняли за мексиканца. Не будешь же доказывать каждому ковбою, что твои предки осваивали Луизиану, когда предки этого ковбоя еще батрачили где-то в Ирландии и знать не знали о земле на другом берегу океана. Род Лагранжей некогда владел территорией, которую не объехать и за неделю. На их плантациях трудились тысячи рабов, а хлопок и табак Лагранжи поставляли королевскому двору. Да, когда-то Францией правил король, и прадед Джона, бывало, саживал за королевским столом. Но королю отрубили голову, безродный корсиканец Бонапарт продал Луизиану Соединенным Штатам, и бывшее могущество рода стало понемногу таять. Гражданская война вконец разорила Лагранжей, и в пятнадцать лет Джон остался последним мужчиной в роду. Он унаследовал развалины усадьбы, густую шевелюру и пристрастие к дорогим шмоткам. Отправившись на поиски далекого, но богатого родственника, он впервые попал за решетку. Неудачная попытка стянуть с чужой плиты сковороду с жарким стоила ему трех месяцев свободы. Из тюрьмы он вышел голодным, злым, но уже не таким одиноким, как раньше. Соседи по заточению подсказали адресок в Додже, и мальчишка был принят в шайку. Старшие товарищи громили банк, а Джон поджидал их в укромном месте со сменными лошадьми. В этой шайке он провел год. Однажды налетчики прибыли к месту пересадки не в полном составе. Да и те двое, что дотянули до овражка, истекали кровью. Джон недолго колебался. Он пристрелил друзей и стал обладателем двенадцати тысяч долларов.

Тех денег хватило на месяц. Но, выйдя из казино без единого цента в кармане, Джон ничуть не горевал. Он знал, что отныне богатство будет приходить к нему так же легко, как ушло. С тех пор он жил только для того, чтобы раздобыть денег. И добывал их только для того, чтобы проиграть.

— Похоже, ты опять продулся? — недовольно спросил Хезелтайн.

Лагранж со скучающим видом отвернулся к окну, готовый выслушать длинную нотацию. Он догадывался, отчего босс так злится, узнавая об очередном проигрыше. Опытного картежника бесило то удовольствие, с каким Джон ставил на заведомо слабые комбинации.

— Пора бы тебе усвоить, что одного умения блефовать слишком мало для успешной игры. — Неожиданно тон Хезелтайна стал более мягким: — Хорошо еще, что в деле ты более надежен, чем в картах.

— А что? Есть дело?

— Да. Как раз для тебя. Тонкое дело. Грубая работа может слишком дорого нам обойтись. Ты знал Милкинса?

— Как это «знал»? — переспросил Лагранж. — Так выражаются о покойниках...

— Он и есть покойник. Вчера я поручил ему пустяковое дело. А он все перепутал: взял и отправился на тот свет, вместо того, чтобы спровадить туда другого. Но, признаюсь, тут есть и доля моей вины. Я не предупредил, что этот другой так же хорошо стреляет, как играет в покер.

Лагранж хмыкнул и уселся в кресло. Роли переменились. Из недовольного барина Хезелтайн превратился в заказчика.

— Сколько?

— А сколько ты остался должен в казино?

— Не помню. Штук пять или шесть...

— Списываю половину.

— По рукам, — быстро сказал Лагранж, потому что его долг Хезелтайну составлял ровно десять тысяч. — Где я найду клиента?

— Найти будет нетрудно: судья Панч отправил его на рудник. Трудность в другом. Этот парень должен погибнуть при попытке к бегству. Или попасть под завал. Или во время нападения индейцев. Или его ударит молния. Годится любой способ, лишь бы никто не подумал, что его убрали. И лишь бы это случилось сегодня. Крайний срок — завтрашний полдень.

— Почему такая спешка?

— Потому.

— Так-так... — протянул Мутноглазый, задумчиво покручивая ус.

— Не «так-так», а «будет сделано»! Вот что я хочу от тебя услышать, — раздраженно сказал Хезелтайн.

— Будет сделано. Но как? Надо подумать...

— Это уже не моя проблема. Оторви задницу от кресла, заряди кольт и отправляйся на рудник. А в дороге у тебя будет время все обдумать.

— Как давно его сослали?

— Сегодня.

Лагранж чуть не подскочил в кресле:

— Что же ты молчал? Если так, то парень еще в городе! Новую партию арестантов погонят только после трех!

Хезелтайн молча показал пальцем на настенные часы.

— Черт! Пятый час! Все равно, босс, ты мог сказать раньше! — Мутноглазый ударил себя по лбу. — Его судили сегодня? Значит, он сидел вместе со мной? Ты говоришь о молодом парне с усами, похожем на еврея-аптекаря?

— Нет. Клиенту сорок три года. Он бледный, но часто краснеет. В белом костюме и желтых сапогах.

— Видел я его. Лицо не разглядел, но сапоги у него знатные. — Лагранж встал и сложил ладони лодочкой: — А теперь, босс, насыпь мне полные пригоршни золота, чтобы я мог выполнить твой заказ. Такая работа требует расходов. Ты представляешь, с кем мне придется договариваться насчет удара молнии?

13

До последней капли виски

Как только они выехали из города, Кирилл подумал, что все-таки не зря потратил время. Ему удалось вывести, что обычно арестантов гонят на рудник после обеда. Имеется в виду обед конвоиров. Они подкрепятся перед нудной дорогой, а ужинать им придется уже на руднике. Кирилл полагал, что освободить Мануэля будет легче всего в пути — вдалеке от начальства охранники становятся более сговорчивыми. Значит, надо покинуть отель не позже трех часов, примерно в одно время с конвоем. Они так и сделали.

Илья правил фургоном, Кирилл сидел рядом. Главная улица вела вниз, становясь все уже. Вот остались позади склады и лавки для фермеров, вот и поворот на большую дорогу — и тут Кирилл чуть не засмеялся от радости. Да, он не потратил время впустую, и все рассчитал правильно. Впереди на дороге виднелась медленно бредущая колонна арестантов.

Тройка конвоиров гарцевала сзади, еще двое были спереди. И все.

— Пять человек в охране, — сказал Остерман.

— Вижу.

— А каторжников не больше дюжины.

— Сегодня неурожайный день. В прошлое воскресенье из города отправили почти четыре десятка.

Кирилл откупорил бутылку, прополоскал рот виски — и выплюнул. Илья чуть не обронил вожжи от возмущения:

— Ты что творишь!

— Мне надо быть похожим на пьяного.

— Кира, может быть, уже пора и меня посвятить в твои планы?

— А нет никаких планов, — сказал Кирилл и громко икнул. — Похож?

Остерман сердито отвернулся.

Фургон обогнал колонну, и Кирилл соскочил на дорогу, размахивая бутылкой.

— Кто желает выпить со мной за здоровье полковника Тирби?

Передняя двойка конвоиров остановилась, и один из наездников вскинул винчестер. Второй беззлобно выругался:

— Эй, придурок! Уйди с дороги.

— Полковник Тирби — великий человек! — продолжал Кирилл, пошатываясь и расплескивая виски. — Щедрый и могущественный! Я по сравнению с ним — как муравей рядом с медведем! Но я тоже щедрый!

— Щедрый, щедрый, успокойся. И вали отсюда, — сказал охранник и снова положил винтовку поперек седла. — А то затопчем.

— Если я пообещал, что весь рудник выпьет за его здоровье, то так и будет! Пейте, господа!

Охранники переглянулись.

— Фредди, ты как? — спросил один.

Второй достал револьвер и молча навел его на Кирилла.

— Неужели вы отказываетесь?

Пуля ударила в землю у его ног, и Кирилл подпрыгнул, выронив бутылку:

— Ай! Зачем же так...

Вторая пуля выбила фонтан пыли еще ближе. Кирилл зачихал, вытирая глаза кулаком, и потрусил обратно к фургону под дружный хохот охранников и арестантов.

Вскарабкавшись на козлы, он шепнул:

— Гони.

Илья щелкнул вожжами, фургон дернулся, и из открытой коробки, стоявшей над задним бортом, выпала на дорогу еще одна бутылка.

— Дай-ка мне. — Кирилл перехватил вожжи и направил фургон к самому краю дороги, так, что правые колеса зашуршали по траве. — Глянь, она не разбилась?

— Подобрали, — доложил Илья.

Кирилл снова передернул вожжами, и лошади приняли влево. Фургон еще пару раз вильнул на дороге, прежде чем перевалил через холм.

На спуске они встретили рудовозов. Восемь пар лошадей медленно переступали, вытягивая за собой длинную телегу. Возчики шагали рядом, нещадно ругаясь. Кто тянул коня под уздцы, а кто размахивал бичом — но все эти меры никак не способствовали увеличению скорости.

— Эй, парни! — заорал Кирилл. — Пьем за здоровье полковника Тирби!

Бутылка, сверкнув на солнце, полетела к возчикам, и сразу несколько пар рук вытянулись ей навстречу. Фургон едва не опрокинулся, лихо пролетая мимо рудовозов, и помчался дальше.

Эту часть дороги Кирилл успел изучить. Сразу после трибунала он отправился сюда. Прямая дорога через пологие холмы не отняла много времени, но затем начиналась гора, и здесь он задержался. Подниматься по всему серпантину было незачем, потому что он скоро нашел место, которое ему понравилось. Склон, покрытый сухим кустарником и кактусами. Справа от дороги — крутой обрыв. Крутой, но не отвесный. По нему вполне можно скатиться и тут же нырнуть в извилистый овраг. Куда он ведет, неизвестно. Но если добежать до него, то уже никакая пуля не страшна...

В начале подъема на гору они остановили фургон. Скоро их догнал Рико с тройкой

лошадей.

— Видел Мануэля? — спросил Кирилл.

— Шагает в паре с майором.

— Они тебя заметили?

— Конечно. Этот растяпа даже хотел мне рукой помахать, майор его удержал. — Рико из-под руки осмотрел склон. — Сделаем это здесь? Уж больно открытое место...

— Выбирать не приходится.

Майор Кардосо шагал в паре с Мануэлем, негромко насвистывая. Они шли без отдыха уже два часа, солнце палило нещадно, от идущих впереди несло мочой и потом — но майор был в прекрасном настроении. Вчера его пытались убить, а он не дался. И теперь шагает по ровной дороге на своих двоих, любуясь пейзажем. А ведь мог бы валяться на заднем дворе, пока гробовщик не сколотит ему последний костюм. Обостренное чувство угрозы спасло его и на этот раз, как спасало много лет. Оно шевельнулось, как только Хезелтайн, на миг растерявшись, снова перетасовал карты. Уголки глаз выдали его. Его лицо стало таким, словно он прицеливался. Да, он мгновенно нацепил прежнюю маску приветливости — но майору хватило доли секунды, чтобы заметить опасность. И он не ошибся.

— Дева Мария, как я устал, — снова заныл Мануэль. — И зачем только я надел башмаки? Хотел быть похожим на городского, да не помогло. А теперь и мозоли натру, и башмаки разобью об камни. А ведь соведем новые, можно сказать, и двух лет нету...

— Веселей, амиго, — сказал майор. — Прогулка перед ужином весьма полезна для здоровья.

— Не думаю, что нас там покормят, — уныло ответил мексиканец. — Разве что сеньор Крис договорится с начальством и оставит для нас передачку. Он ведь для этого поехал туда, верно?

— Конечно, для этого. Друзья позаботятся о том, чтобы мы не голодали.

Они шли в середине колонны, и это тоже было поводом для тихой радости майора. Те, кто шагают с краю, мозолят глаза конвоирам. И если вдруг отлучатся, это сразу станет заметно. А в том, что такая отлучка возможна, майор не сомневался. Он напрягся, когда Крис и Билли устроили комедию с угощением. Охранники ненадолго отвлеклись — но бежать было некуда. Значит, это было только прелюдией. Главное еще впереди.

«Зачем Хезелтайн подослал киллеров? — думал он. — Бойтся, что я ему помешаю. Появлюсь в казино после полуночи и разоблачу его трюки. Идиотам-биржевикам ведь и в голову не придет, что один из самых богатых людей Аризоны не гнушается мухлевать в карты! А он богат, это видно невооруженным глазом. Вышколенная прислуга, персидские ковры, по два золотых перстня на каждой руке. Интересно, сколько народу ему пришлось перебить, чтобы забраться так высоко? Немало, судя по тому, как легко и быстро он приговорил меня. Однако...»

Кардосо споткнулся на ровном месте, потому что у него на миг дрогнули колени — и все от простой мысли, которая почему-то пришла ему в голову только сейчас.

«Однако в таком случае и шериф, и судья у него в кармане! Получается, что я весело шагаю на эшафот. Господин майор, вы собирались бежать с рудника? А вы уверены, что доберетесь до него? А если охранники получили негласные инструкции? Почему они так беспечны? Слишком беспечны. Пустили виски по кругу, а теперь клюют носом. Думают, что я поверю, будто они заснули? Поверю — и побегу? И буду убит при попытке к бегству? Наверняка Джерри мог это подстроить... Нет, к чему столько суеты? На руднике я для него не опасен. Биржевики приедут и уедут, а я все еще буду махать киркой. Даже если и сбегу оттуда, мне незачем возвращаться в город. Да и куда здесь бежать? Пешком далеко не уйдешь. В горах не выжить, через пустыню не перейти. Проще всего смириться и ждать, пока о старом друге вспомнит сам полковник».

— Эй, смотрите! — закричали впереди, и майор поднял голову.

Знакомый фургон стоял поперек дороги. Вокруг опущенного дышла змеились

оборванные постромки. В пыли сверкали осколки разбитых бутылок.

— Стоять! — гаркнул старший конвоир. — Всем сесть! Фредди, посмотри, что там.

— Я и так знаю, что там, — проворчал охранник, не трогаясь с места. — Ничего там. Кроме пары мертвецов.

Арестанты, крича, усадились на обочину. Кардосо одернул Мануэля, который, разинув рот, глазел на фургон.

— Садись, — тихо приказал он. — Да не туда, сюда!

Они сели над самым обрывом. Внизу, шагах в двадцати, зеленел кустарник, клубящийся в расщелине. Наверно, в ней тек небольшой ручеек. Расщелина тянулась к оврагу, а там... У Кардосо на миг перехватило дыхание. Над оврагом торчал кактус. Вроде бы такой же, как и другие, что виднелись на склоне. Но один из его отростков был срублен. И теперь кактус был похож на сломанный презубец.

Кто мог оставить такой знак? Никто, кроме Рико.

— Дева Мария, — шепотом причитал Мануэль, — как же так? Что с ними стряслось?

— Апачи, — заговорили арестанты. — Совсем обнаглели. Скоро уже и в городе будут орудовать. Апачи, ясное дело.

Тем временем охранники после короткой перебранки все же решили проверить фургон. Оставив одного сторожить арестантов, они плотной кучкой двинулись по дороге, с винтовками наготове. Но тут же остановились.

Один из них вытянул руку, показывая вверх по склону. Там, среди высохших кустов, что-то поблескивало.

— Разрази меня гром, да это бутылки! Какая же тварь их туда забросила?

— Парни, осторожней! Сдается мне, тут не обошлось без Джеронимо. Этот апач сам не пьет и другим не дает.

— Точно, его работа. Нормальный налетчик не стал бы так измываться над людьми.

— Да они вроде целые...

Двое конвоиров соскочили на землю и принялись карабкаться по склону.

— Назад! — закричал старший, но в следующую секунду и сам кинулся за ними.

— Эй, а я что! — Конвоир, стоявший возле арестантов, в ярости ударил лошадь шпорами, и она рванулась вперед.

Кардосо дернул Мануэля за рукав и ринулся вниз по обрыву. Сзади кто-то свистнул. А потом арестанты дружно загалдели:

— Эй, смотрите, а вон там еще три бутылки! Вон там, повыше! Да нет, левее! Давай, Фредди, поднажми, тебя догоняют!

Майор бежал зигзагом, и на поворотах хватал Мануэля за рубашку, увлекая за собой. Больше всего он боялся с разбегу налететь на целую баррикаду кактусов. Но повезло — проскочил и благополучно нырнул в расщелину, и гибкие ветви сомкнулись за спиной. Мануэль сопел позади, под ногами хрустели ветки, хлюпала жижа. Увидев блеснувшую полоску воды, Кардосо упал на колени и жадно погрузил лицо в ручеек. Два глотка — и снова вперед. Он с силой поднял Мануэля на ноги:

— Не напивайся! А то не добежишь!

— Куда? Куда мы?

На обломанную ветку была наколота игральная карта. Майор снял ее, огляделся и заметил еще одну;

— Нам туда.

Под второй картой висел оружейный пояс с револьвером в кобуре. Кардосо, на ходу застегивая пряжки, сказал:

— Не удивлюсь, если дальше мы обнаружим накрытый стол.

Они бежали по извилистому оврагу, останавливаясь, чтобы прислушаться. Но погони не было. Еще один поворот, и Мануэль первым заметил веревку, свисавшую с отвесного склона. Они выбрались наверх и увидели лошадей в тени акаций.

Над кустом показалась всклокоченная голова Рико.

— За вами бегут?

— Нет, — тяжело отдуваясь и вытирая пот, сказал майор. — Кажется, у конвоя нашлось более веселое занятие.

Мутноглазый успел набрать только троих помощников. Было б у него чуть больше времени, он бы поднял десяток. Но с Хезелтайном вечно одна и та же история. Все впопыхах. Хорошо еще, что Дылда и Кирпич оказались на месте, а то без их винтовок нечего было и думать о приличной засаде.

Они чуть не загнали лошадей, взбираясь по горным тропам. Перехватить конвой Лагранж решил в самом высоком месте, там, где к дороге подступает лес. Он с Бинглом расположился за поворотом, в кустах повыше обочины, а Дылда с Кирпичом залегли дальше, спрятавшись за деревьями. Их армейские «маузеры» могли пробить любую доску с тысячи шагов — если пуля попадала в цель, что случалось нечасто. Мутноглазый надеялся, что его стрелки не промажут. А если и промажут — тоже не страшно. Напуганные конвоиры разбегутся, увидев, как пули срубают деревья рядом с ними. И тогда можно будет спокойно разобраться с арестантами...

— Что-то их долго нету, — заметил Бингл. — Может, они уже прошли? А может, их по длинной дороге повели?

— Заткнись.

По длинной дороге, вокруг горы, возили руду. А людей гоняли напрямик, через перевал. Лагранж хорошо знал дорогу на рудник. Сам однажды прогулялся по ней. Давно, еще до знакомства с Хезелтайном, на второй день своего пребывания в Тирби. Попался на ерунде — пристрелил мексиканца. В Калифорнии и Неваде он их завалил штук десять, не меньше, и всегда оказывалось, что те были сами виноваты. А тут его сцапали и заставили две недели грузить руду.

Да и Бинглу эта дорожка была знакома. Наверно, в городе не осталось никого, кто не отбыл бы трудовую повинность на руднике. Неплохо устроились ребята, Тирби да Хезелтайн. Бесплатная рабочая сила всегда в их распоряжении. Плюс мексиканцы. Эти тоже, считай, горбатятся задаром. Особенно те, кто перебежали границу. Дома им не сиделось, придуркам. Войны испугались. А тут — тихо, спокойно, кормежка бесплатная...

— Идут! — Бингл приподнялся на руках.

Мутноглазый треснул его по затылку:

— Не торчи!

Наконец из-за поворота показались двое верховых конвоиров. Лагранжу не понравилось, что они ехали медленно, настороженно оглядывались, да еще и винтовки держали наготове, а не за седлом.

— Этих пропускаем, — шепотом напомнил он, толкнув напарника. — Когда Дылда откроет огонь, остальной конвой ответит. Тогда и вступим под шумок. Ты помнишь, кто нам нужен?

— Белый сюртук, желтые сапоги. Только я вот что думаю...

— Думаю тут я. Твое дело стрелять.

Он надломил несколько веток в кустах, чтобы получилось окошко, и просунул туда ствол винчестера. Разглядев первых арестантов, Мутноглазый выругался. Сегодня в конвой набрали каких-то уродов. Наверно, бывшая солдатня. Нормальным пацанам в голову не пришло бы связывать тех, кто бредет по горной дороге.

— Чего это они им руки связали? — удивился Бингл.

— Чтоб не удрали.

— Куда тут удерешь?

— Да заткнись ты!

Арестанты брели, понуро опустив головы, держа руки за спиной. Лагранж смотрел на них через прорезь прицела. Вот те уроды, с кем он вчера схлестнулся в салуне. Ага, несладко? Он усмехнулся и повел стволом в сторону, разглядывая остальных. Что за

чертовщина...

— Я что хотел сказать, — снова зашептал Бингл. — Вот ты говоришь, сапоги у него клевые — а если он их загнал? И пиджачок белый на руднике ему без надобности. Ты видишь хоть одного в белом пиджаке? Я не вижу...

— Беги к Дылде, — быстро приказал Лагранж. — Скажи, все отменяется. Бегом!

Бингл отполз назад. Но он и встать не успел, как из леса ударил мощный щелчок «маузера». И будто эхом отозвался второй выстрел.

Мутноглазый чуть за голову не схватился от досады. Клиента среди арестантов не было, это ясно. Что-то случилось. Они напрасно сюда приперлись. И Дылда напрасно так тщательно целился. Первым же выстрелом он угодил в охранника, и тот вылетел из седла, будто его сдернули арканом.

— Стой, тупица! — заорал Лагранж, увидев, что Бингл собрался убежать.

— Ты сам сказал...

— Стреляй, баран! По конвою стреляй!

Ярость мешала целиться. Мушка плясала, как пьяная проститутка. Он посылал пулю за пулей, но видел, что нещадно мажет. Лошади охранников кружились на месте, и те не могли отстреливаться, били наугад. Арестанты повалились на дорогу и, судорожно извиваясь, отползали за деревья. Крики раненых смешивались с конским ржанием, пыль смешивалась с дымом, и у Лагранжа словно пелена стояла перед глазами. Боек щелкнул впустую, и он опустил винчестер.

— Они удрали! — торжествующе завопил Бингл. — Удрали!

— Уходим! — Мутноглазый вскочил и, пригибаясь, кинулся туда, где на поляне были оставлены их лошади. — Чего стоишь, баран! Бегом!

«Конвой не может бросить колонну, — думал он, прорываясь напролом через заросли. — Охранники отступили за поворот и сейчас, наверно, гадают, что делать дальше. Пусть потопчутся. Лишь бы не повернули назад. Они же не конченные идиоты! Пройдена самая трудная часть пути, до рудника — совсем ничего... Да, они не идиоты. Они пошлют одного за подмогой, а сами укроются и будут геройски обороняться».

Мутноглазый успокаивал сам себя, но все же торопился. Все должны знать, что во время нападения на конвой он был в городе. Торчал в кабаке или валялся дома пьяный.

Дылда и Кирпич сияли, потрясая винтовками:

— Здорово мы их!

— Ты видел, как я его ссадил?

— Что? Ты? Это я!

— Хватит препираться! — Мутноглазый взлетел в седло. — Уносим ноги! И чтоб до завтра из кабака не вылезали!

— А на какие шиши гулять-то будем?

Он дал им по двадцатке.

— Остальное получите завтра.

Бингл скривился:

— Мне моя сотня и сейчас бы не помешала.

— Мне тоже, да только босс рассчитается со мной лишь завтра, — соврал Мутноглазый. — Вечерком найдете меня в «Парнасе». А сейчас — ходу, парни, ходу!

Три сотни, оставшиеся в кармане, Лагранжу были нужнее, чем подельникам. Вполне возможно, уже сегодня ему придется исчезнуть из города. От Хезелтайна всего можно ожидать. Мутноглазый даже подумал, что лучше вообще не возвращаться в город. Работа не сделана, а шума теперь будет много...

«Нет, — решил он. — Лучше не прятаться. Лучше остаться в должниках у Хезелтайна. Должников не убивают, пока с них можно содрать хоть что-нибудь. А если сбежать — он просто закажет меня».

Потери и находки

Покупая фургон, Кирилл не думал, что с ним придется расстаться так быстро. Дом, пусть и на колесах, остается домом. К нему привыкаешь, в нем появляются любимые уголки, он дарит уют и покой. Небольшая, но вместительная повозка избавляет путешественника от множества неудобств — она защищает от дождя, ветра и зноя; в ней можно спать, не опасаясь змей и скорпионов; крепкие борта укрывают от пуль при перестрелке... В общем, незаменимая вещь — армейский фургон.

Однако Кирилл не жалел о том, что бросил его. Двигаясь верхом, они не будут привязаны к дорогам. От дождя спасет плащ — да и бывают ли дожди в Аризоне? А спать на земле — тоже дело привычное. И даже приятное, если есть возможность развести костер. Главное — не забыть поутру вытряхнуть сапоги. Скорпионы удивительно быстро обживают их за ночь и выражают крайнее недовольство, когда в их новый домик вторгается чья-то босая пятка.

Его занимала только одна проблема — как поделить восемь лошадей на пятерых?

— Это не проблема, — сказал Кардосо. — Мне хватит и одной. У вас впереди долгий путь, а у меня — всего один переход через горы.

— Неизвестно, чей путь окажется дольше, — позевывая, сказал Илья. — Утром разберемся.

Костер они развели в яме, чтобы со стороны не было видно пламени. Чайник шипел, потрескивал, но никак не хотел закипать. Сковорода, на которой они разогрели консервированные бобы, давно была вылизана, и теперь все ждали кофе. Кардосо уже расписал, кому когда дежурить. Сейчас ему полагалось спать, но он сидел вместе со всеми и чистил револьвер.

— Мне все не дает покоя стрельба в лесу, — сказал Остерман. — Не знаю, что это было. Но это было слишком близко. Зря мы остановились.

— Ночью в горах не ходят. — Кардосо вставил барабан на место и прокрутил возле уха, прислушиваясь к щелчкам. — Если кто кинулся в погоню за нами, то сейчас он занят тем же, чем и мы. Сидит у костра и ждет рассвета.

— Что-то лошади всполошились. — Рико привстал, вглядываясь в темноту.

— Показалось тебе, — сказал Мануэль. — Я тоже не глухой, все слышу. Как стояли, так и стоят спокойно.

— Так, да не так. Хрустеть перестали, слышишь?

Теперь и Кирилл заметил, что лошади подозрительно затихли. До этого с их стороны доносилось то мягкое перетаптывание, то сочный хруст, то свистящий всплеск хвоста — словом, те незаметные звуки, из которых состоит тишина ночного леса. А сейчас они замерли.

— Пойду гляну.

Рико бесшумно отошел от костра. Кардосо распечатал коробку с патронами и принялся заряжать «ремингтон».

— Люблю я эту пушку, — сказал он ласково. — В Неваде все мои рейнджеры с такими ходили. Патроны мы снаряжали сами. Укороченная пуля, пороху чуть побольше. Бьет на сто шагов. А с кольтом такой номер не пройдет — рамка слабовата, после пары выстрелов начинает болтаться.

— Я видел у вас за седлом замечательный «смит-вессон», — вспомнил Кирилл. — Тоже мощная штучка.

— Русская модель? Да, мощная. Вот его мне по-настоящему жаль. Ни за что не расстался бы. Кобылу не так жаль, как русский «смит». И «шарпс» там остался, тоже обидно до слез. Идеально пристрелянный, с новым стволом. Приклад с мягким затыльником... — Майор вздохнул. — Дорого обошлась мне поездка в Тирби.

— Могло быть хуже, — заметил Илья.

— Что вы имеете в виду?

Остерман рассмеялся:

— Виноват. Что может быть хуже потери любимого оружия?

Из темноты послышался негромкий свист. Все, как по команде, откатились от костра. Только Мануэль остался стоять на коленях возле чайника. Он растерянно оглядывался. Кирилл дернул его за пятку и прошептал:

— Да спрячься ты!

Мексиканец захлопнул крышку, вытер руки о рубашу и только после этого встал и неторопливо отошел в тень.

— Я иду не один! — послышался голос Рико. — Со мной гость!

— Пусть выйдет на свет, — приказал майор и громко взвел курок.

Низкорослый, но широкоплечий мексиканец приблизился к костру, держа руки перед собой.

— Я без оружия.

— Чего надо? — грубовато спросил майор.

— Ничего. Смотрю, тут все свои. Вы, сеньор, шагали малость впереди и меня не видели. А я вас запомнил, — улыбнулся мексиканец, сверкнув зубами. — Ну и ловко же вы сиганули с обрыва. Такой важный сеньор, а скакал пуще зайца.

Кардосо вышел из темноты, пряча револьвер за пояс. Он подал мексиканцу руку:

— Так ты тоже смылся, амиго?

— А что оставалось делать? Когда охрана хватилась, что двое сбежали, нам всем руки связали и погнали дальше. Тут стрельба началась. Одного сразу наповал, другие разбежались. Пальба стоит несусветная. Чисто война. Ну, мы ждать не стали, пока пулю схлопочем. Так, со связанными руками и ломанулись через лес. Потом кое-как, зубами, друг дружку развязали. И вот, на огонек вышли.

— Сколько вас?

— Со мной братья-ирландцы. Шон и Пит. А я — Фернандо.

— Зови их, — сказал майор.

Мексиканец сложил ладони у губ и заухал филином.

— Тебя, Фернандо, теща любит, — сказал Мануэль, снова приподнимая крышку чайника. — Аккурат к ужину появился.

Чтобы стать жителем Соединенных Штатов, коренному мексиканцу Фернандо Васкесу не пришлось покинуть родную деревню и пересекать границу. Он и все его родичи вместе с соседями, курами и свиньями однажды заснули в Мексике, а проснулись в Аризоне. Конечно, американская свинья осталась такой же грязной и тощей, какой была до перемены подданства. Перекройка границ и перекраска флагов ничего не изменили в жизни людей, кур и свиней. Даже если послезавтра они проснутся в Коннектикуте, свиней все равно придется кормить аризонскими объедками, а на огороде вырастет все та же мексиканская кукуруза. И точно так же, как раньше, бедняки будут пахать, монахи — молиться, а смелые парни, вроде Фернандо, будут полагаться больше на свой револьвер, чем на грядку или молитву.

Он не был конокрадом, как обозвал его однажды старикашка-судья. Просто по молодости лет не мог усидеть дома, когда сверстники уходили на дело. Неважно какое. Коней воровать или канаву рыть — без разницы. Главное, что вместе со всеми. Надо держаться своих, а как же иначе? Судья влепил ему год, и Фернандо узнал, что в Аризоне есть не только горы и пустыни, но и шахты с рудниками.

Отсидев от звонка до звонка, Фернандо не вернулся домой, потому что дома больше не было: там, где когда-то стояла деревня, теперь высились отвалы породы, и от наспех сколоченных бараков тянулись к шахте толпы земляков. Он мог бы влиться в толпу, но за прошедший год ему надоело махать киркой. Васкес предпочел убраться в Мексику и стал мирным пастухом. Теперь револьвер ему был нужен, чтобы самому отбиваться от губошлепов, охочих до чужих лошадок.

А потом пришли военные. Всем пастухам выдали мундиры и фуражки с белыми

кокардами. Сунули в руки винтовку и саблю и приказали убивать тех, у кого кокарды — черные.

«Надо держаться своих», — решил Фернандо и зашагал строем вместе со всеми, под командой веселого полковника Борхеса. Солдатская жизнь не слишком отличается от пастушьей. Фернандо Васкесу было привычно спать на земле, положив под голову седло. А убивать людей оказалось даже проще, чем резать скот.

Ни громких побед, ни славы полковник Борхес не дождался. Сгинул при штурме Сан-Хуана, а рядового Васкеса вместе с другими пленными подвели к оврагу. Позади шеренги прохаживались двое пьяных офицеров с черными кокардами и соревновались, кто ловчее перережет глотку пленному. На четвертом десятке у них заныли руки. Тем, кто остался в живых, приказали забросать землей неудачливых однополчан. И дожидаться рассвета. Вот тут-то Фернандо впервые оторвался от своих. Ночью он отполз от кучи храпящих односельчан и скатился в овраг с трупами. Пристроился с краю, присыпал себя землей и ветками. Утром рядом с ним стали валиться хрипящие соседи. Их не закапывали. Лежа среди трупов, он услышал, как уходит конница. Потом заскрипели колеса артиллерии. Дотерпев до темноты, он выбрался из могилы и отправился на север. Лучше махать киркой, чем саблей, решил Фернандо.

А братьям О'Хара было все равно, чем махать. Хоть киркой, хоть саблей, хоть голыми кулаками. Они начинали в Канзасе, на прокладке железной дороги. И дошли до Тумбстона. Шли бы и дальше, да рельсы кончились. Вот они и подались на шахты. А какая разница, где работать? Да хоть на Аляске, лишь бы платили. И лишь бы зарплаты хватало на выпивку и девчонок.

Девчонок они делили по-братски. Хотели и француженку поделить. Но Фернандо сказал, что Молли пойдет с ним. Ну, и пошло-поехало...

— И что теперь? — спросил Кирилл.

— Переночуем в лесу, — сказал Пит О'Хара. — Днем подберемся к поселку и спрячемся в старой шахте. Дождемся темноты, разбежимся по своим палаткам. Заберем шмотки — и ходу. Фернандо тут каждую тропинку знает. Уйдем за кордон. А там видно будет.

— Отличный план, — кивнул майор Кардосо. — Только вам незачем дожидаться темноты. Шериф спрячет своих помощников в засаде у ваших палаток. Если пойдете ночью, они с перепугу вас пристрелят. А днем — схватят живьем. Вам какой вариант больше нравится?

Братья посмотрели на Фернандо, и тот озадаченно поскреб подбородок:

— Не знаю, сеньор. Только лучше пусть меня пристрелят, чем такой позор. Лучше удачная смерть, чем неудачный побег.

Остерман подтолкнул Кирилла локтем:

— У нас три свободные лошади.

— Да. Как раз три. — Кирилл поглядел на гостей. — Знаете, парни, плюньте вы на свои шмотки. Наверно, у вас там под тюфяком припрятаны и деньжата? И на них плюньте. Все равно их уже стырили ваши соседи. Зачем вам деньги в горах? Завтра мы выберемся отсюда и перейдем границу. У нас есть кое-какие припасы. Поделимся. Раз уж так вышло, незачем возвращаться. Давайте держаться вместе.

— Вместе, конечно, веселей, — сказал Фернандо. — Как только рассветет, я вас выведу. Пойдем без дорог. Не слишком быстро, зато наверняка. Граница проходит по Сухой долине. Там разделимся. Я двину дальше в Мексику. Найду самую глухую деревню и пережду войну. Войны, они ведь не могут длиться вечно,

— А мы с Шоном махнем в Неваду, — сказал Пит. — Попробуем золотишка намыть.

Шон согласно кивнул, и Кирилл перевел взгляд на Рико с Мануэлем:

— А вы? Вам — в какую сторону?

Рико сосредоточенно ковырял палкой в углях погасшего костра. Мануэль пожал плечами:

— Кто ж его знает, в какую нам сторону... Домой возвращаться надо...

— Можешь ехать, — бросил Рико.

— А ты?

— А я без нее не уеду.

Кардосо потянулся и сказал:

— Всем — спать. Куда бы мы ни направлялись, пока у нас одна дорога. Та, что ведет подальше от рудника, подальше от города и как можно дальше от всех его обитателей.

В горах рассвет наступает хоть на минуту, а все же раньше, чем в долине. Кириллу хотелось воспользоваться даже таким незначительным преимуществом, поэтому в путь тронулись, как только стали видны просветы между деревьями. Ирландцам и Фернандо достались мерины, которые прежде таскали фургон. Они были без седел, но беглецы легко смирились с таким неудобством — все лучше, чем пешком топать. Если Фернандо и мог завидовать спутникам, то по другому поводу.

— Ого, да у вас целый арсенал, — протянул он, разглядев, сколько оружия выглядывало из-за седел. — Зачем тебе лишний груз?

— Хочешь, чтоб я поделился с тобой?

— Ну, если ты будешь настаивать, я, может быть, и соглашусь принять винчестер. И, пожалуй, вон тот кольт с ореховой рукояткой.

— Подожди, еще не время делить оружие.

— Я подожду. Я терпеливый. — Васкес еще раз завистливо глянул на оружие и, видимо, решил сменить тему. — А чего это Рико такой смурной? Девчонку в городе оставил?

Кирилл оглянулся. Рико ехал последним и не мог слышать, о чем они говорят. Но все же Кирилл понизил голос:

— Его невесту увезли из деревни и сдали в бордель. К сестрам Фраун. Слышал про таких?

— К сестричкам? Повезло девчонке. Будет как сыр в масле кататься. Говорят, там каждая шлюха имеет тряпок на десять тысяч долларов. Шелка, меха, брильянты. А к которой из сестер она попала? Если к Эвелине, то будет жить вообще как принцесса. На вилле.

— Что еще за вилла? — послышался голос Рико.

Кирилл укоризненно глянул на Фернандо, но тот меньше всего задумывался о нежных чувствах своих новых попутчиков. Оглянувшись, он вытянул руку:

— Когда кончится лес, вон там, в долине, увидишь белый замок. Настоящий замок, только маленький. Это и есть вилла. Там мадам Эвелина принимает самых дорогих гостей. Если твоей девчонке еще не исполнилось семнадцати, то она точно там. На вилле держат самых молоденьких. Но не слишком долго. С полгодика. Потом переводят в город, а на их место новых завозят.

— Луисите и шестнадцати нет, — угрюмо сказал Рико.

— И ты уже называешь ее своей невестой?

— Мы должны были обручиться.

— Выше нос, амиго. Господь подкинул вам испытание, только и всего. Если ваша любовь не ослабнет за полгода, ты сможешь забрать свою Луиситу. Ну конечно, если она сама захочет вернуться обратно в деревню. Я таких историй слышал. В соседней палатке живут Гонсалесы, трое братьев. Тоже, как ты, приехали выручать сестренку. Уже второй год выручают. Раз в неделю ходят к особняку, она им подбрасывает денег, а иногда их и на кухню пускают, так они в поселок столько обедков приносят...

— Лучше бы тебе помолчать, Фернандо, — озабоченно сказал Мануэль. — Какое нам дело до каких-то Гонсалесов?

— И верно, хватит болтать, — буркнул Рико.

Дорога снова сузилась до едва заметной тропы, и колонна всадников вытянулась змейкой. Впереди ехал Кардосо, Кирилл держался последним. Поначалу он немного

беспокоился за Шона и Пита. Но братья хоть и сидели мешком, однако уверенно правили лошадьми. На горной тропе они без подсказки догадались, что надо увеличить интервал.

В такие минуты неопытные всадники, наоборот, начинают от страха жаться друг к другу. Это понятно и простительно в мирной обстановке. Страх высоты неудержимо охватывает каждого, когда правый сапог трется о вертикальную скалу, а под левым круто уходит вниз голый склон с торчащими из него сухими корнями, и далеко внизу поблескивает нить реки. Этот страх отступает, когда рядом с тобой товарищ, который успеет помочь, если конь оступится. Но если поблизости враг, то от товарищей надо держаться подальше. Дружба дружбой, а дистанцию держи. Нет ничего глупее, чем дружная смерть под залпом из засады.

Здесь, наверху, воздух был слишком прозрачным, и Кирилл понимал, что всадников на тропе видно так же хорошо, как и он видит отсюда белые кубики глинобитных домиков под бурыми крышами и расплзающееся пятно коровьего стада на изумрудном склоне. Впрочем, понимал он и то, что пока на него смотрят не враги. Вряд ли из-за нескольких беглых арестантов в Тирби будут собирать добровольцев в погоню. А вот те, кто обстрелял конвой, — да, этих ребят следует опасаться...

15

Скверные новости

Полковник Тирби возвращался домой в дурном расположении духа. Пума, на которую он рассчитывал поохотиться вместе с гостями, куда-то пропала. Егеря следили за ней несколько месяцев, знали все ее тропы, и даже сумели привадить ее поближе к вилле, оставляя в кустах привязанных ягнят. Но за последние две недели ее никто не видел. Ягнята оставались нетронутыми — если не считать того, что вороны выклевывали им глаза. Ни свежего помета, ни других следов пумы не находили даже самые опытные следопыты. Получалось, что полковник мог предложить гостям только охоту на ворон, которые шумной стайей поселились в лесу возле виллы.

Но черт с ней, с пумой. Эвелина позаботится о том, чтобы гостям не было скучно. Гораздо больше огорчил полковника старый геолог, профессор Адамс. По его расчетам, запасы меди на руднике были близки к истощению. Копать вглубь или расплзаться вширь — результат будет один и тот же: пустая порода и напрасные расходы. На новые месторождения можно не рассчитывать, потому что все они находятся за Сухой долиной. То есть в Мексике.

Договориться с мексиканскими властями Сайрус Тирби сумел бы легко. Получить концессию, перебросить изыскателей и дорожников, нагнать рабочую силу — тоже не проблема. Через год новый рудник даст прибыль. Вопрос в другом — что он даст полковнику кроме прибыли?

Он вспомнил, с каким чувством впервые увидел Медный холм и тот человеческий муравейник, который спустя годы превратился в город. Бесчисленные повозки, землянки, палатки, дымы сотен костров — это был хаос, ожидающий своего Творца.

У тех, кто начинал дело, не хватило сил для его продолжения. Сайруса Тирби вызвал сюда один из его бывших начальников, и поначалу полковник был тут кем-то вроде военного коменданта. Понемногу он прибрал к рукам управление и городом, и рудником. На его приглашение откликнулся только Джерри Хезелтайн, но он один стоил целого десятка высоколобых менеджеров. Всего за год они вдвоем смогли захватить все, что представляло ценность, а бывшие хозяева Медного холма как-то незаметно исчезли. Кто уехал отдохнуть — и не вернулся. Кого-то доконало пьянство. А бывший начальник полковника нарвался на пулю, когда объезжал свои владения. Как раз после его похорон шахтерский поселок и был признан городом, и Хезелтайн предложил назвать его по имени основателя. К тому времени никто не сомневался, что Сайрус Тирби появился тут раньше всех.

Да, тогда он почувствовал себя Творцом. А сейчас, размышляя о новом руднике,

полковник чувствовал, что... Да ничего он не чувствовал, кроме раздражения. Опять суэта, опять расходы, опять тяготы неустроенной жизни на пустом месте, которое когда-то, может быть, снова назовут его именем. И что с того?

На въезде в город он увидел шерифа и приказал кучеру остановиться. Не вставая, подождал, пока Бюргер подойдет к коляске.

— Гости приехали?

— Еще нет, сэр. Я отправил за ними дилижанс и дюжину ребят для охраны.

— У нас все в порядке?

— Все отлично.

Шериф всегда верно угадывал настроение полковника и знал, когда можно докладывать неприятные известия, а когда их лучше придержать. Но и Тирби неплохо изучил Бюргера. И сейчас ему было ясно, что тот предпочел о чем-то умолчать.

— Вы в контору или домой? — спросил шериф.

— Хочешь, чтоб я тебя подбросил? — Тирби подвинулся. — Садись. Сначала загляну домой, а тебя отвезут дальше.

Бюргер сел рядом с ним, положив карабин на колени, и откашлялся.

«Сейчас начнет выкладывать, — подумал Тирби. — Боится, что дома я встречу Джерри, и тот его опередит».

— Пока вас не было, в город приехал один ваш знакомый, — осторожно начал шериф. — Майор Кардосо.

— И что?

— Он попал в неприятную историю. Перестрелка в «Парнасе»...

— Убит?

— Нет, хотя в него стреляли двое.

Тирби улыбнулся, и шериф продолжил уже более уверенным тоном:

— Одного майор уложил, второй удрал. Судья Панч... Ну, вы же знаете, как он ведет дела... Судья отправил майора на рудник, потому что тот отказался платить штраф. Хотя деньги у него были. Я осмотрел его вещи. Больше тысячи золотом. Зашито в седло. Мог бы рассчитаться, но не захотел. Если денег было жалко, мог бы отдать кобылу. За нее судья выложил бы три сотни, не торгуясь. Но майор...

Шериф сделал паузу, следя за реакцией полковника. Тирби пожал плечами:

— Возможно, он и не знал про золото. Кардосо — игрок. Чокнутый игрок. Мог выиграть лошадь вместе с седлом. Мне рассказывали, что однажды он выиграл целый отель. И бросил его через неделю. Тогда я подумал, что это сказка. Но теперь... А что за кобыла?

— Такой лошади у нас в городе еще не было. Белая арабка. Я перевел ее в мою конюшню. Пока. У вас в табуне ходит арабский жеребец, вот я и подумал...

— Да, парочка выйдет отличная. Но еще неизвестно, как к твоим планам отнесется Кардосо.

Шериф поставил карабин между колен и засопел, явно не находя нужных слов.

— Ну? — поторопил его полковник.

— Кардосо... Он бежал.

— С рудника?

— Нет. По дороге. — Бюргер вздохнул. — На конвой кто-то напал. Большая банда. Стволов десять — двенадцать. Один из моих помощников убит, двое ранены. Пятеро арестантов сбежали.

— Когда это случилось? — спокойно спросил Тирби.

— Вчера вечером.

— Сколько людей ты послал на поиски?

— Сэр, я... В общем, ночью искать бесполезно, а утра у меня не было свободных парней... Но как только они привезут гостей...

Тирби похлопал кучера по плечу:

— Поворачивай к конторе.

Потом презрительно оглядел шерифа и приказал:

— А ты вылезай. Пробегишь по поселку, набери добровольцев. Я плачу по десятке каждому. И добавлю, если беглецов поймают сегодня до заката.

— А я как раз для этого и шел, — гордо заявил шериф. — Думаете, почему я с карабином? Шел собирать ребят. Вот сейчас соберу и сам поведу. Не беспокойтесь, сэр. Изловим. Не первый раз.

— Не думаю, что ты изловишь Кардосо, — усмехнулся полковник. — Но если он даст себя поймать, будь с ним повежливее. Не забывай, он мой друг. Хоть и чокнутый.

«А каким еще может быть друг полковника Тирби?» — прочитал он в глазах шерифа.

Хезелтайна Тирби нашел в конторе. Тот сидел за рабочим столом, заваленным бумагами, и сосредоточенно полировал ногти.

— Что сказал Адамс? — спросил он, не прерывая важного занятия.

Полковник открыл шкаф, раздвинул бутылки и достал из-за них небольшой графин.

— Уже припрятал, — буркнул он, наполняя рюмку. — Для себя бережешь, а гостей будешь угощать дрянью с дорогими этикетками?

— Они и не заметят, что пьют дрянь. Этикетка важнее вкуса. Так что же сказал Адамс?

— Он много чего сказал. Старик понемногу сходит с ума. Болтает без умолку, не остановить. Я от него еле отвызался.

— Но ты выяснил хоть что-нибудь ценное?

— Выяснил. С трудом, но выяснил. Он сказал, что Медный холм похож на слоеный пирог. — Тирби почмокал губами, наслаждаясь вкусом неподдельного скотча. Он знал, что его манеры раздражают Хезелтайна, но сейчас ему хотелось немного позлить этого чистоплюя. Позлить, сбить с толку, заставить думать о чем-то кроме предстоящего дела... — Да, слоеный пирог. Рудные пласты чередуются со слоями породы. И чем глубже, тем толще эти пласты. А на землях фермеров если и есть руда, то слишком бедная. Надо копать вглубь.

— Что ж, будем копать, — с недовольной гримасой сказал Хезелтайн. — Нам понадобится много нового оборудования.

— И новые рабочие руки, — добавил полковник.

На лице Хезелтайна мелькнула язвительная ухмылка:

— Так вот для чего ты пригласил Дэвида Кардосо? Он уже пополнил список рудокопов.

Тирби устроился в кресле с графином в одной руке и с рюмкой в другой.

— Я не приглашал Кардосо. Это первое. И второе — он не пожелал работать на руднике. Сидишь тут, чистишь ногти и не знаешь, какие дела творятся у нас под носом.

— Ну, все на свете знают только Господь Бог и полковник Тирби, — развел руками Хезелтайн. — Мне Кардосо ничего не сообщал о своих пожеланиях. Наш разговор занял две минуты. Он хотел видеть тебя. Я думал, что он отправился к тебе на виллу. А наутро мне сообщают, что его уже осудили.

— Странно, что шериф не доложил тебе. Кардосо бежал. При довольно странных обстоятельствах. Боюсь, что у нас завелась новая шайка. Они обстреляли конвой... — Полковник покрутил пустую рюмку, поколебался и все же плеснул в нее немного виски. — Дело темное. Бюргер сам толком ничего не знает. Возможно, конвой просто напоролся на эту шайку. Постреляли и разбежались в разные стороны. Но я предпочитаю исходить из худшего.

— Думаешь, пытались освободить кого-то из своих?

— Если судить по результату, то так оно и есть.

— Кому нужны голодранцы-шахтеры?

— Выпей виски, прочисти мозги, — сказал полковник. — Ты ничего не понял? Или делаешь вид? Кардосо прибыл к нам не один.

— Допустим. Что дальше?

— С ним человек десять. И, насколько я знаю Дэвида, эта десятка стоит полсотни. А

теперь прикинь, чем они могут у нас поживиться.

Хезелтайн отмахнулся:

— Да они просто не войдут в город. Тут все чужаки на виду. Дернуться не успеют, как их схватят. Нет, Сайрус, я не думаю, что...

— Им нечего делать в городе. Сюда отправится разведчик. А они оседлают дорогу на Тумбстон. Разнюхают, когда будет идти транспорт с деньгами. Хапнут. И смоются в Мексику.

На этот раз слова полковника заставили Хезелтайна отложить пилку. Он выдвинул нижний ящик стола и достал оттуда серебряную фляжку. Отхлебнул из нее и спрятал обратно.

— Ты прав, не мешает прочистить мозги... Говоришь, ты не вызывал его? Но у него было твое письмо.

— Не знаю, где он его взял. Но тебе не показалось подозрительным, что он явился ко мне как раз тогда, когда я отлучился? Джерри, это неспроста. Он хотел все разнюхать. Надеюсь, не успел.

— Что будем делать?

— Шериф отправился в горы, искать беглецов. А ты вызови сюда наших рейнджеров. Перекрой все дороги, все тропы. Подключи наши связи на той стороне. Пусть выдвинут патрули на границу, чтобы никто не проскочил.

— То есть ты хочешь, чтобы я ловил Кардосо? Я правильно понял?

— Да.

— Тогда кто будет заниматься гостями?

Полковник Тирби сделал вид, что задумался.

— В самом деле... Ну, сегодня с ними повожусь я сам. Съездим к Эвелине. Завтра немного поохотимся. Как только ты покончишь с Кардосо, вернемся в город и провернем то, что задумали. Кстати, покажи мне список шахт, которые мы им продадим.

— Я не готовил никаких списков. Мы же договорились — продаем всю мелочь. Потом даем им выиграть несколько шахт покрупнее. А потом отыгрываем все обратно.

Тирби улыбнулся:

— Мне нравится твоя уверенность.

— Я всегда уверен, когда хорошо подготовлю дело. И никакой Кардосо нам не помешает, — сказал Хезелтайн.

«Кардосо мне не помешает, — подумал полковник Тирби. — Помешать мне можешь только ты».

16

Полный замок принцесс

Они остановились на опушке леса, и Васкес соскочил с мерина:

— Пошли за мной, осмотримся.

Стоя за огромным валуном, они оглядывали склон, поросший редким кустарником.

— Самое гнилое место на всем пути. — Фернандо придержал Илью, когда тот попытался забраться на валун. — Не высывайся. Могут увидеть с виллы. Надо проскочить быстро. До каньона две мили. Нырнем в него — и к ночи выйдем в Сухую долину. Все очень просто. Если на выходе не наткнемся на патруль. Да черт с ним, с патрулем. Сначала надо проскочить здесь.

— Что с того, если нас увидят с виллы? — спросил Илья. — Обстреляют? Далековато.

— У них там такая штука, называется телефон. Вроде телеграфа. Говоришь здесь, а тебя слышат в доме полковника. Или в конторе, или у шерифа в участке. Вон, видишь столбы? Слова бегут по проводам. Милое дело. Полковник тут развлекается и отсюда командует своими шестерками в городе. Если нас засекут, шериф узнает об этом раньше, чем мы домчимся до каньона.

— Надо ждать ночи, — сказал Кардосо.

— Лучше перерезать провода, — сказал Кирилл.

— Это и есть та самая вилла? — спросил Рико. — Ты: говорил, она похожа на замок.

— А что? Непохожа?

— Нет.

Фернандо рассердился:

— Много ты видел замков! Что тебе не нравится? Башня есть? Есть. Ворота есть? Стены с бойницами? Видел пачку табака «Черный замок»? Там нарисован точно такой, только этот — белый.

— Я не курю, — сказал Рико. — Но это не замок. А тюрьма. Я видел тюрьму в Сан-Хуане.

Мануэль снова попытался выступить миротворцем:

— В Сан-Хуане крепость, а в крепости тюрьма, и в той тюрьме сидели наши родичи, а мы им передачи носили. Кто-то зарезал солдата на празднике, и всех взрослых мужчин загребли. Грозилась повесить, но потом убийца сам объявился. Он вообще из другой деревни был, такой негодяй...

— Хватит спорить, — сказал Кирилл. — Вилла как вилла.

Белое здание с башенкой было хорошо видно отсюда. Оно выделялось на фоне зелени и привлекало взгляд необычностью форм. Окружающие его приземистые домики казались такой же естественной частью пейзажа, как деревья или извилистая речушка. Однако именно они, эти неброские хижины, занимали Кирилла гораздо больше, чем дворец из белого камня.

— А кто живет рядом с виллой? — спросил Кардосо.

— Обслуга.

— Не понимаю, чего мы ждем, — сказал Остерман. — Им нас не догнать. Ну, допустим, через несколько часов погоня явится на виллу, но мы к этому времени уже будем далеко.

— Если шериф не дурак, он может отправить людей нам наперерез, — сказал майор. — Но это еще не все. Фернандо, а сколько народу в обслуге?

— Откуда мне знать...

— Конюшня большая, — заметил Кирилл. — И вон тот длинный бараку дороги... Видите? Рядом с ним два нужника и умывальники под навесом. Похоже на полевую казарму. Думаю, там живет охрана. Кто-то же должен охранять виллу в таком отдаленном месте.

— Верно, — согласился майор. — Там человек десять, не меньше. И они могут выдвинуться, заметив нас.

— А им это надо? — Илья нетерпеливо хлопнул по валуну, — Теряем время на пустые разговоры. Давайте так. Я поскачу к ущелью. Ну, еще двое со мной. Остальные ждут. Если от виллы за нами погонятся, мы все равно доберемся до каньона раньше них. Заляжем и начнем отстреливаться. Они остановятся. Тут подключаетесь вы и добиваете их с тыла.

Кардосо еще раз осмотрел склон, шевеля губами.

— Можно попробовать, — сказал он наконец. — Дистанция позволяет. Билли, с вами пойдут Шон и Пит. Заберите три винчестера. Фернандо, Мануэль и Рико... А где Рико?

Все разом оглянулись, услышав за спиной конский топот. Рико пронесся мимо. Конь размашистой рысью мчал вниз по склону, направляясь к вилле. В руке у Рико был револьвер.

— Ты куда? Стой! — крикнул Илья и кинулся к лошадям.

Его опередил Мануэль. Остерман еще ловил носком стремя, а мексиканец уже скакал вслед за Рико, колотя мерина свернутым кнутом.

— Все планы — к черту, — сказал Кардосо, опуская ремешок шляпы под подбородок. — За ними!

Он взлетел в седло и скомандовал:

— Цепью! Держаться пошире! И не стрелять!

«Что мы делаем? — думал Кирилл, мчась по склону. — Чертов Рико! Что на него нашло?»

Перед баракком замелькали человеческие фигурки. Исчезли за каменным забором. Кирилл нахлобучил шляпу поглубже и пригнулся к шее лошади. Предчувствие его не обмануло — из-за забора вылетели подряд несколько струек дыма, а потом донесся и звук выстрелов.

Еще оставалась надежда, что это предупредительная стрельба, какой обычно встречают непрошенных гостей. Если Илья настигнет обезумевшего Рико и заставит свернуть в сторону леса, все еще можно будет исправить... Но тут Кирилл увидел, как перед лошадью Остермана взметнулись сразу два фонтанчика пыли.

«Перебьют нас всех, пощелкают, как зайцев», — с закипающей злостью подумал он и перехватил поводья одной рукой, чтобы достать револьвер.

Слева от него скакали братцы-ирландцы. Они тоже заметили, что по ним стреляют, но и не подумали пригнуться или замедлить ход. Наоборот, припустили еще быстрее, нещадно молотя пятками по бокам меринов. А один вдруг рванул на груди рубаху, сорвал и отшвырнул в сторону. А потом завизжал так, что лошадь под Кириллом шатнулась в сторону. Второй ирландец тоже оголился и пронзительно заголосил. Этим диким воплем вторил Фернандо, вереща, как апач в рукопашном бою.

Лошадь Рико перемахнула через забор и понеслась к вилле. Кирилл увидел, что и жеребец под Остерманом чуть подсел перед прыжком. Он невольно зажмурился.

«Только бы Илюха не грохнулся! Только бы удержался...»

Открыв глаза, увидел, что Илья уже мчится рядом с Рико. Им стреляли вслед. Кирилл принялся бить из «ремингтона». Попасть и не надеялся, лишь бы напугать, лишь бы отвлечь на себя!

Вот и Мануэль подскочил к забору. Мерин взвился на дыбы, закружился на месте. Кирилл увидел, что мексиканец хлещет кнутом по тем, кто прятался за оградой. В следующую секунду он уже был рядом и увидел, что охранники разбегаются. Их было трое. Четвертый, стоя на колене, целился в Мануэля из ружья. Кирилл выстрелил, и тот повалился на бок.

Фернандо слетел на землю, подхватил ружье и тут же снова оказался в седле.

Рядом промчался Кардосо, стреляя из револьвера. За ним, истошно вопя, летели Шон и Пит.

Кирилл огляделся — ни души вокруг. На земле блестели гильзы, валялась брошенная винтовка. Он свесился с седла и поднял ее за ремень. Таких винтовок он еще не видел. Наверно, она была уже разряжена, потому ее и бросили. Но оставлять за спиной чужое оружие нельзя.

Его спутники уже соскакивали с лошадей возле открытых ворот виллы. «Сами разберутся», — решил он и, спешившись, выхватил винчестер из-за седла.

Надо было прикрыть тыл. Кирилл перемахнул через шаткую изгородь и присел за ней, держа под прицелом дорогу между виллой и остальными домами.

Небольшой поселок выглядел брошенным. Закрытые ставни. Собак не слышно. И ни одной курицы. Даже в самых нищих деревнях он привык видеть кур, перебегающих дорогу или копошащихся в пыли. Здесь их не было.

Где-то заскрипели ворота. Он развернулся на звук, приложившись к винчестеру. За длинным баракком послышался топот, и на дорогу вылетел всадник на неоседланной лошади. Низко пригнувшись, он уносился прочь, к лесу. Кирилл не стал стрелять ему вдогонку. Но продолжал следить за домами, которые, возможно, только притворялись мертвыми.

Его трясло от злости. Бессмысленный бросок мог всем им стоить жизни. Хорошо, что охранники трусили и разбежались. Вряд ли их было только четверо. Остальные, наверно, возле виллы. А если они сейчас начнут выскакивать из барака?

Не спуская глаз с подслеповатых окон, Кирилл положил рядом с собой один револьвер, а второй немного вытянул из наплечной кобуры. Хватит минут на пять.

Вот они.

Охранники выбегали один за другим, низко пригибаясь, будто придавленные тяжелым

грузом. Один даже волочил по земле винтовку — а не держал наперевес, как другие.

«Как много бессмысленных действий совершают люди на войне, — подумал Кирилл, стараясь унять дыхание и успокоить дрожащую мушку. — Одни кидаются на штурм с голыми руками. Другие изображают из себя карликов. Ну что они гнутся? Хотят уберечься от пули? Тогда надо было ползти. А согнувшаяся мишень отличается от прямой только тем, что движется медленнее...»

Он дал им отбежать подальше от барака, чтобы сосчитать всех и чтобы они не успели снова спрятаться. Их было пятеро.

Ему потребовалось три выстрела, чтобы ранить в ногу того, кто бежал первым. С другим, который тащил винтовку, повезло больше — первая же пуля заставила его схватиться за колено и заорать благим матом.

— Уносите раненых! — крикнул Кирилл. — И не высовывайтесь, если жить охота!

Он ожидал, что в ответ послышатся выстрелы, и тогда ему пришлось бы разбираться с самым метким. Однако вместо стрельбы раздалась бессвязная брань. Охранники ретировались обратно в барак, волоча за собой раненых. Те не переставали вопить, а их уцелевшие товарищи пригибались к земле еще сильнее, чем раньше, будто под шквальным огнем.

«Надеюсь, у них достанет благоразумия больше не дергаться», — подумал Кирилл, быстро загоняя в винчестер новые патроны.

А за его спиной зазвенело разбитое окно, захлопали двери, слышались голоса Мануэля и Фернандо.

«Вот не думал, что тихоня Мануэль может так ругаться, — удивился Кирилл. — Кого он там честит?»

Ударил выстрел, и он дернулся в сторону. Перекатившись, понял, что стреляли не в него.

— Держи его, держи!

От виллы неся полуголый негр, на ходу подтягивая штаны. Увидев Кирилла, он юркнул в сторону и нырнул в кусты. Макушки сирени раскачивались, выдавая беглеца. Курчавая голова мелькнула среди листвы. Кирилл выстрелил так, чтобы пуля прошла рядом с ухом.

— Стой!

Негр взвыл и припустил еще быстрее, с треском пробиваясь через заросли.

— Удрал? — крикнул Остерман, подбегая к нему с веревкой в руках. — Не успел связать гада!

— Зачем он нужен? Уходить надо.

— Как — уходить? Ты что, бросишь их тут?

— Кого?

Илья махнул рукой и снова рванулся к вилле. Кирилл схватил его за пояс:

— Стой! Вы что, все с ума посходили? Держи винчестер! Полезут из барака — стреляй по ногам!

Остерман оторопело посмотрел на него:

— Почему по ногам? «Потому что тогда ты, может быть, попадешь в цель, а не в чистое небо», — хотел ответить Кирилл, но промолчал.

— Кира, иди туда, — немного остыв, сказал Илья. — Кардосо с ними не справится. Наши мексиканцы как взбесились...

У ворот виллы лежал убитый. Еще двое охранников сидели на земле, связанные, спиной друг к другу. На крыльце стоял Фернандо Васкес, опоясанный двумя патронташами. В руках у него была длинноствольная винтовка.

— Крис! Посмотри, чем я разжился! «Маузер!» Одно плохо — патронов к нему нет. Поискать надо.

— Нет времени искать! Где Рико?

— Рико? В замке. И ты загляни. — Васкес закинул винтовку за плечо. — А я тут седло

присмотрел. Пойду прилажу. А ты загляни в замок, загляни. Там есть на что посмотреть.

Ковровая дорожка была усеяна осколками стекла. Они хрустели под сапогами. В воздухе парил пух, и на лестнице валялись несколько распоротых подушек.

Навстречу Кириллу спускался Кардосо.

— Конечно, — быстро сказал он, перезаряжая револьвер. — Трое засели в кабинете, отстреливались. Пришлось убить.

— Плохо.

— Хуже некуда, — согласился майор. — Надо уносить ноги. Рико неуправляем. Мануэль тоже. У нас мало времени. Что снаружи?

— В бараке несколько охранников. Пока сидят тихо.

— Ждут подмоги из города. Самое большее через полчаса здесь будет жарко. — Наверху загремела упавшая мебель, и майор покачал головой. — Рико хочет разгромить виллу. Я его понимаю. Когда мы вошли, тут развлекались три негра. Насиливали девчонку. Прямо в холле, на ковре. Так увлеклись, что не слышали выстрелов.

— Почему вы их не убили на месте?

— Я боялся задеть девочку. И Рико мешал, кинулся на них. Они разбежались. Двое наверх, один в окно. Тех, наверху, мы и прикончили, а один, наверно, ушел. Крис, поговорите с Рико. Вас он послушает.

— А где братья-ирландцы?

Майор махнул рукой:

— В том крыле. Роятся в кладовой. Крис, мы теряем время. Зовите Рико. Пусть забирает свою невесту, если она здесь. И уходим.

Кирилл поднялся еще на один пролет и остановился в растерянности. Со всех сторон на него накинудись женщины. Они хватали его за руки, тараторя по-испански. Он смотрел в их заплаканные черные глаза и не понимал ни слова. Все они были молоденькими, прекрасными и пьяными.

Он прижался к стене и закричал:

— Мануэль! Рико! Быстро вниз!

Одна из девчонок схватила его руку и принялась целовать ладонь. Он еле вырвался и попытался отступить на лестницу. Но они обвинили его жаркими руками, едва не свалив на пол.

Мануэль, в красной шелковой рубаше, сбежал по винтовой лестнице, гремя сапогами по железным ступеням.

«Уже переобулся, — отметил Кирилл. — И переоделся. Как он все успевает?»

— Сеньор Крис! Там, наверху, оружейный шкаф. Надо забрать винтовки.

— Ты нашел Луиситу?

— Слава Богу, сеньор Крис, слава Богу. Она с Рико. Ключи подбирают. Там еще и сейф. Его тоже надо бы открыть, верно?

— Нет! — выкрикнул Кирилл, пытаясь отодрать от себя девчонок. — Зови их! Забирай Луиситу! Мы не можем ждать!

— Мы заберем всех, — сказал Мануэль. — Девочки! Бегите вниз. Кто желает, может остаться! Остальные вернутся домой, я вам обещаю!

«Какие еще девочки? Он сошел с ума, — подумал Кирилл. — И я, кажется, тоже».

Окруженный девчонками, он спускался по лестнице и на миг задержался у полукруглого окна. Он глянул вдаль и увидел высокий склон. У самой границы леса белело пятно. Это был валун, у которого они только что стояли. Наверно, не прошло и десяти минут. Десять минут назад его жизнь была простой и спокойной.

Когда Луисита поняла, что ее привезли в дом греха, она не стала плакать, как

остальные девчонки. Она столкнула со стола вазу с цветами, подобрала с полу самый большой осколок и накинулась на миссис Фраун, чтобы перерезать той глотку. Но запуталась в платье, упала, и охранники навалились на Луиситу сверху.

В наказание ее долго били по пяткам. Она кричала, извиваясь от боли. Но так и не заплакала. А потом сказала:

— Зря вы это сделали, миссис Фраун, Когда мой старший брат найдет вас, я не позволю, чтобы вы умерли сразу.

Рыжая толстуха только посмеялась над ее словами. Но больше Луиситу никто и пальцем не трогал.

Ее и других малолеток сразу увезли из Тирби еще дальше, на виллу. Там она узнала, какое будущее ее ждет. Сюда приезжал Главный Хозяин, чтобы наслаждаться любовью девственниц. Миссис Фраун искренне недоумевала, что хорошего можно отыскать в этих худеньких запуганных существах, которые, к тому же ничего не умеют. Но у Хозяина был свой вкус. Он любил ложиться в постель сразу с двумя, а то и тремя девочками, которых ласково называл «цыплятами». Первые недели проходили в относительно невинных забавах — разговоры, осторожные прикосновения, отеческие поцелуи. Ложились одетыми, понемногу раздеваясь. Примерно через час он их отпускал, а их место в постели занимала какая-нибудь из девушек постарше — таких называли «курочками».

Все «курочки» тоже когда-то были «цыплятами». Всех их однажды, после длительной подготовки, лишил невинности Хозяин. После первой ночи девочку отдавали в обучение опытным шлюхам, прислуживавшим на вилле, и через неделю-другую она снова оказывалась в постели Хозяина. А дальше все зависело только от нее. Если она не доставляла ему наслаждения — ее отправляли в городской бордель. Но сначала несчастную на несколько дней отдавали тройке негров, которых специально для этого Эвелина Фраун держала на вилле. После них даже самый изощренный клиент должен был казаться проститутке робким подростком.

Если же вчерашняя девственница вела себя как опытная женщина, угадывая малейшие прихоти полковника, — тогда ее оставляли на вилле. Иных оставляли надолго. Одна, говорят, продержалась почти год. Но рано или поздно появлялись новые «курочки», а старых кидали на потеху неграм или охранникам, прежде чем отвезти в одно из городских заведений сестер Фраун.

Слушая эти разговоры, Луисита перебивала подруг:

— Мой брат скоро найдет меня. Хозяин не успеет увидеть даже кончики моих кос.

— Твой брат не найдет сюда дороги...

— Да он знает все пустыни и горы! Когда он скрывался от солдат, ему давали приют и в Сьерра-Неваде, и в Чиуауа!

— Твоего брата подстрелят охранники.

— Ха-ха! Мануэль сам подстрелит любого раньше, чем тот его увидит! Он быстр, как молния! И свиреп, как бешеный волк! Не дай Бог вам увидеть, как он орудует кнутом! Однажды у меня на глазах он двумя ударами рассек убегающего койота! Знаете, как враги называют Мануэля? Мясник из Сан-Педро, вот как!

С каждым днем ее рассказы о старшем брате становились более подробными и красочными. Уже не только подружки, но и служанки, и охранники виллы знали о неуловимом и беспощадном Мануэле. Все, конечно, посмеивались над деревенской вруньей. Однако почему-то Луиситу до сих пор ни разу не запускали в спальню Хозяина — а ведь с тех пор, как ее привезли, он уже дважды побывал на вилле. Наверно, это должно было случиться в самое ближайшее время, когда Хозяин посетит виллу вместе с гостями.

Накануне миссис Фраун уехала в город за деликатесами, а пару «курочек» приказала готовить к отправке в бордель. Охранники толкались на крыльце и, прижимаясь потными мордами к стеклам в дверях, наблюдали за работой негров. «Цыплята» забились в угловую комнатнушку, с ужасом прислушиваясь к тому, что творилось в холле. И вдруг одна из девчонок глянула в окно и увидела всадника, летящего по склону горы.

— Посмотри, Луисита, не твой ли это Мануэль?

— Да! — закричала она, распахнув окно. — Это он! Мясник!

«Мясник! Мясник из Сан-Педро!» — словно эхо разнеслось во дворе. Растерянные охранники уже не посмеивались, а с нарастающим страхом глядели на цепочку всадников, которые с дикими воплями летели к вилле...

— Все понятно, — сказал Остерман. — Пусть она увидела не Мануэля, а Рико, неважно. Я одного не могу понять. Почему все девчонки пьяные?

— С первого дня им давали вино вместо воды, — сказал Фернандо Васкес. — Эх, вот житуха!

Он наконец приладил бочонок с вином за седлом, любовно похлопал его и повернулся к Илье:

— Ну, я готов. Пошли. Покончим с этим грязным делом.

Пригибаясь, они подбежали к изгороди, за которой прятались Кирилл, Рико и Кардосо. Шон и Пит залегли где-то сбоку.

Из окна барака снова выглянул ствол винтовки. Кирилл вскинул винчестер, но Кардосо его удержал:

— Пусть постреляют еще немного.

— Я могу его снять отсюда.

— Зачем? Они станут сговорчивее, когда истратят патроны.

— Эти патроны и нам быгодились, — проворчал Фернандо. — Где их найдешь, патроны к «маузеру»?

Выстрел из барака отозвался эхом от стен виллы. Пуля смачно шлепнула возле ворот, выбив изрядный кусок штукатурки.

— Не надоело вам? — крикнул Кардосо. — Выходите по-хорошему! Нам от вас ничего не нужно! Мы только заберем оружие на всякий случай! А вас отпустим с миром!

— Ищи дураков! — прокричали из барака. — Знаем, как вы, мексиканцы, поступаете с пленными!

Кардосо похлопал по шее одного из связанных охранников, сидевших у его ног:

— Парни, идите к своим. Объясните, что мы не бандиты. Мы не режем пленных.

— Майор, что за дела? — недовольно спросил Васкес. — Вы их отпускаете? Их там всего пятеро, теперь будет семь. Давайте я этим хоть пальцы отрублю, что ли? Чтоб не стреляли нам в спину.

Связанные испуганно глянули на мексиканца и перевели молящий взгляд на Кардосо.

— Шагайте, — приказал тот. — Даем вам пять минут на сборы. Все оружие выбросить через окно, чтобы я видел. Уходить по дороге.

— А если... А если нас не послушают? — стуча зубами, спросил охранник.

— Через пять минут мы подпалим барак. Кто останется в нем — сгорит. У кого есть еще мозги в голове — дойдет до города.

— И будет жить долго и счастливо, — добавил Остерман. — Ну, чего расселись? Шагайте, пока не пришел Мясник.

Он и сам не ожидал, какой эффект произведут его слова. Оба вскочили и побежали к барaku, семеня и пригибаясь, будто ждали, что по ним будут стрелять.

— Что еще за Мясник? — спросил Кирилл.

— У нашего Мануэля появилась новая кличка, — сказал Илья. — Представляю, что будут рассказывать о нем эти уроды, когда вернутся в город.

— Зря вы их отпустили. — Васкес сплюнул и длинно выругался. — Они нас видели. Слышали наши разговоры. Знают имена. И еще, майор. Как вы собираетесь поджигать барак?

— Этим займется Шон с Питом. У них керосин. Но, я думаю, до этого не дойдет.

Из окон барака вывалилась сначала одна винтовка, примерно через минуту — еще несколько. Потом под окна стали падать патронташи и револьверы.

— Поверили! — Фернандо хлопнул в ладоши, — Жалко. Я бы с удовольствием их поджарил.

Охранники высыпали из барака и затрусили по дороге. Некоторые оглядывались, другие бежали зигзагом.

— Они не взяли раненых, — сказал Кирилл.

— Этого следовало ожидать, — кивнул Кардосо.

— Черт! Теперь еще и за ними надо присматривать! — возмутился Васкес. — А если у раненых осталось оружие?

— Вряд ли они им воспользуются.

— Не скажите, майор! От раненых гринго всего можно ожидать. Я и убитым-то не доверяю! Они, бывает, оживают в самый неподходящий момент. Скажем, когда ты снимаешь с него перстенок. Нет, их придется держать на мушке! А вдруг они начнут бить нам в спину? А вдруг там еще несколько человек осталось, которых мы раньше не видели?

— Это проверят Шон и Пит, — сказал майор.

Он выпрямился над изгородью и покрутил в воздухе шляпой, потом махнул в сторону барака и показал два пальца.

Илья догадался, что таким образом майор общается с ирландцами, которые пока оставались невидимыми. Как он ни вглядывался, ему не удалось ничего рассмотреть за кустами, окружавшими барак. Но спустя несколько минут из-за него показались Шон и Пит. Они собрали оружие, валявшееся под окнами, и подошли к изгороди.

— Они их добились, — сказал Пит. — Обоих.

— Ножом, вот так. — Шон провел ладонью пониже уха.

Фернандо Васкес в ярости ударил прикладом по земле:

— Сукины дети! Рогоносцы! Сами зарезали, а скажут, что мы!

— Какая разница, что еще про нас будут говорить? — Кардосо поправил шляпу и отряхнул сюртук. — Надо собираться.

— Не беспокойтесь, — сказал Рико. — Мануэль уже все собрал. Идите, я тут покараулю.

Илью удивило, как изменился Рико всего за несколько минут. Вроде бы только что он носился, как безумный, громя все на пути, только что кипел от ярости, молотя рукояткой револьвера разбегающихся врагов. Илья все время держался рядом и отстал только тогда, когда пришлось вступить в перестрелку с охранником, засевшим возле ворот. Рико вместе с Кардосо ворвался в замок, и оттуда послышался такой шум, будто виллу штурмовала целая армия. А когда все стихло, он появился во дворе, угрюмый и вялый.

Илья ожидал, что Рико познакомит его со своей невестой. Он просто умирал от любопытства, так хотелось поглядеть на девчонку, из-за которой они устроили натуральный штурм Бастилии. Но Рико постоял во дворе, безучастно наблюдая за суматохой, а потом ушел вместе с Кардосо выкуривать охранников, засевших в бараке. И сейчас равнодушно глядел на опустевшую дорогу.

— Эй, амиго! — Фернандо тряхнул его за плечо. — Ты тут не зевай! Они могут вернуться с подкреплением.

— Я их задержу, — ответил Рико и взвел курок винчестера.

Вернувшись к вилле, Илья увидел, что Мануэль не тратил время даром. Девчонки уже сменили свои платица на джинсы и рубашки, найденные в комнатах прислуги, и теперь крутились возле лошадей и мулов — затягивали подпруги, навьючивали тюки и корзины. Мануэль стоял на крыльце и покрикивал:

— Живее, живее! Луисита, помоги вон той белоручке, что возится с мулом! Городская, что ли? Кто так накидывает оголовье! Не бойся, не укусит! А если и укусит, невелика беда!

Илья подошел к мулу, который капризно выгибал шею, не давая надеть на себя узду, и крепко обхватил его голову снизу.

— Вот теперь накидывай, — сказал он девушке с уздечкой.

Он мог бы справиться сам, и гораздо быстрее. Но ему хотелось постоять хоть

несколько секунд рядом с девушкой. Она казалась ему ослепительно красивой, несмотря на мешковатый наряд и растрепанные волосы. Узкая шейка и по-детски хрупкие ключицы выглядывали из непомерно большой рубахи. Из-под закатанных рукавов белели тонкие запястья.

«Белоручка, — подумал Илья. — Как она выдержит путь через горы? Как она будет продираться в лесу, карабкаться на скалы, спать на голой земле? Эта изнеженная птишка годится только для того, чтоб ее носили на руках и осыпали поцелуями. Как „поцелуй“ по-испански? Забыл. Нет, я просто не знаю таких слов. Мой лексикон нуждается в срочном обновлении».

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Инес. — Она наконец засунула удила в страшную зубастую пасть этого чудовищамула и быстро отдернула руки. — А тебя?

— Билли.

— Ты не похож на гринго.

— А вот ты похожа. Американки часто ходят в мужской одежде.

Она запахнула ворот.

— Так приказал Мануэль. Думаешь, очень приятно натягивать на себя чужие тряпки?

— Где твоя лошадь? Ты ее оседлала? Ты умеешь ездить верхом?

— Не беспокойся. — Она сердито дернула мула за узду и повела за собой. — Пошли, чего встал!

Видимо, эти слова были адресованы мулу, но Илья тоже послушно зашагал рядом с девушкой.

— Я и не беспокоюсь, — сказал он. — Я просто...

— Сеньор Билли! — закричал Мануэль. — На этого мула грузим ящики с патронами!

Две девушки подтащили к нему пару квадратных зеленых ящиков. Навьючив их на мула, он обернулся к Инес — но ее уже не было рядом.

Фернандо Васкес привстал на стременах, оглянулся и махнул рукой:

— Все за мной! И не разбредаться!

Мануэль щелкнул кнутом, подгоняя медлительных мулов, и нестройная колонна потянулась поперек склона, направляясь в каньон.

Илья и Кирилл ехали последними, прикрывая тыл.

— Кира, мы влипли, — сказал Остерман. — С такой толпой далеко не уйдешь.

— А нам и не надо далеко. Перейдем границу и разбежимся. У них своя дорога, у нас — своя.

18

Перечень наслаждений

Полковник Тирби не знал себе равных в искусстве принимать гостей. Когда он был мэром в Канзасе, его дом часто посещали важные персоны. После каждого визита составлялась карточка с описанием меню и списком едоков. Такие карточки нужны были для того, чтобы при следующем посещении гость отведал что-нибудь новое. Своим поварам Тирби платил больше, чем они могли бы заработать в самых лучших ресторанах. И эти затраты оправдывали себя. Хлебосольный мэр обзавелся такими связями, что мог бы стать и губернатором. Но тогда Сайрус Тирби предпочел иной путь. А вот теперь все чаще и чаще подумывал о том, что пора бы ему вернуться в политику, в мир больших городов, сверкающих залов и тихих кабинетов, где вершатся громкие дела...

Готовясь к приему миллионеров из Калифорнии, он долго наводил о них справки. Меню было расписано на неделю, и ни одно блюдо в нем не повторялось. Полковника удручало лишь то обстоятельство, что в рыбный суп пошла не треска, а горная форель. Он надеялся, что изменения в рецептуре останутся незамеченными. Но ошибся.

— Бостонский суп был хорош, — сказал один из гостей, отдыхая в ожидании

десерта. — Правда, в Новой Англии его готовят несколько иначе.

— Когда я перееду в Новую Англию, угощу вас таким же супом, но сваренным по всем правилам, из трески, — пообещал Сайрус Тирби.

Миллионеры переглянулись.

— Ловлю на слове, — сказал один.

— И долго нам ждать этого события? — спросил второй.

— Зависит от того, как быстро я найду достойного преемника. Собираюсь сдать все дела и уйти на покой. А есть ли в Америке более спокойное место, чем залив Кейп-Код? Я провел там детство и юность и надеюсь встретить там старость.

— Тогда нам ничего не светит. Пока вы будете ждать старости, всю треску переловят.

За десертом поговорили о прелестях жизни на побережье, о яхтах и рыбалке.

— Мы обязательно должны заглянуть на мою виллу, — сказал полковник. — Это недалеко. По пути осмотрим рудник и шахты.

— Как насчет охоты? Я прихватил штуцер.

— Охота там великолепная. В горах водится пума, встречаются медведи и волки, а сколько оленей! — Полковник подмигнул. — Но меня привлекает пернатая дичь. Всякие птички, цыпочки, курочки...

Слуги вкатили столик с кофейным сервизом, и полковник заметил в дверном проеме озабоченное лицо своего управляющего.

— Я вас оставляю на минутку, джентльмены.

Он вышел, плотно закрыв за собой двери. Вряд ли гости кинутся к дверям подслушивать. Однако полковник жестом остановил управляющего, когда тот попытался заговорить, и отвел его к окну.

— Что еще?

— Мистер Бюргер вернулся, сэр. Ждет внизу.

— Проведи его в библиотеку.

Полковник вернулся к гостям и высидел с ними еще несколько минут, болтая о пустяках. Когда были поданы ликеры и сигары, он снова извинился:

— Мне надо отдать несколько распоряжений.

— Когда мы поедем на вашу виллу?

— Когда вам будет угодно.

Зайдя в библиотеку, он подумал, что Бюргера давно пора сменить. Городу нужен новый шериф, не такой тьюфак.

— Ты плохо выглядишь, — сказал полковник. — Я думал, прогулка по горам пойдет тебе на пользу, а вышло наоборот.

— Сэр! Я спешил! — Шериф посмотрел на свои запыленные сапоги, потом вытер блестящий лоб и посмотрел на платок. — Сколько пыли! Я наглotalся пыли, как рудокоп, пока мчался в город. У меня неважные новости. Они разгромили виллу миссис Фраун.

— Кто — они?

— Если бы я знал! Наверно, та же самая банда, что освободила вашего друга...

— Забудь, что он мой друг. Давай дальше про виллу.

— Ну, что дальше... Мы встретили в лесу ребят оттуда. Рассказывают, налетела толпа мексиканцев. Человек двадцать. Вооружены до зубов. Парни еле-еле отбились. Половина укрылась в лесу, остальные погибли на вилле.

— Постой, постой. Кто укрылся в лесу? Мексиканцы?

— Да нет. Наши.

— Ты же сказал, что они отбились.

— Ну да, отступали и отбивались.

«Значит, вилла захвачена, — подумал Тирби. — Вот идиот, не мог сообщить мне это десять минут назад! Куда я теперь повезу гостей? На дымящиеся развалины?»

— Ясно, — сказал он. — Дальше.

— Что дальше?

— Про мексиканцев я уже слышал. Про геройскую оборону — тоже. Теперь хочу услышать о твоих действиях.

— Ну, я встретил мистера Хезелтайна, и мы с ним решили, что банда будет уходить в Сухую долину. Послали туда рейнджеров, чтобы перекрыли выходы из каньона. Только у нас людей маловато, сэр. Я ведь зачем приехал? Хочу набрать еще ребят. Вот если бы вы позволили забрать стрелков из охраны рудника...

— Сколько у тебя народу?

— Примерно четыре десятка. Но каньон большой, и я думаю, что...

— Подключи ребят с мексиканских приисков. Хватит им бездельничать, пусть сядут на тропы. И заберешь две смены с рудника. Но сначала зайди к сестрам Фраун. Про нападение — ни слова, понял? Пусть сидят дома и ждут меня. Надо посоветоваться. Где Хезелтайн?

— Он в казарме рейнджеров. Я могу послать за ним.

— Не надо.

Обратный путь от библиотеки до гостиной занял не больше минуты. Но этого времени полковнику хватило на то, чтобы найти выход из положения. Виллы нет? Тем лучше. Все равно охоту на пуму пришлось бы чем-то заменить. А «пернатая дичь» водится не только в лесу...

Вернувшись к гостям, он объявил:

— У вас есть полчаса на то, чтобы отдохнуть и переодеться для конной прогулки. В ваших комнатах вы найдете все, что может понадобиться. От носовых платков до шпор.

— Отлично, — в один голос сказали гости, с одинаково фальшивым воодушевлением.

— За пару часов доберемся до виллы, — бодро сказал полковник. — Дорога не слишком ровная, зато такая живописная! На горной тропе нас подстрахуют егеря, они уже приготовили веревки.

— Могу я взять с собой штуцер? — спросил миллионер-охотник. — Вдруг мы встретим по дороге волка или пуму?

— Не встретим, — улыбнулся полковник. — Волки не ходят по дорогам.

Сестры Фраун были дочерьми юриста. Они получили хорошее школьное образование, были отлично воспитаны, каждая имела приданое в размере пятнадцати тысяч долларов — словом, такие невесты могли составить счастье любого джентльмена. Но многочисленные претенденты были жестоко разочарованы, когда Ангелина и Эвелина сбежали из Сан-Антонио, присоединившись к театральной труппе.

Об их сценических успехах полковнику Тирби ничего не было известно. Единственным напоминанием об артистическом прошлом была скромная афиша «Разлучницы из Омахи», которая висела в будуаре Ангелины. Однако театр, безусловно, дал сестренкам гораздо больше, чем уроки в школе и наставления родителей. Прежде всего, благодаря гастролям они повидали мир. Объездив чуть не все штаты, девушки живо интересовались, где бы можно было остановиться, чтоб вложить в дело свои тридцать тысяч. Везде, от Алабамы до Юты, они слышали одно и то же — самый надежный барыш приносят бордели, если только они находятся под умелым управлением. И, поколесив по стране, сестры уже не сомневались, что со временем откроют публичный дом.

А когда они наконец открыли его — тут им снова пригодился театральный опыт. Взяв в аренду бордель в Канзасе, сестры вложили немало денег в обстановку. Им были известны маленькие секреты декораторов, и стены их заведения быстро украсились шелковыми портьерами из ситца, мраморными колоннами из картона, золотыми плевательницами из латуни и множеством других аксессуаров, поражающих воображение посетителей.

Сестры тщательно отбирали работниц. Неопытные девушки и молодые вдовы были готовы трудиться за гроши, но сестры Фраун предпочитали профессионалок. Безусловно, требовалась хорошая фигура и миловидное лицо, необходимо было крепкое здоровье, но не менее важным условием считалось умение вести себя как леди.

Их первый бордель распахнул двери в день открытия крупной сельскохозяйственной выставки, и целый месяц дела шли отлично. Скотоводы и фермеры, агрономы и шулера,

съехавшиеся со всего Среднего Запада, были готовы платить по десять долларов за девушку и по двадцать — за бутылку вина. Но выставка закрылась, приличный посетитель косяком повалил прочь, и спустя месяц сестрам пришлось уволить столь тщательно подобранный персонал.

Они не пали духом и попытались возобновить дело где-нибудь в большом городе. Их публичные дома открывались в Вашингтоне и Нью-Йорке, Филадельфии и Ричмонде, Сент-Луисе и Новом Орлеане. Им приходилось каждый раз начинать все заново — с новыми интерьерами, новыми девушками и, самое главное, с новыми покровителями, потому что старые за пару лет становились слишком жадными. Так, в Нью-Йорке они потратили семьдесят тысяч за два года, откупаясь от полиции.

А в Новом Орлеане к ним заглянул старый знакомый, Сайрус Тирби. Именно он когда-то благословил их первые шаги в бизнесе. А теперь сестры услышали от него весьма заманчивое предложение. Оно могло быть выражено одним словом — монополия. Тирби предлагал уехать с ним в Аризону и открыть сеть публичных домов в городе, где мужчины готовы платить только за то, чтобы прикоснуться к живой женщине. До сих пор там работали лишь несколько сутенеров, и очередь к их палаткам не иссякала ни днем ни ночью.

Но приличная публика не хотела стоять в очередях. Приличная публика способна выложить сотню-другую за вечер в приятной компании, а такую компанию могут предложить только сестры Фраун.

Через месяц в городе на Медном холме работали три больших публичных дома. Верхние этажи каждой гостиницы были отданы проституткам. Сутенеры убрались из города вниз, в шахтерские поселки, и все деньги, потраченные на любовь, стали попадать в кассу Эвелины и Ангелины Фраун.

Они умело распоряжались капиталом и вкладывали деньги не только в интерьеры и наряды, но и в акции меднорудной компании. Так что сейчас полковник явился не к сводням, а к компаньонам по бизнесу.

— Калифорнийцы прибыли, — доложил он. — Настроение отличное. По пути из Тумбстона им навстречу непрерывно тянулись подводы с рудой. Это произвело должное впечатление. Они готовы все скупить хоть сегодня. Но будут тянуть, торговаться, сбивать цену.

— После виллы они станут гораздо послушнее, — пообещала Эвелина. — Я везу туда столько вкуснятины! Сайрус, ты обязательно должен поужинать там вместе с нами.

— Возможно, сегодня мы поужинаем в городе, — с игривой улыбкой сказал полковник. — Я предложил гостям охоту, но вы бы видели, какие кислые мины они при этом скорчили! Кажется, эти жеребцы предпочли бы поохотиться в ваших угодьях, девочки.

— Нет проблем, — сказала Ангелина. — Трюфели остаются трюфелями, где бы их ни подавать.

— Вот именно, — поддержал Тирби. — Где мы их примем?

— Конечно, в «Белой Розе»! — воскликнули сестры.

В «Белую Розу» они заглянули буквально на минутку. Просто чтобы познакомиться с достопочтенными хозяйками этого роскошного клуба.

— Господа, вы могли бы оказать мне бесценную услугу! — сказала Ангелина Фраун после того, как по-южному изысканные процедуры знакомства были выполнены. — Мы открываем филиал в Сан-Франциско. Но я ничего не знаю о вкусах, которые царят в Калифорнии. Если бы вы нашли несколько минут, чтобы просмотреть моих девушек! Тогда я буду знать, кого из них можно отправить, а кого оставить здесь.

— Несколько минут? — Миллионеры переглянулись.

В такие минуты полковнику казалось, что эти трое понимают друг друга без слов. Как все опытные игроки, они умели читать мысли партнера. Впрочем, об их мыслях нетрудно было догадаться. Кому охота тащиться в седле по горам, да еще под палящим солнцем, когда есть возможность присесть в уютное кресло и насладиться прохладой? К тому же одной

прохладой перечень наслаждений не исчерпывался...

— Мы, пожалуй, можем ненадолго задержаться, — сказал полковник и первым опустился на диван.

Если гости думали, что девушки для просмотра будут выстроены перед ними в шеренгу, то они жестоко ошибались. Красотки появлялись в гостиной одна за другой. Они были увешаны драгоценностями, от которых нельзя было оторвать взгляда, а от полупрозрачных халатиков веяло такими ароматами, что даже у полковника, равнодушного к показанным прелестям, начинала кружиться голова. Девушки прохаживались из угла в угол, затем, присев в свободное кресло, немного рассказывали о своих увлечениях — одна любила петь, другая предпочитала арабские танцы... Не желаете посмотреть? Тут же появились музыканты, и под звуки скрипки, кларнета и гитары началась вторая часть просмотра.

Полковник Тирби много раз наблюдал подобные бесхитростные представления и сейчас откровенно скучал. Все эти красотки были слишком хорошо ему знакомы, причем многих он знал едва не с детских лет.

— А почему в таком милом заведении совсем нет посетителей? — поинтересовался миллионер-охотник. — У нас подобный клуб брали бы штурмом толпы ценителей.

— Сегодня клуб открыт только для вас, — ответил полковник. — По моей просьбе.

— Очень любезно с вашей стороны.

— Вы можете провести здесь столько времени, сколько пожелаете. Вилла никуда не денется, и охоту можно устроить в любое время. Наши возможности ничем не ограничены.

— Похоже, что мы попали в гости к персидскому шаху.

— Сравнение лестное, но неточное. Я всего лишь владелец не самого крупного рудника. Но тот, кто владеет рудником, владеет и городом. Каждый кирпич тут куплен на мои деньги.

— Думаю, что каждый кирпич уже окупил себя, — заметил миллионер.

— И еще не раз окупит.

— Хорошо быть владельцем рудника... — Миллионер замолчал, потому что на его коленях оказалась миниатюрная китаянка.

Она выглядела как десятилетняя девочка, несмотря на то, что много лет работала на сестричек. Полковник знал ее секрет — узкоглазая до сих пор была девственницей.

— Не желаете посмотреть комнату японского императора? — прошептала она, несмело касаясь щетины на кадыке покрасневшего миллионера.

Тот облизнул губы и оглянулся на своих партнеров. Но они были слишком заняты собеседницами, сидящими у них на коленях.

— Кроме японской комнаты, есть еще и турецкая, — сказал полковник, вставая с дивана. — И французская. И много других. Постарайтесь не пропустить ни одной.

Он подошел к Ангелине, которая сидела под пальмой, обмахиваясь веером.

— Что случилось? — спросила она, сохраняя благодушную улыбку на лице. — Шериф выглядел так, будто по нему проскакал табун.

— Ничего не случилось. Я только сказал, что недоволен его работой.

— Да, — протянула она. — Лучше бы по нему проскакал табун.

19

В западне

Каньон ветвился, как лабиринт, на десятки расселин и ущелий. Временами Илье казалось, что он уже несколько раз проезжал мимо одной и той же серо-желтой скалы, изъеденной ветром. Но Кирилл, перехватив его обеспокоенный взгляд, только усмехнулся:

— Не смотри по сторонам. Тут все скалы одинаковы. Следи за птицами. Видишь, гриф парит над нами?

— Вижу. Ну и что? Не очень-то приятно, когда над башкой кружит стервятник.

— Это не стервятник, а гриф. Пока мы его видим, можно не беспокоиться. Но если за

нами будет двигаться погоня, он перелетит туда и будет кружить над ними.

— Ты уверен?

— Я уверен, что лучше следить за птицами, чем за девочками. Ты же глаз неводишь со своей доньи Инессы. Дырку в спине просверлишь.

Остерман хотел лягнуть приятеля сапогом, но тот, посмеиваясь, успел отдернуть ногу.

— Хорошо бы нам пересечь границу засветло, — сказал Кирилл. — Чтобы не ночевать со всем этим табором. Чувствую, будет гулянка до утра.

— А что такого? — Илья пожал плечами. — У людей хороший повод для праздника. Свобода. Они получили свободу...

— И бочонок вина в придачу. Нет, пусть они празднуют без нас.

Остерман снова глянул вперед, и снова его взгляд наткнулся на Инес. Она сидела на лошади по-мужски, и ее длинные волосы были убраны под шляпу — пацан пацаном. Иногда она оглядывалась, и он видел ее огромные черные глаза. Ему хотелось пришпорить коня, чтобы оказаться поближе к ней. И, если бы не Кирилл, он бы давно так и сделал.

Инес вдруг ударила лошадь каблуками, и та пошла резвее. Колонна растянулась и снова принялась сжиматься, ускоряя ход. Передних всадников не было видно за скалами, но Кирилл уверенно сказал:

— Фернандо разогнался. Значит, увидел выход. Вот и все, Илюха. Приехали... — Он остановился и еще раз оглянулся назад. — Все тихо. Я боялся, что за нами увяжется кто-нибудь с вицлы.

— Да кому мы нужны...

— Мы увели лошадей, увели девушек. У этой собственности есть хозяин. И я не думаю, что он так легко с ней расстанется.

— И долго ты будешь тут стоять? — нетерпеливо спросил Остерман, потому что Инес уже скрылась между скалами.

— Если все делать по уму, то я бы подождал тут с полчаса. На всякий случай. — Кирилл, запрокинув голову, следил за полетом грифа. — Но если бы мы все делали по уму, то не оказались бы здесь. Ладно, поехали.

Они поскакали вперед, догоняя колонну. Цокот копыт отражался от скал, и казалось, что скачут не двое, а целый отряд.

«Опять он за свое, — сердито думал Илья. — Вечно ему мерещится угроза. Может быть, он нарочно меня пугает? Чтобы я не расслаблялся? А может, завидует тому, что Инес оглядывается на меня? Черт, неужели я прямо сейчас с ней расстанусь? И больше никогда не увижу?»

Ущелье снова изогнулось, и, завернув за скальный выступ, Илья увидел просвет. Он привстал в стременах и послал коня быстрой рысью, жадно всматриваясь вперед. Между рыжими, почти отвесными стенами каньона стало видно холмистую долину, серебристо-зеленую, с курчавыми рощами и перелесками и с блеснувшей вдалеке полоской воды.

— Фернандо нас вывел прямо к реке! — прокричал Кирилл, догоняя его. — Теперь не заблудимся!

Дорога вела под уклон, и стены каньона раздвигались все шире. Лошади и мулы рвались вперед, завидев воду и зелень. Их нетерпение разделяли и всадники. Кто-то залихватски посвистывал, девчонки звонко смеялись. И вот уже Фернандо Васкес первым вырвался из раскаленного ущелья, и его конь закружился на месте, топча высокую траву...

...закружился, и вдруг его передние ноги надломились. Конь рухнул, и Фернандо перелетел через его голову.

Звук выстрела раскатился над долиной. Девушка, ехавшая за Васкесом, всплеснула руками и свалилась в траву. Ударили еще несколько выстрелов. Пули с визгом отскакивали от скал.

— Назад! Все назад! — кричал Кардосо, разворачивая коня.

Лошади сталкивались и ржали, кто-то кричал от боли, не поймешь — женщина или мужчина, а пули все щелкали по стенам каньона, высекая осколки.

— Назад!

Остерман подскакал к Инес и заслонил от выстрелов. Ее конь заартачился, мотая головой. Он схватил его под уздцы и повел за собой, разворачиваясь обратно в ущелье.

— Держись! — крикнул он, увидев, что девушка пошатнулась в седле.

Кирилл пробежал мимо, размахивая винчестером:

— Уводи всех за скалы! Я прикрою!

Найдя уголок, куда не залетали пули, Илья спрыгнул на землю и подставил руки девушке. Но она соскочила на другую сторону и побежала обратно,

— Стой, дурочка! Ты куда?

— Там Луисита! Там все!

— Сейчас все будут здесь! — Он догнал ее и повалил на песок. — Сиди и не лезь под пули!

— Пусти! Трус!

Он влепил ей пощечину, и она затихла.

— Сюда, сюда! — орал Мануэль, оглядываясь и ведя за собой мулов.

Девушки забились под скалу, рядом с Инес. Подбежал Кардосо:

— Билли, где ящики с патронами? А, вот они!

Он взмахнул ножом, разрезав веревки, и Остерман едва успел подхватить ящик.

— Мануэль, стереги девчонок, чтоб не путались под ногами! — приказал майор. — Билли, перекрой вон тот проход, оттуда тоже стреляли! Если полезут, зови на помощь, не пытайся их остановить в одиночку!

Илья схватил патронную пачку и кинулся в теснину, указанную Кардосо. Каньон наполнился грохотом выстрелов. Но Илья не видел противника. Он залег за широким стволом сухого дерева. Метрах в ста перед собой он видел невысокий песчаный обрыв, над которым темнела роща. Выше деревьев громоздилась полоса бурых скал. Вдруг мелькнула бледная вспышка, громко щелкнул выстрел, и пуля, звонко ударившись о скалу, зарылась в песок.

Он выстрелил в ответ. И обругал себя за это. Надо было не давить на крючок, а запомнить место, где прятался стрелок. К тому же на таком расстоянии он не видел ни цели, ни следов своего выстрела. Такая пальба годится лишь для того, чтобы отпугнуть шакала.

«Они и есть шакалы», — подумал он и выстрелил еще раз, просто потому, что не смог удержаться. Да и как удержишься, когда вокруг носятся пули?

Кто-то подбежал и плюхнулся на песок рядом. И тут же из-за деревьев раздался выстрел.

— Мазилы! — Шон выплюнул песок и погрозил кулаком невидимому снайперу.

— Что с Фернандо?

— Живой.

— А девушка?

— Наповал. И Пита задело.

— Сильно?

— Ничего, заживет, как на собаке. Что делать будем, а?

— Не знаю.

Шон отполз за обломок скалы, устроил поудобнее винчестер и прицелился.

— Ты его видишь? — спросил Илья.

— Нет.

— Тогда не трать патрон зря. Все равно не достанешь.

Ирландец выстрелил и приподнялся, глядя вперёд.

— Эх, подобраться бы поближе...

— Побудь здесь, — попросил Илья. — Я сейчас вернусь.

Кардосо лежал за убитым мулом. Под скалами залегли Фернандо и Кирилл. Они не стреляли, но держали винтовки наготове.

— Обошли нас, — сказал майор. — Вот не ожидал такой прыти. И откуда взялось

столько народу? Не понимаю.

— Я думаю, надо уходить обратно в каньон, пока не поздно, — сказал Илья.

— Они тоже так думают. Им надо загнать нас поглубже и перекрыть выход. А потом подтянут силы и будут ждать, пока мы не сдадимся. Все очень просто. Я сам проводил такие облавы.

— Так что же нам делать?

Кардосо смахнул грязь с рукава.

— Как неудачно. Я где-то запачкался кровью. Надо замыть, а то пятно останется. Вы спрашиваете, что делать? Ждать темноты. И уходить из каньона. Просачиваться по одному. Оставить здесь лошадей и женщин. Когда преследователи войдут в каньон, мы уже будем далеко. Я понимаю, этот план выглядит слишком рискованным. Но поверьте, пешехода не так просто догнать в горах. Особенно, когда он идет один. И старается не оставлять следов.

— Пит ранен, — сказал Илья.

— Да, в бедро навылет. Я его перевязал.

— С такой раной ему не уйти.

— Да, не уйти.

Остерману хотелось ударить майора. Но он понимал, что Кардосо прав.

Девушки сидели на песке вокруг убитой подруги. Одна из них монотонно бубнила бесконечную молитву, другие подавленно молчали. Они уже не вскрикивали испуганно, когда пули залетали рикошетом в этот уголок, а только теснее жались друг к другу.

Далекie стрелки открывали огонь, как только замечали какое-то движение в каньоне. Рико и Шон, устроившись среди камней, отвечали. Остальные, кто ползком, кто перебежками, собрались под скалой на военный совет.

— Думаю, что мы напоролись на рейнджеров, — сказал Кардосо. — В приграничных областях любое крупное поселение обзаводится такими отрядами. А Тирби — поселение не только крупное, но и достаточно богатое.

— Какая нам разница, кто они — рейнджеры или бандиты! — проговорил Фернандо Васкес, с тоской глядя на пробитый бочонок вина, лежащий на потемневшем песке.

— Разница в том, что действия бандитов невозможно предугадать. А рейнджеры будут делать то, что им положено делать. Если этой команде поручено нас блокировать, они выполнят задачу. Но в каньон не полезут. Потому что приказа к атаке им никто не даст.

— Как думаете, много их тут? — спросил Кирилл.

— В команде обычно не больше дюжины стрелков. Думаю, они рассыпались по двое, а где и по одному. Держат под прицелом выход в долину. Если мы попытаемся прорваться, они встретят нас перекрестным огнем. У них «маузеры»... — Майор покатал на ладони остроконечную пулю. — Несколько залпов — и мы без лошадей. А дальше — вопрос времени. Однажды в Неваде я примерно так же прижал к земле банду апачей. Мы продержались неделю. У нас кончалась вода, а они откопали себе что-то вроде колодца. Еще день, и апачи смогли бы прорваться. Но подоспела кавалерия, и они сдались.

— Каньон большой, — сказал Фернандо. — Тут можно прятаться долго. И воду можно найти. Можем забиться куда-нибудь подальше и переждать.

— Можем, — согласился майор.

«Он уйдет один, — подумал Остерман. — Дождется ночи и уйдет».

— Девчонки не выдержат, — сказал Мануэль. — Слабенькие они. Их держали впроголодь. Спрашиваю у Луиситы, что она сегодня ела. Говорит, вино и конфетки. А вчера? Конфетки и вино. Если прятаться, то нам и огня не развести. Нет, девчонки не выдержат. Может, придумаете что-нибудь другое?

Никто не ответил Мануэлю, а Илья отвел глаза, не выдержав его жалобного взгляда.

— Можем, поищем другой выход в долину, а, Фернандо?

— Можем, поищем другой каньон? — передразнил его Васкес. — Или сразу другую долину? Чего ты ноешь! Не выдержат они! Люди и не такое терпели!

— Постой, Фернандо! — Илья схватил его за руку. — А тот боковой проход, где Шон? Похоже, что против него только один стрелок! Если вырваться оттуда...

— Упрешься в гору.

— Ну и что? Там лес! В лесу мы оторвемся! Найдем тропу!

— А если не найдем? — Фернандо покачал головой. — Нет, Билли, на скалах рейнджеры нас точно прижмут.

Мануэль хотел что-то сказать, но осекся и только рукой махнул.

— Я видел рейнджеров в Техасе, — снова заговорил Кирилл. — Но не заметил, чтобы кто-нибудь из них таскал с собой армейскую винтовку. Я бы и сам не взял ее в дорогу. Длинная, тяжелая, да и патроны для нее, наверно, большая редкость. Может быть, нас встретил мексиканский патруль? Ведь мы уже на самой границе.

— Ну и что? — спросил Васкес. — Нам-то какая разница...

— Патруль не будет торчать на одном месте слишком долго. Ему надо возвращаться в казарму.

— Предлагаешь переждать? — спросил Илья.

— Похоже, у нас нет выбора.

«Он тоже решил смыться ночью, — подумал Остерман. — Все верно. Надо уходить. Если нас сцапают — вздернут на ближайшем дереве. Как это у них тут делают? Заставят выкопать могилу для себя. Свяжут руки, посадят на лошадь, накинута петлю... Потом попользуются девчонками вволю. И вернут их законному владельцу».

— У нас осталось примерно три часа, — сказал Кардосо. — Через час посыльный доберется до города, час на сборы, час на обратную дорогу. Думаю, наберется с десятков добровольцев. Если они хорошо знают каньон, то могут и войти в него. Но вряд ли. Скоро вечер. Думаю, они все-таки будут ждать рассвета.

— А если разделиться? — предложил Мануэль. — Кто-то уведет лошадей, а остальные спрячутся. Рейнджеры пойдут по следам, мы их пропустим и спокойно выберемся отсюда. А?

— Я готов, — быстро ответил Фернандо. — Если прямо сейчас тронуться, заведу их в такую глушь, сто лет будут плутать по каньону и не выберутся. Кто со мной?

— Не горячись, — сказал майор. — Я уже думал об этом. В каньон войдут не все. Основные силы все равно останутся на выходе.

— Откуда вы знаете? Может быть, их командир не такой умный, как вы?

— А командир и не должен быть умным. Ему достаточно знать то, что называется тактикой.

— Я не знаю, что такое тактика, — сказал Остерман. — Но я не собираюсь тут торчать. Вы — как хотите, а я пошел.

— Я с тобой, — сказал Кирилл и отдал свой винчестер Кардосо. — Майор, прикройте нас.

20

Хезелтайн уходит на охоту

Он даже не разозлился на Мутноглазого, когда тот появился перед ним и принялся оправдываться. Злиться надо было только на самого себя. В последнее время Джеральд Хезелтайн стал замечать за собой склонность к поспешным решениям. Он отдавал приказы, о которых через пять минут начинал сожалеть. Раньше такого не было. Раньше он был решительным и твердым и всегда мог настоять на своем. Он был единственным человеком в городе, кто мог возразить полковнику Тирби. А теперь почему-то стал легко соглашаться с ним во всем. Правда, соглашался только на словах, а действовал все равно по-своему. Но все чаще и чаще оказывалось, что эти действия были неправильными.

Почему ему так хотелось убрать Кардосо? Да, тот мог помешать игре. А мог и не помешать. Значит, причина в другом. Он увидел в Дэвиде соперника. Как тогда, в

лейтенантской юности. Да, они оба были лейтенантами — но разве это было справедливо? На одной чаше весов — Джеральд Хезелтайн, типичный англосакс, протестант, душа компании. На другой — католик с испанской фамилией, угрюмый и заносчивый. Почему же они оба одинаково топтались на одной и той же ступеньке военной карьеры? Кардосо всегда был его соперником. И, если полковник вызвал его сюда, значит, Хезелтайн его чем-то не устраивает. И значит, со временем Дэвид Кардосо может занять место Джеральда Хезелтайна.

Ревность? Зависть? Страх? Это эмоции. Сантименты. А действовать нужно только на основании точных расчетов.

— ...но если он появится в городе, клянусь, ему не прожить тут больше часа! — горячо заверял его Лагранж. — Я все сделаю чисто, я...

— Заткнись, — перебил его Хезелтайн. — Он не появится в городе. На него объявлена охота, и ты тоже примешь в ней участие. Есть у тебя кто-нибудь еще, кроме Дылды и Кирпича?

— Найду.

— Я прицеплю твою группу к команде рейнджеров. Они рано или поздно сядут Кардосо на хвост. Постарайся не упустить свой шанс.

Мутноглазый нахмурился.

— Но... А как же Гаттер?

— Не бери в голову. Гаттер — цепной пес, — сказал Хезелтайн. — Он кусает тех, на кого покажет хозяин. А хозяин тут я.

Командир рейнджеров, Бен Гаттер, уже дважды арестовывал Лагранжа после разборок со стрельбой. В последний раз Бен пригрозил, что пристрелит его, если тот снова затеет пальбу в шахтерском поселке. С тех пор Мутноглазый опасался показываться за пределами города.

Однако когда они прибыли в казарму рейнджеров, Гаттер будто и не заметил появления Лагранжа. Он был слишком озабочен. На его земле такого еще не было — вооруженное нападение на конвой! Не на пассажирский дилижанс, не на транспорт с деньгами, а на колонну арестантов! Ничего более бессмысленного он себе и представить не мог.

Но если налетчики устроили засаду, чтобы освободить своих товарищей, значит, от них следует ожидать и более крупных неприятностей. И Гаттер поднял по тревоге всех, кого мог. На коновязи возле казармы некуда было накинуть уздечку, и Хезелтайн просто отдал поводья своего коня часовому, который стоял на крыльце.

— Я сам отправлюсь на розыск, — заявил Бен. — Дело слишком серьезное. С собой беру лучших следопытов. Десяток стрелков пошлю на границу, к Сухой долине. И десяток останется здесь, в резерве.

— Полковник Тирби приказал перекрыть все тропы, — сказал Хезелтайн. — Думаю, что будет разумнее отправить рейнджеров парами. Или тройками. Так мы быстрее прочесем местность.

— Рейнджерами командую я, — ответил Гаттер. — И они будут со мной. У тебя полно добровольцев. Вот и отправляй их парочками. Только позаботься, чтобы они заранее написали завешание. Потому что когда двое сталкиваются с дюжиной, то дюжина едет дальше, а двое остаются кормить стервятников.

Хезелтайн только усмехнулся в ответ. Он знал, что никакой дюжины налетчиков не существует. Каким-то образом Кардосо удалось смыться раньше, чем колонна попала в засаду. Он один, без оружия, в незнакомой местности. Если правильно организовать прочесывание, Кардосо будет схвачен до заката. Что ж, пускай отважные рейнджеры прогуляются по горам, обливаясь холодным потом от страха. Будет даже лучше, если беглецов поймут люди шерифа, а не рейнджеры. Гаттер получит хороший щелчок по носу. Да, так будет лучше.

И Хезелтайн спокойно отпустил рейнджеров, а сам остался в казарме, ожидая приятных известий.

Известия не заставили себя долго ждать, но оказались совсем не такими приятными, как бы хотелось.

— Даже не знаю, как сказать об этом полковнику, — промямлил шериф. — Похоже, мы с тобой дали промашку. Надо было сразу усилить охрану виллы, как только мы узнали, что стряслось с конвоем...

— Надо было, — согласился Хезелтайн. — Почему ты этого не сделал? Впрочем, неважно.

Он собрал со стола карты, с которыми упражнялся в ожидании большой игры, и вышел вместе с шерифом на крыльцо казармы. Во дворе, окруженный рейнджерами, стоял один из охранников виллы.

— Так ты говоришь, это мексиканцы? — спросил его Хезелтайн. — И сколько их?

— Ну, много. И там не только мексы. Есть и белые. Но их мало.

— Белые?

— Одного все называли майором. Он там вроде старшего. Сам-то Мясник — чистый мексиканец, А этот майор — белый. Видел я и еще пару белых. Но они все меж собой по-испански говорили. И много их, много. Не меньше двадцати...

Хезелтайн отправил шерифа к полковнику, а сам занялся более подробным допросом спасшихся охранников. Отбрасывая неизбежное вранье, он пытался восстановить ход событий. Но чем больше узнавал, тем меньше понимал. Да, среди налетчиков, несомненно, был Кардосо. Да, он отдавал команды, и налетчики ему подчинялись. Но какой во всем этом был смысл? Чего ради Дэвид Кардосо, бросив все, явился в самую захолустную дыру Аризоны? Чтобы разгромить загородный бордель?

И что еще за Мясник? Откуда взялись эти мексиканцы? Чего им не сидится в своей Мексике? Если хотели пожить, почему бы не напасть на зажиточную ферму? Почему они не обчистили придорожную лавку или таверну? Чем их привлекла вилла?

Он долго ломал голову и злился из-за того, что думает о Кардосо слишком много. Не этим он собирался заниматься, не об этом думать. Совсем недавно все его мысли крутились только вокруг предстоящей игры с миллионерами. Комбинация, начатая полгода назад, вот-вот должна была принести неслыханный выигрыш — но только в том случае, если все держать под контролем. А тут... Ну зачем Кардосо эта несчастная вилла?

Как ни странно, разгадку подсказал Мутноглазый. Он появился далеко за полночь, когда Хезелтайн, уже ничего не соображающий, тупо смотрел на пеструю ленту пасьянса.

— Босс, я там был. На вилле. Рейнджеры взяли след. Нашему клиенту — конец. Гаттер приказал своим: пленных не брать.

— Почему ты вернулся?

— Я оставил там Дылду. Он доведет дело до конца, если рейнджеры промажут. А я вернулся, потому что не хочу получить пулю в спину от ребят Гаттера. Они на меня косо смотрят.

— Ну, и что там, на вилле?

— Да ничего такого. Ну, стекла побиты. Дверь выломана. Но ничего не сгорело. А могли бы пожар устроить. Охрану они, конечно, всю перестреляли. Двоих раненых прирезали прямо в бараке. Увели всех лошадей и мулов, прихватили все винтовки. Да, и еще захватили девчонок.

— Каких девчонок?

— Малолеток. Вот же придурки! Нужны бабы? Так возьмите баб! А с девчонками одна морока! Их там было пять или шесть. Всех забрали. Шлюхи боялись, что их тоже угонят. Нет, не угнали ни одну. Взяли только малолеток. Только тех, кого Эвелина привезла на прошлой неделе.

Хезелтайн тщательно перетасовал карты и спрятал их в карман. Он чувствовал себя так, будто закончил тяжелый труд. Кардосо приехал не для того, чтобы занять его место. И не для того, чтобы ограбить полковника. Все, что ему было нужно здесь, — это несколько проституток.

«Абсурд? — подумал Хезелтайн. — Возможно. Но другого объяснения нет. И хватит об этом».

Итак, Кардосо получил то, за чем явился, и пытается уйти. Он не уйдет. О нем можно забыть. И теперь надо как следует отдохнуть перед завтрашней игрой,

— Ну как, босс? — спросил Лагранж. — С этим делом покончено? Или ты не успокоишься, пока я не привезу тебе его скальп?

— Не понимаю, чему ты радуешься. Твой долг вырос. Когда будешь расплачиваться?

Мутноглазый развел руками:

— Ты же меня знаешь! Я отыграюсь!

Он проснулся намного позже обычного. Сегодня ночью ему нужна ясная голова, поэтому Хезелтайн решил выспаться. Кроме того, он решил ничего не пить весь день. Во время большой игры он не позволял себе даже курить. Сигара возбуждает, а игрок должен оставаться хладнокровным до самого последнего хода. Это потом, после расчета, наступит время для хорошего виски и табака. Да, наступит время удовольствий...

Нежась в мягкой постели, Хезелтайн вдруг подумал, что давно уже никуда не выезжал. Как только с биржевиками будет покончено, он обязательно отправится на Восток. Нью-Йорк — вот место, где можно со вкусом потратить деньги. А почему бы не махнуть в Европу? Провести в путешествиях несколько месяцев — отличная идея! А полковник может заняться углублением рудника, раз уж он так на этом настаивает.

Кстати, о руднике. А вдруг профессор Адамс ошибается в своих прогнозах? В таком случае через год... Хезелтайн отбросил одеяло, вмиг избавившись от сонливости,

В таком случае, вернувшись из Европы, он застанет здесь только развалины.

Через час он уже был в конторе. Затребовал отчеты по добыче за последние три месяца и погрузился в их изучение. За этим занятием его и застал полковник Тирби.

— Не ожидал увидеть тебя здесь. Почему ты бросил рейнджеров?

— Потому что они и без меня знают, что делать. — Хезелтайн захлопнул папку. — Сайрус, ты можешь вспомнить все, что говорил Адамс? Я понимаю, что старик иногда несет чушь. Но, может быть, его слова только кажутся чушью? Может быть, мы чего-то не слышим, потому что не хотим услышать?

— Я услышал то, что хотел, — сказал полковник. — И меня это устраивает. Весь остальной разговор сводился к тому, что Мексика в будущем станет самой богатой страной мира.

— Речь шла о новых месторождениях?

Полковник досадливо поморщился:

— Старческий бред.

— Но он наверняка показывал тебе свои карты. Он всегда их показывает...

— Это были карты Соноры, а не Аризоны. Там нам с тобой нечего делать.

Хезелтайн возбужденно подался вперед:

— Ты забыл, о чем мы с тобой говорили однажды, стоя на мексиканской границе? Всего полвека назад Калифорния, Юта, Техас и Аризона были такой же частью Мексики, как Сонора. А сейчас об этом уже никто и не помнит. Пройдет еще десяток лет, и Сонора будет нашей. Разве ты не хочешь стать ее первым губернатором?

— Я не понимаю, к чему ты клонишь, — сказал полковник. — И еще я не понимаю, почему ты сидишь здесь, когда Дэвид Кардосо разгуливает по моей земле.

Эти слова подействовали на Хезелтайна как ледяной душ. Он опустил голову, чтобы скрыть гнев.

«Да, я слишком часто соглашался с ним в последнее время. И вот результат. Мои слова для него ничего не значат».

Взяв себя в руки, Хезелтайн медленно поднялся из-за стола.

— Прости, Сайрус. Я не спал всю ночь и просто немного забылся. — Он сложил все папки в стол и оглядел кабинет. Снял шляпу с вешалки и долго вертел, придавая тулье и

полям нужные формы. — Я немедленно отправляюсь в горы. Ты прав, без меня им не справиться. Ведь они не знают, на что способен Дэвид. А меня он не проведет. Ты прав. Только один вопрос. В каком виде ты хочешь его получить — живым или мертвым?

— Все равно.

Хезелтайн прошел мимо него, не простившись. И только садясь в седло, подумал: «А какого черта полковник забрел в контору? И почему даже не обмолвился о биржевиках? Почему он так настойчиво держит меня подальше от них?»

Он нашел Мутноглазого там же, где всегда, — в баре «Парнаса».

— Собирай своих отморожков, — бросил он. — Поедете со мной.

— Опять к рейнджерам?

— Не беспокойся. В другую сторону.

21

Прорыв в никуда

Он полз медленно, прислушиваясь к ветру. Как только новый порыв начинал пригибать колосья и раскачивать макушки кустарника, Илья переползал вперед, скользя в густой траве.

Сзади хлестнули еще два выстрела, и из леса ответил грохот «маузера».

«Не хотел бы я получить такую пулю, — подумал Илья. — Револьвер как-то приятнее. По крайней мере, его видишь, когда он в тебя стреляет. А тут — бабах, и готово. Даже не успеешь понять, откуда пришла смерть. Бедная девчонка, наверно, и почувствовать ничего не успела. А может, так и лучше... Нет, лучше выбросить из головы эти дурацкие мысли. Чтобы не накаркать. Надо думать о приятном. Об Инес, к примеру. Как она на меня смотрела... Ей стыдно, что она назвала меня трусом. А мне вот почему-то не стыдно, что я ее ударил. Что бы сказал Кира на это? Что я законченный подонок, не хуже, чем он сам».

Невидимый стрелок снова выпустил пять пуль по ущелью в ответ на жалкий хлопок винчестера.

«Как он щедро тратит патроны, — думал Илья, дожидаясь нового порыва ветра, чтобы проползти еще немного вперед, вслед за волнами травы. — Наверно, у него с собой несколько пачек. Хорошо снабжают рейнджеров, от души. Поливает свинцом, не дает головы поднять. Интересно, он знает, что стреляет по девчонкам? Знает, не слепой. Пули винчестеров, наверно, только в листьях шуршат у него над головой. И то — если долетают. Как он наслаждается своей мощью и неуязвимостью... Наверно, устроился между корнями толстого дуба. Красота! Ствол на опоре, защищен со всех сторон. Со всех? А сзади? Хорошо бы зайти ему за спину. Конечно, проще всего найти его лошадь и подождать поблизости. Рано или поздно стрелок соберется возвращаться к своим, тут бы я его и перехватил. Но мы не можем ждать... Стоп. Об этом тоже лучше не думать. Какие у нее глаза...»

Раздвигая упругие ветви кустарника, он протиснулся вперед и оказался в сухом русле ручья, который некогда тек со склона горы.

Время от времени он слышал выстрелы. Сухой щелчок винчестера, и в ответ ему два-три раскатистых Удара чужих винтовок. Радовало то, что, пока он полз, выстрелы противника становились все ближе. Наконец Илья понял, что зашел стрелку во фланг.

«Надеюсь, нашим удалось незаметно перебраться в проход. Лишь бы не мешкали. Хорошо, что шакалы так удачно расположились. Удачно для нас. Они не ожидают, что мы рванем не в долину, а в горы. Они не сразу заметят. Может быть, даже не успеют обстрелять. Обидно будет получить шальную пулю, когда ты уже вырвался из ловушки».

Слева ударил выстрел «маузера». Теперь до стрелка было метров пятьдесят. Но Илья не различил ни вспышки выстрела, ни порохового дыма.

Он не сводил глаз с линии кустов над обрывом. Пожалуй, на месте стрелка Илья выбрал бы именно эти кусты. Сразу за ними поднимались плотной стеной высокие деревья, над которыми кружила птица. Кружила, но не садилась. Значит, что-то ее отпугивало.

«Ненавижу, когда надо торопиться, — подумал он. — Подождать бы еще пару часов.

Солнце начнет садиться, и будет у меня за спиной, и станет просвечивать сквозь деревья и кусты. В косых лучах любое движение в лесу становится более заметным. Мне хватит отблеска, хватит и тени, чтобы его засечь. Он же не каменный, ему надо будет пошевелиться, или он захочет сменить позицию... Надо ждать. Да только некогда».

Он провернул шейный платок узлом назад и поднял его до переносицы, чтобы лицо не маячило белым пятном среди веток и листьев. Снова громыхнул «маузер», и он переполз вперед, пользуясь тем моментом, когда стрелок всматривается вдаль, пытаясь увидеть результат выстрела.

И вот порыв ветра принес ему запах человека. Он скользнул чуть правее и застыл, вжимаясь в землю.

В легком шелесте листвы Илья уловил новый звук. Впереди, совсем рядом, металл скользнул по металлу и мягко шелкнул. Такой звук может издавать только патрон, загоняемый в магазин.

Стрелок перезаряжает винтовку! Сейчас он не видит ничего, кроме патронов и магазинной щели. Остерман вытянул клинок из нарукавных ножен и, почти не таясь, пополз вперед, оглядывая сзади то дерево, за которым — теперь он знал это абсолютно точно — прятался стрелок.

И вдруг кто-то поднялся с земли прямо перед ним! С винтовкой в одной руке и со свернутым одеялом в другой. Стрелок хотел сменить позицию, а может быть, собрался уходить совсем. Ему не удалось ни то ни другое. Илья вскинулся и налетел на него. Рубанул ножом по шее — и потянул за собой наземь враз обмякшее тело.

Лежа рядом с бьющимся в агонии стрелком, Остерман крепко прижимал ладонь к земле. Если кто-то побежит сюда, он почувствует шаги раньше, чем услышит.

Убитый затих. Илья привстал, осматриваясь, — и в этот момент раздался револьверный выстрел.

Кинувшись в траву, он услышал, что кто-то падает рядом, с хрустом обламывая сухие ветки.

— Илюха, это я...

Он поднял голову и увидел между деревьями Кирилла. Из дула его револьвера сочился дымок.

Шагах в десяти от себя он увидел второго стрелка. Тот лежал на боку, запрокинув простреленную голову, и ствол его винтовки был нацелен прямо на Илью.

— Они работали парой, — сказал Кирилл, поднимая с земли «маузер». — Как и мы.

Он передернул затвор и дважды выстрелил в воздух, подавая сигнал Кардосо.

— Ого! Ну и отдача! Поищи их лошадей. А я прикрою Мануэля.

Кирилл прокрался вперед, туда, где только что скрывался один из стрелков.

— Отличная позиция, — послышался его довольный голос из кустов. — Наши как на ладони. И фланги просматриваются.

Илья вытер нож, несколько раз вонзив его в лесной настил, осмотрел лезвие и загнал в ножны. Затем наклонился над убитым. Его внимание привлекла крючковатая рукоятка револьвера. То был карманный кольт 22-го калибра.

«Хороший подарок для Инес», — подумал он.

— Ага! Илюха, наши тронулись! Давай живее с лошадьми, а то потом не догоним!

— Ты же собирался дальше идти без них, — сказал Остерман.

— Передумал. С ними веселее.

Лошади стояли недалеко. Илья снял путы с их ног и повел к Кириллу.

— Эх, жалко уходить, — сказал тот, выбираясь из кустов. — Если бы они сунулись, положил бы всех. Не нравится мне это, Илюха. Слишком легко они нас выпустили. Тут что-то не то.

Выглянув из-за дерева, Илья увидел, как несколько всадников мчатся от каньона к лесу. Он узнал Мануэля по красной рубахе. А вот и майор в своем белом сюртуке. Вот девчонки. Сколько их? Три, четыре, и вот еще одна. Это Инес? Да. Наконец-то. Вот же копуша!

— Их мало, — заметил Кирилл. — Кого-то не хватает.

— Потом разберемся! — Илья погладил чужую лошадь по шее, прежде чем вставить ногу в стремя.

Чем выше они забирались, тем прозрачнее и реже становился лес. Мануэль ехал первым, его красная рубашка мелькала между голыми стволами сосен. Илья держался рядом с Инес. За ними сбились в стайку остальные девчонки, а Рико, Кирилл и Кардосо прикрывали тыл.

Маленький отряд стал еще меньше, вырвавшись из каньона. Фернандо, Шон и Пит остались среди скал.

— Я знал, что они не пойдут с нами, — сказал Кардосо. — Фернандо не верит, что мы перейдем через гору. Пит ранен, а Шон не может его бросить.

— Думаете, им удастся спрятаться? — спросил Рико.

— По одиночке это легче, чем вместе со всеми. К тому же Фернандо рассчитывает, что рейнджеры пойдут за нами.

— А они пойдут?

— Конечно.

— Сволочь он, ваш Фернандо, — сказал Рико. — Я с первой минуты ему не доверял. Хорошо, что его нет с нами.

— Нет, плохо, — сказал Кирилл. — У него остался дробовик. У нас только винчестеры и «маузеры». С ними не поохотишься. А сухарей осталось мало.

— Не пропадем. Зато — все свои.

Мануэль остановился, поджидая их у границы леса. Впереди расстился луг, зеленым ковром огибающий скальную гряду.

— Пойдем вдоль скал, — сказал он. — Пока светло, надо забраться повыше. Сверху будет видно, куда идти.

— Я думал, ты и так знаешь, куда идти, — сказал Остерман.

— Знать-то я знаю... — Мануэль сбил шляпу на затылок и вздохнул.

— Пора искать место для ночевки, — сказал майор. — Как только увидим хорошую пещеру, остановимся.

— Нам нельзя останавливаться, — возразил Илья. — Рейнджеры наверняка уже идут по нашим следам.

— Может быть. Но даже если так, они тоже остановятся и начнут разбивать лагерь, не дожидаясь темноты.

— Вот и отлично! Пусть они разбивают лагерь, варят кофе, выставляют часовых. А мы оторвемся еще дальше.

— Если мы будем спорить по каждому поводу, ничего хорошего не выйдет, — сказал майор,

— Вот и не спорьте, — ответил Остерман. — Мануэль, почему стоим? Чего ждем?

Двигаться по ровному лугу оказалось ничуть не легче, чем по лесу. Склон, огибая скалы, становился все круче, и лошади замедляли ход, осторожно переступая по скользкой траве. Когда солнце уже касалось вершин далеких гор, они увидели широкую расщелину между скал. Мануэль свернул туда и тут же вернулся. На его лице сияла улыбка:

— Это проход! Все сюда!

Действительно, расщелина, понемногу расширяясь, уходила вниз, туда, где виднелись макушки елей. Сумерки уже заливали их густой синевой, но за лесистым склоном угадывался простор долины.

— Остановимся здесь, — предложил Кардосо. — Хорошее место. Можно развести костер, его не увидят ни с какой стороны. Разве что сверху. Но выше нас только небо.

— Да, пожалуй, надо отдохнуть, — сказал Мануэль. И посмотрел на Илью.

— Внизу отдохнем, — сказал Остерман. — Я понимаю, что все устали. И мне тоже хочется есть. Но не забывайте — за нами гонятся.

— Ночью в горах не ходят. — Майор обвел всех взглядом, ожидая поддержки. — Никто не ходит, ни рейнджеры, ни индейцы. В темноте мы собьемся с пути. Тем более — в незнакомой местности.

— Но рейнджеры знают эти места, — быстро сказал Илья. — Они могут и не остановиться. Говорите, костер не будет видно? Так они найдут нас по запаху дыма. Ночью от глаз мало проку, зато уши и нос работают лучше, чем днем. И как мы можем сбиться с пути? Тут одна дорога — вниз.

Кардосо потянулся к седлу и досадливо отдернул руку:

— Черт! Моя фляжка осталась в городе... Билли, я провел в горах не один год. И знаю, что говорю. К тому же я хорошо изучил повадки наших преследователей.

Кирилл понял, что ему снова пора вмешаться.

— Дэвид, никто не сомневается, что у вас больше опыта, — сказал он. — Но опыт охотника не подходит для убегающего зверя.

— Мы не звери.

— Да. Мы слабее и глупее, чем звери. Но мы можем у них кое-чему научиться.

Кардосо еще раз оглядел всех.

— Что ж, будем учиться у зверей.

У Кирилла отлегло от сердца. Больше всего он боялся, что у майора начнется командирский зуд. Ясное дело, военный человек, привык к дисциплине, да еще знаком с тактикой... Казалось очевидным, что сейчас именно ему все должны беспрекословно подчиняться.

Но людей из каньона вывел не майор, а Илья. И продолжал вести дальше. Он не знал дороги, понятия не имел о тактике и никогда не командовал — никогда раньше. Кардосо, возможно, умел ловить преступников. А Илья с Кириллом сами были преступниками и умели удирать от таких, как майор. Видимо, Кардосо это понял без лишних объяснений. И подчинился. Великое дело — дисциплина...

Темнота навалилась, как только они вошли в лес. Лошади шли так тесно, что одна била хвостом по морде другую. Спуск становился все круче. Мануэль вел своего коня зигзагом, отчего цепочка то и дело разрывалась, и приходилось останавливаться — иначе, оторвавшись от группы, можно было и не найти ее спустя несколько минут. Наконец они остановились на небольшой поляне, залитой лунным светом.

— Два часа на отдых, — объявил Остерман. — Огонь разводить не будем, иначе потом ослепнем в темноте. Мануэль, покорми девушек.

— Располагайтесь, а я покараулю, — сказал майор.

Он накинул темное пончо поверх сюртука и отошел, мгновенно растворившись в черноте.

Девчонки сидели кружком. Они молчали, и было слышно только, как хрустят сухари.

Рико рылся в сумке и ворчал:

— Одни тряпки! Набрали всякой дряни, и никто не догадался заглянуть на кухню...

— Это не дрянь, — подал голос Мануэль. — Шелковые рубашки. Где такие найдешь? Они же вечные. Нам их хватит на всю жизнь.

— Собираешься жить вечно? — спросил Илья. — Что у нас кроме сухарей? Были же консервы,

— Наверно, они остались у Фернандо.

Рико выругался сквозь зубы и закрыл сумку.

— Вот, нашел галеты. Погрызем. А когда встанем на дневку, я раскину силки. Ничего, лес прокормит.

Кириллу не хотелось есть. Но он заставил себя разжевать каменную галету. Запил водой из фляжки. Потом вытянулся на траве, глядя в звездное небо, окруженное черными кронами елей. Чтобы не думать о том, что будет завтра, он принялся вспоминать названия созвездий. И не обнаружил в памяти ничего, кроме пары Медведиц и Стожар. Выждав еще несколько минут, он поднялся и отошел, прихватив винчестер.

Отойдя на десяток шагов, он тихонько свистнул. В ответ послышался приглушенный голос майора:

— Что случилось?

— Смена пришла. Идите ужинать.

Кардосо подошел бесшумно, как призрак.

— Все тихо. Но Билли прав, кто-то может идти за нами.

— Ничего. Оторвемся. Днем заляжем в лесу, а ночью снова двинемся.

— Понимаю. Вы хотите сыграть с рейнджерами в прятки, а они думают, что играют в догонялки. Как у нас с провиантом?

— Негусто. С виллы утащили только винтовки без патронов и ворох шелковых рубашек. И никакой еды.

— Шелковые рубашки? Незаменимая вещь на войне. Я сам видел, как такая сорочка не порвалась под ударом стрелы. Ткань вошла в рану вместе с наконечником, и его было нетрудно вытащить. Кстати, и при пулевых ранениях шелк лучше хлопка или шерсти. Он не гниет...

Кардосо замолчал. В темноте Кирилл не видел его лица, но чувствовал, что майор смотрит на него.

— Почему вы не уходите? Что-то хотели спросить?

— Да. Боюсь, что потом у нас не будет времени.

— Так спрашивайте.

«Если он спросит о Потрошителе банков, я признаюсь, — подумал Кирилл. — Наверно, майор видел наши розыскные плакаты. Отложилось в памяти, а теперь вот всплыло. Интересно, он помнит, какое вознаграждение там значилось? Я вот не помню. Надо будет у Илюхи уточнить».

— Зачем вы это сделали? Я имею в виду наш побег.

— Как зачем? Чтобы вы с Мануэлем не тратили время на руднике. У вас же были другие планы, не так ли?

— Мануэль — ваш родственник? Старый друг?

— Попробую объяснить. В Тирби мы приехали вместе, так? Разошлись по своим делам. Потом выяснилось, что нам надо уехать. Разве мы могли его бросить? Нет, не могли. Заодно и вас прихватили, очень удачно получилось.

— Я бы не спешил с такими оптимистическими оценками. И все равно — не понимаю.

— А тут и понимать нечего.

— По-моему, я даже не успел вас поблагодарить.

— Да не за что. Просто мы своих не бросаем, — сказал Кирилл. И разозлился, что майор заставил его выдать такую напыщенную фразу. — Идите ужинать. Галеты, наверно, остались со времен Колумба. Но у Рико крепкие зубы. И пока вы будете предаваться метафизическим раздумьям, от вашего ужина останутся только крошки.

22

Казнь в каньоне

Конфедеративная Территория Аризона имела трех основных врагов. С юга она подвергалась нападениям мексиканских бандитов. С севера угрожали войска Федерации. А мародеры-апачи орудовали повсюду. Для борьбы с индейцами, янки и мексиканцами были созданы законные вооруженные формирования, которые стали называться рейнджерами — по примеру техасских союзников.

Бен Гаттер прослужил в аризонских рейнджерах недолго. Он увязался за Третьей ротой, когда ту направили на фронт, бить проклятых янки в Арканзасе. Бену было пятнадцать, но выглядел он чуть старше, и ему позволили повоевать, то есть поголодать, помучиться поносом, померзнуть в шалаше да помесить грязь босыми ногами. К счастью, через месяц наступила весна. А с ней и война кончилась.

Узнав о капитуляции, ни один из рейнджеров не захотел возвращаться в Аризону. Жить под пятой северян? Ни за что! Пехота выстраивалась в очереди, чтобы сдать оружие и отправиться по домам. А рейнджеры прорвались к Галвестону, захватили корабль и ушли на нем в Мексику. В родной Аризоне хозяйничали северяне. А рейнджеры строили новую колонию близ Веракруса, и над их хижинами гордо развевались флаги Конфедерации.

Однажды эти флаги были замечены американским консулом. Он нанес визит соотечественникам, однако остался крайне недоволен приемом. Отчистив костюм и подлечив ушибы, консул дождался, когда к нему заглянет местный алькальд. Неизвестно, о чем они говорили. Но скоро через поселок рейнджеров начали прокладывать дорогу. Хижины были снесены за день. А гордые флаги разбитой, но непокоренной Конфедерации стали развеваться уже по ту сторону Юкатана, на гондурасском берегу.

Такие колонии после Гражданской войны возникли и в Колумбии, и в Бразилии — чем дальше от Вашингтона, тем спокойнее чувствовали себя те, кто отказался капитулировать. Бен Гаттер провел несколько лет даже в Чили. Но когда ему исполнилось тридцать, он вдруг вспомнил, что давненько не видел родителей. И вернулся в Аризону.

Ему не понравились новые порядки. Куда-то улетучился дух независимости и свободы. Слово «рейнджер» вообще оказалось запрещенным, и теперь вместо них была «конная милиция». Бен Гаттер честно попытался вписаться в систему. Купил ранчо, обзавелся породистыми коровами, и несколько лет дела его шли в гору. Но страшная зима восемьдесят шестого года похоронила все его стадо под слоем снега и льда. Гаттер продал дом, чтобы рассчитаться с долгами. После чего ему оставалось только оседлать коня и отправиться к мексиканской границе. Бог ясно дал понять, что Бену нет места на земле, захваченной северянами.

На пути в Мексику он заглянул в Тирби — и увидел флаг Конфедерации над шахтерской палаткой.

Здесь он нашел множество солдат, которых мог бы назвать однополчанами. По крайней мере когда-то они служили в одной армии, от которой теперь остались только потрепанные флаги и воспоминания, пробуждающие гордость. Бен нанялся в охрану рудника, а через год уже командовал небольшим конным отрядом, который защищал границы владений полковника Тирби.

Бен потребовал, чтобы его подчиненных называли рейнджерами. Хотя и сам понимал, что до настоящих аризонских рейнджеров этим парням еще расти и расти.

«Настоящий рейнджер не дал бы перерезать себе глотку», — подумал Бен Гаттер, стоя над трупом одного из своих лучших стрелков. Второй снайпер лежал неподалеку, с аккуратной дыркой между глаз.

— Работали двое, — доложил его помощник, Флойд. — Подкрались сзади. Следы лошадей ведут к скалам и там теряются.

— Подкрались сзади, — задумчиво повторил Гаттер. — Значит, шли на выручку тем, кого парни зажали в каньоне.

— Получается, что банда не такая и маленькая, — сказал Флойд. — Что будем делать с трупами?

— Зароем здесь же. У ребят в городе никого не осталось.

— Здесь? В лесу?

— А что? Это место ничем не хуже городского кладбища. Постой здесь. Я пришлю к тебе двоих с лопатами.

Гаттер вернулся к отряду, который расположился на выходе из каньона. Подходя к стоянке, он издали услышал жалобные крики одного из пленных. Того допрашивали по всей строгости, а двое других валялись на песке, ожидая своей очереди.

Пленный висел головой вниз, покачиваясь на веревке, привязанной к толстой ветке сухого дерева.

— Что новенького? — спросил Бен.

— Все то же. — Рейнджер по кличке Акула протянул Гаттеру кнут: — Хочешь сам?

— Обойдусь без инструментов. — Гаттер присел, чтобы его лицо оказалось на одном уровне с головой пленного, и спросил: — Ты знаешь, кто убил моих ребят?

— Нет! Я не убивал! Мы никого не убивали! — прохрипел тот, брызгая кровавой слюной. — Нас увели силой!

— А лошадей с виллы тебе всучили под угрозой расстрела? А седло, на котором написано «Том Уоллес»? Мы нашли Тома в бараке возле виллы, с перерезанной глоткой. Твоя работа?

— Нет! Его добились сами охранники!

Кнут просвистел и хлестнул по лицу пленника.

— Осторожней, Акула! — Бен встал, вытирая с щеки капли крови. — Да, с этим бесполезно толковать. Талдычит одно и то же. Пора кончать.

— Пристрелить его? — спросил Акула.

— Много чести. Вздернем. Вместе с остальными. Если, конечно, они окажутся такими же упертыми ослами.

Он поглядел на парочку, лежавшую на песке. Рыжий ирландец был без сознания. Повязка на бедре была густо-красной от впитавшейся крови, а штанина джинсов казалась черной. Мухи сплошным блеетящим слоем копошились вдоль краев повязки, ползали по серому лицу, останавливаясь на ссадинах. Лежащий рядом мексиканец иногда встряхивал головой, сгоняя мух, но те, едва взлетев, снова усаживались на его курчавые волосы и копошились в кровавом пятне на виске.

«С ирландцем особо не поговоришь, — решил Гаттер. — А мексиканца можно расколоть. Они страшно | боятся боли. И вечно цепляются за жизнь. Этот все скажет».

— На сук его, — приказал он, пнув мексиканца в бок.

Бен отошел в сторонку и присел на камень. В песке блестели гильзы.

«Сорок четвертый калибр, — с одного взгляда определил Гаттер. — Они отстреливались из винчестеров. Никудышные стрелки. Нет, эти не могли убить моих парней. Там работал кто-то другой».

— Сколько людей в банде? — спрашивал Акула между ударами кнута. — Сколько людей в банде?

— Не знаю! Не знаю! — вопил мексиканец, извиваясь в воздухе. — Трое! Нет, четверо! Нет, пятеро! Да, пятеро, пятеро!

Судя по следам, из каньона вырвалось не меньше десятка лошадей. Об этом знал и Акула, поэтому продолжал хлестать, повторяя свой вопрос.

— Пять мужиков и пять девчонок! — наконец прокричал мексиканец.

Акула повернулся к Бену. Тот удовлетворенно кивнул, и Акула спросил:

— Куда они ушли?

— В горы!

— Кто убил моих ребят в лесу? — спросил Гаттер.

— Они же и убили!

— А может быть, это сделал ты?

Мексиканец долго не отвечал, и Акула уже размахнулся, но Гаттер жестом остановил его.

— Ну, что скажешь? Вы, мексиканцы, большие мастера резать людей. Я даже уважаю того, кто это сделал. Мои ребята не мучились. Мгновенная и неожиданная смерть — это подарок судьбы. Многие мечтают о таком подарке. Не так ли, амиго?

Бен Гаттер гордился своим умением говорить на испанских диалектах. В Мексике — один, в Колумбии — другой, в Чили — третий. Сейчас Бен изъяснялся, как настоящий мексиканский пастух.

— Нет, — наконец, проговорил мексиканец. — Твоих ребят убил не я. А жаль.

— Что-что?

— Ну да ничего, — спокойно продолжал пленник, сплевывая кровь. — Мясник и тебе подарит то, о чем ты так мечтаешь. Он всех убивает быстро. Ты и глазом не моргнешь, а твоя

башка уже покатится по песку.

Бен вскинул руку, снова останавливая Акулу.

— Расскажи мне, кто такой Мясник.

— Скоро сам узнаешь, рогоносец.

Гаттер не сдержался и ударил его каблуком в лицо.

Акула снова принялся орудовать кнутом, мексиканец истошно вопил, а Бен отошел в сторону. Допрос почти ничего не дал. Все, что дальше скажет пленник, будет враньем. А главное так и не удалось выяснить.

Куда направляется банда? В Сухую долину ее не пропустили, и она скрылась в горах. Но там, за горой, только котловина, из которой один выход — в Тирби.

Они пойдут по скалам? Вдоль хребта? Дожидаясь возможности спуститься в Сухую долину? Но кто ж им даст такую возможность? Мексиканские патрули предупреждены, они будут шастать у подножия хребта, пока Сайрус Тирби не разрешит их командиру вернуть людей в казармы.

Ну, а если Мясник — не выдумка? Если это неизвестный бандит? Тогда у него, конечно, есть свои люди на той стороне. И они могут договориться с патрулями.

Так что же теперь? Самому, что ли, мотаться вдоль границы, ожидая, пока банда Мясника решится спуститься с гор?

«Нет, — решил Бен Гаттер. — Все это бред. Сказки для трусов. Мне известны все, кто действует в округе. Ближе всех сейчас околачивается Туко Вилья, но он побоялся бы сунуться к нам. Кто еще? Шайка Датчанина ушла в Техас. Здесь остались только апачи. Может быть, эта шайка снюхалась с Джеронимо? Нет, индейцы одинаково ненавидят и нас, и мексиканцев. Значит, это какая-то новая банда. А новичкам ни за что не прорваться в Мексику».

— Хватит, — сказал он Акуле. — Уже темнеет. Ребята, готовьте веревки. И приведите сюда лошадь покойного Уоллеса. Том будет рад, что она поможет казнить его убийц.

Фернандо Васкес и раньше подозревал, что милосердный Господь не слишком расположен к нему. Но теперь его просто раздражало от возмущения. Когда его окружили рейнджеры, он бросил коня и, словно ящерица, стал карабкаться по отвесной стене каньона. Он был уже почти у самого верха, когда пуля чиркнула по голове. Не повезло. Просто не повезло. Разве не могла пуля пройти чуть левее и попасть точно в затылок? Ну ладно, стрелок промазал. Но разве нельзя было грохнуться со скалы башкой на камни, а не жопой на песок? Столько было возможностей для быстрой и достойной смерти — и Бог не использовал ни одной, чтобы Фернандо Васкес поскорее предстал перед ним.

«За что, Господи!» — мысленно возопил Фернандо.

«Да уж есть за что», — назидательно ответил кто-то.

«Значит, мне еще рано умирать?» — спросил Фернандо.

«Помучайся, помучайся, помучайся...» — прозвучало в ответ. И он мучился. Не столько от боли, сколько от душившей его злобы. Ведь он уже почти перехитрил этих недоносков. Он пропустил мимо своего укрытия всех рейнджеров. И долго лежал, затаившись под камнями, зажимая рот лошади, лежавшей рядом. Он все сделал правильно, но эти рогоносцы заблудились и повернули обратно. И застали его, когда он уже сидел на коня. Если б они не заблудились... А теперь, конечно, у них хватало отваги измываться над безоружными и связанными...

Первым на лошадь усадили Пита. Это было нелегко, потому что он так и не пришел в сознание. Двое рейнджеров поддерживали его с боков, пока третий, оседлав сук, набрасывал петлю.

— Плеснуть бы в него водой, чтоб очухался! Да воду жалко, — посетовал кто-то.

— Надо было подождать.

— Чего? Пока он сам загнется?

— Несправедливо это! Что за казнь, если он и не знает, что его казнят!

— Хватит возиться, — приказал начальник рейнджеров.

Фернандо Васкес отвернулся, чтобы не видеть постыдного зрелища. Он бы и уши зажал, если б руки не были связаны. Свистнула плетка, лошадь обиженно всхрапнула и скакнула вперед. Хрустнул сук под тяжестью тела, с громким треском переломились шейные позвонки, а потом Васкес слышал только мерное поскрипывание веревки, на которой раскачивалось тело...

— Фернандо, прощай, — сказал Шон. — Без обид, амиго?

— До встречи, брат, — ответил Васкес, глядя, как ирландца подводят к лошади.

Палач уже приладил вторую веревку рядом с той, на которой висел Пит.

— Ничего, ничего, — громко и весело заговорил Шон, когда его усадили в седло. — Мясник не станет вас вешать, парни. Хорошая веревка в хозяйстве нужнее, чем несколько патронов. Он вас будет ставить парочками, нос к носу, и стрелять под лопатку. А с тебя, Гаттер, он снимет шкуру. Целиком. Набьет соломой и отправит в Тирби. Верхом на осле. Вот будет потеха...

Он не договорил, взвизгнув от боли. Фернандо зажмурился, слушая, как бьется в воздухе его тело.

Две веревки скрипели на разные голоса, протирая в коре дорожки, которые уже никогда не зарастут.

«Трупы снимут и заруют, — думал Фернандо, — веревки истлеют, а шрамы на дереве останутся навсегда. Потому что дерево сухое...»

И вдруг он ясно представил все, что с ним случится через несколько минут. Сук уже пару раз хрустнул под тяжестью. Он не выдержит еще одного висельника. Он обломится! Он даже может переломиться пополам, и тогда веревка, которую набросят на Фернандо, может соскользнуть с него! И Фернандо останется жить!

«Ну да, — уныло добавил он. — Останешься жить. Пока тебя не пристрелят. Тут же, на месте. С петлей на шее...»

Его пнули в плечо:

— Пошел!

Он неловко поднялся и направился к лошади. Вставил босую ногу в стремя и без помощи рейнджеров забрался в седло. Ни один из его палачей не смог бы сделать это как он — со связанными за спиной руками. Седло было липким от крови Пита. Фернандо привычно обхватил стремена большими пальцами ног и огляделся.

Рейнджеры, обмахиваясь шляпами, сидели возле лошадей, прячась в их тени от низкого, но все еще обжигающего солнца. Их начальник расстелил на песке карту и тупо уставился на нее. Казалось, им всем нет никакого дела до казни.

Никогда еще Фернандо не был так зол. Самый распоследний преступник в самом захудалом поселке имеет право услышать приговор, пусть и несправедливый, а потом еще и молитву. А многим даже дают выпить перед смертью. Или хотя бы выкурить самокрутку. А эти недоноски собираются придушить его, как паршивого цыпленка!

Он не раз видал, как вешают. Однажды из-под ног приговоренного выбили скамейку, а тот вдруг оказался таким длинным, что его ноги достали до помоста. Так он и стоял, хрипя и мотая языком, пока ноги не подломились. Лучше всего, когда в помосте имеется сдвижной люк. А еще удобно вешать на подъемной балке амбара, там и блок имеется, и крюк. Только вот потом лошади еще долго будут испуганно останавливаться, не доезжая до амбара... И все равно, вешать надо на виселице, и чтобы рядом был священник, и чтобы люди пришли посмотреть. Совсем другое дело, когда видишь людей, а не этих недоносков...

Васкес обернулся, окинув прощальным взглядом закатное небо и зелень долины, до которой ему так и не удалось добраться. Последнее, что он увидит в своей жизни, — это мертвые скалы каньона.

Рейнджер подвел лошадь под дерево и отошел подальше. Видно, не выдержал резкого запаха мочи и крови, который шел от повешенных. Палач тоже морщился и отворачивался, суетливо набрасывая петлю на шею Фернандо.

Глядя на него, Васкес подумал: «Сейчас ты грохнешься отсюда вместе с суком, и сам свернешь шею. Вот братцы-ирландцы обхохочутся, когда твоя душа полетит за ними вдогонку!»

Веревка скользнула по его лбу, но петля прошла мимо. Палач выругался и наклонился, оббив сук ногами. Его руки приблизились к лицу Васкеса.

«Вот сейчас! — подумал Фернандо. — Сейчас переломится! «

И вдруг, сам того не ожидав, он впился зубами в руку палача.

Тот завопил — и грохнулся на землю.

Лошадь рванулась вперед, испугавшись крика.

Фернандо припал к ее шее и укусил. Толстая соленая кожа не поддавалась зубам. Но лошадь поняла, чего он от нее хочет. И понеслась вперед, в глубь каньона. Васкес мертвой хваткой сжал ее коленями и привалился к шее. Он знал, что теперь никакая сила не вышибет его из седла. Даже пуля. Даже десять тысяч пуль.

23

В гостях у дедушки

Они остановились, едва забрезжил рассвет. Рико отыскал овражек и отвел туда лошадей — по одной, аккуратно огибая кусты, а потом замел следы, присыпав их старой листвой.

Мануэль с девочками расположился в уютной ложбинке между двумя поваленными дубами. Все просто с ног валились от усталости, но Кардосо настоял на том, чтобы еще раз обойти вокруг и уничтожить все следы, которые стали хорошо видны в косых лучах восходящего солнца. Только после всех мер безопасности майор наконец закутался в пончо и повалился под куст, чтобы поспать ровно два часа. Он должен был сменить Илью, который вызвался первым заступить в караул.

Кирилл проснулся, когда полуденное солнце пробилось сквозь листву и принялось щекотать лицо. Увидев сидящего рядом Илью, он спросил:

— Ты что, так и не спал?

— Да повалялся, а заснуть не смог, — ответил Остерман, водя бруском по лезвию ножа. — Побродил вокруг, изучил местность. Тут такой лес, просто дебри дремучие. И вокруг одни горы. Как будем выбираться, ума не приложу.

— Да выберемся как-нибудь, — бодро сказал Кирилл.

— Я на дерево залез, чтоб осмотреться. И увидел дымок. Вон там, на том склоне. Здесь кто-то есть.

— Ну и что? И не в таких местах люди живут.

— Думаешь, нас не могли обогнать за ночь?

Кирилл плеснул из фляжки на платок, протер им лицо и глаза. Вот и все умывание.

— Это был дым костра?

— Огня не было видно. Только дымок над лесом.

— Пойдем посмотрим?

Кирилл встал, потянулся. Он был рад любому поводу, чтобы не сидеть на месте. Ночью его охватывала тоска от одной мысли, что целый день придется неподвижно сидеть в лесу, вздрагивая от каждого упавшего листка.

Илья предупредил Кардосо, что отлучится, и Друзья стали пробираться через лес, время от времени оставляя зарубки на деревьях, чтобы не заплутать на обратном пути.

Минут через десять Остерман остановился:

— Я уже не понимаю, куда мы идем.

— Спокойно, Илюха. — Кирилл показал на солнце, пробивавшееся сквозь листву. — Вот мой компас. Бьет в уголок глаза.

— Ну да, компас. А ночью? Как мы будем тут пробираться в темноте?

«Об этом надо было думать раньше», — хотел сказать Кирилл. Но промолчал.

— Не ожидал, что в Аризоне попаду в такие дебри, — жаловался Илья, продираясь через густой папоротник. — Думал, тут сплошные пески. А здесь джунгли. Где не ступала нога человека.

— Очень даже ступала.

Кирилл поднял с земли ржавую банку и насадил ее на сук — отличный ориентир.

— Стой! — Он схватил Илью за руку и прижал палец к губам. — Тихо...

«Как эта банка могла оказаться здесь? — подумал он. — Не с неба же она свалилась, Значит, совсем рядом — тропа. Кто-то шел по ней, на ходу закусывая, а потом выбросил банку в кусты. Стало быть, до тропы — несколько шагов...»

Он прошел еще немного, раздвинул гибкие резные листья — и увидел прямо перед собой лесную дорогу.

— Ничего себе, нашли укрытие, — прошептал он. — В двух шагах от дороги. Чихнешь — услышат.

— Вот и хорошо. Ночью пойдем по ней.

— И куда придем? Прямо в лапы рейнджеров.

Скрываясь за кустами и порой останавливаясь, чтобы прислушаться, они пошли вдоль дороги, которая сворачивала к противоположному склону — как раз туда, где Илья заметил дымок.

Скоро на пути стали попадаться признаки близкого жилья. На лугу паслись серые крупные козы. Чуть выше, за полосой кустарника, показались аккуратные рядки огорода. А еще дальше прямо к лесу подступало кукурузное поле, за которым виднелась покатая крыша хижины. Над ней торчала жестяная труба.

— Вот и дым, — сказал Кирилл, хотя никакого дыма над трубой не было.

Они долго лежали в кустах, наблюдая за одинокой фермой, затерянной в котловине. Извилистая тропинка, поднимавшаяся к дому от дороги, была почти незаметна. По ней явно ходили не слишком часто.

Но владелец фермы, хотя и жил отшельником, отнюдь не был аскетом и хозяйство имел вполне зажиточное. Кроме коз у него имелась и корова — черная, длиннорогая, она лежала в тени под деревом. Стайка нарядных цесарок копошилась в пыли перед распахнутой дверью. На кукурузном поле высились густые ряды разной высоты. Поближе к дому кукуруза была высокой и уже с початками, но чем дальше в поле, тем ниже и моложе были ее ряды.

— Поле какое-то странное, — сказал Кирилл.

— Наверно, тут живет совсем уж дряхлый старикан, — заявил Илья. — У него не хватает сил, чтобы засеять его разом.

— Думаешь, он тут один?

— Да в такой хибаре и одному тесно.

Ветер донес до них запах кофе, и Остерман звучно сглотнул.

— Жрать охота, Кира. Как думаешь, Рико наловит чего-нибудь в силки?

— Обещал, значит, наловит.

— Ага. Лягушек и крыс.

— Ну, для своей Луиситы он расстарается. Думаю, на ужин у нас будет зайчатина. Где поле, там и зайцы.

— А где зайцы, там и волки, — добавил Илья. — Видишь?

— Вижу.

Над макушками кукурузы плыли, покачиваясь, четыре шляпы. Всадники остановились на дороге, и шляпы скрылись. Но скоро их обладатели показались на тропинке. Двое.

— Другие остались с лошадьми, — прошептал Илья. — Можем их взять без лишнего шума. А потом встретим этих, когда пойдут обратно.

— Уймись.

— Это рейнджеры, точно. Спросят у старика, не видел ли он посторонних.

— С чего ты взял, что там старик? И потом, он ничего не видел.

— Видел, не видел — какая разница? Их надо брать.

— Почему?

— Потому что это нетрудно. Одного возьмем живым, все у него разузнаем. И жратва у них есть. Ну, Кира?

— Нет, — твердо сказал Кирилл.

Илья скрипнул зубами и обиженно замолчал. Впрочем, ненадолго.

— Ух ты, а я этого знаю! — Он даже приподнялся немного. — Точно. Парень в мексиканской куртке. Я с ним сидел в участке.

— Вот видишь, — сказал Кирилл. — Значит, это не рейнджеры. А ты — «брат, брат»...

Он уже хорошо видел двоих, что приближались к хижине. Тот, что постарше, был в дорогой замшевой куртке и шляпе такого же цвета — кофе с молоком. Когда он поправлял шляпу, на пальце сверкнул массивный перстень.

Второй, похожий на креола, был увешан оружием. Два кольца красовались на поясе, рукояткой к рукоятке, через плечо тянулась патронная лента, а в руках был винчестер. Шел он мягко и бесшумно, немного сутулясь, поводя головой из стороны в сторону, словно ожидая нападения в любую секунду.

«Этот опасен, — решил Кирилл. — Видно, он охраняет босса. Ну, и что у них за дела в таком убогом месте?»

Цесарки засуетились и подняли крик, предупреждая хозяина о прибытии гостей. Однако хозяин не спешил показаться в проеме двери. Пришедшие остановились у входа, и «телохранитель» присел на перевернутое ведро. А «босс», пригнувшись, вошел в хижину.

— Вот ты говоришь, зайчатина, — снова зашептал Илья. — Сколько там мяса, в зайце? Мануэль все отдаст девчонкам, а нам останутся одни косточки. И вообще, ты заметил? Рико даже не подходит к Луисите.

— А ты как думал? — Кирилл обрадовался тому, что Илья сменил тему. — Он ей никто, соседский паренек. Это нам он сказал, что она его невеста. А девушка, может, и сама не знает, что он собирается с ней обручиться. У них с этим строго. Вот приедут домой, тогда...

— Хорошо, если так. А я подумал, что уже всё. Что она вроде как опозорена, и теперь он ее не возьмет. Ты бы взял в жены девчонку из публичного дома?

— Многие берут.

— Ну, а ты?

— Тихо! — шепнул Кирилл, вжимаясь в землю, потому что услышал шаги. Кто-то пробирался через кукурузное поле, раскачивая высокие стебли. — Замри...

Видимо, это был один из тех, кто остался с лошадьми. Он дошел почти до самого края, где кукуруза была самой низкой, и принялся ломать сочные стебли. Набрав изрядную охапку, вернулся обратно к дороге. За спиной у него болталась винтовка.

— Видел? — прошептал Илья. — «Маузер» у него. Как у тех, в лесу... Эх, Кира, вечно ты... Такой момент упустили!

— Неизвестно, кто что упустил. Это они нас ищут, а не мы их.

— У тебя на все найдется отговорка.

Через несколько минут «телохранитель» поднялся, потому что его «босс» вышел из хижины. Следом показался седой мужчина в синем комбинезоне и выцветшей рубашке с закатанными рукавами. Он был бы похож на фермера, если б не круглые очки.

Ветер донес обрывки разговора.

— ...потому что Мексика — это Мексика, а Штаты — это Штаты, — говорил старик в очках. — Запад есть запад, восток есть восток, и вместе им не сойтись.

«Босс» пожал плечами, и что-то сказал, улыбаясь.

— Спасибо, Джерри, мне и здесь хорошо, — ответил старик.

Он говорил громко, с паузами между словами, как глухой.

«Босс» долго тряс ему руку и улыбался. Старик обнял его на прощание и похлопал по плечу:

— Спасибо, что навестил! Передай полковнику, что я готов уехать вместе с ним в любую минуту! На земле много мест, где можно поковыряться!

Он еще долго стоял у хижины, глядя вслед уходящим гостям. Потом вытащил из кармана пригоршню зерна и стал разбрасывать его, с ласковой улыбкой наблюдая за толкотней цесарок.

Илья толкнул Кирилла в бок:

— Старикан безобидный. С ним можно столковаться. Спросим дорогу, заодно еды прикупим. Вон у него кур сколько.

— Можно рискнуть, — согласился Кирилл. — Пусть только эти друзья подальше уберутся.

Однако гости не торопились уезжать. Прошло не меньше десяти минут, прежде чем на дороге показались всадники. Но их было только двое.

Снова зашуршали кукурузные листья, и на краю поля снова появился один из рейнджеров. На этот раз он принес с собой веревку и длинный нож, которым принялся рубить молодые стебли. Он собрал объемистый сноп, перетянул его веревкой и, приподняв, неудовлетворенно крикнул:

— Маловато.

— Эй, Кирпич, ты чего тут? — спросил второй рейнджер, выбираясь из кукурузной чащи.

— Лошадкам, — последовал короткий ответ.

— Я понимаю, что не нам. Тебе что сказано было? Сидеть и ждать. Чего ты сюда поперся?

— Тут зелень лучше.

— Вот же дубина! А если профессор увидит?

— Все равно.

— Нет, не все равно. Что ты будешь делать, если он ругаться начнет? А если за ружье схватится? Он же чокнутый, да еще и слепой, начнет палить, что тогда?

— Все равно. Кукуруза нужна лошадкам. Профессору она не нужна. Ему уже ничего не нужно. А лошадкам нужно.

— Пошли отсюда, Кирпич, да поживее, — оглядываясь, говорил второй рейнджер. — Рано еще.

— А чего ждать? Кончим его и спокойно уедем.

— Рано еще, тебе сказано!

Кирпич присел на сноп и принялся сворачивать самокрутку.

— Я вот не пойму, зачем ждать. Ты, Бингл, грамотный. Ты городской. Может, ты понял, чего Мутноглазому надо? Растолкуй мне, чего мы ждем?

— У Мутноглазого свой расчет. — Бингл присел на сноп рядом с Кирпичом и запустил пальцы в его коробку с табаком. — Если запалить дом прямо сейчас, он сгорит за пять минут. Никто и не увидит. А Бен Гаттер со своими парнями придет сюда не раньше чем через три часа, а то и через четыре. Вот когда Мутноглазый приведет рейнджеров в котловину, тогда мы и подпалим домишко. Только бумаги не забыть бы там, внутри. А то сгорят к черту. Хезелтайн что сказал?

Он замолчал, облизывая края бумажки, чтобы склеить сигарету.

— Ну? — тупо спросил Кирпич.

— Что — «ну»?

— Что сказал Хезелтайн?

— А... — Бингл чиркнул спичкой и затаился. — Он сказал, чтобы бумаги вынести все до единой. Чтоб ни одной, самой маленькой, в доме не осталось. Чтобы еще раз все перетряхнуть, все-все проверить, а только потом поджигать. Гаттер увидит пожар, и напрямик сюда.

— А мы?

— А мы — отсюда.

— А он нас не догонит?

Бингл расхохотался.

— Да зачем ему нас догонять! Он же не нас с тобой ловит! Он знает, что это не мы профессора замочили.

— Не мы? А кто?

— Банда Мясника, вот кто.

Кирпич просветленно улыбнулся:

— И кукурузу тоже они забрали!

Кирилл и Илья переглянулись. Остерман постучал пальцем по рукоятке ножа. Кирилл в ответ погрозил ему кулаком. Илья возмущенно покрутил пальцем у виска.

«Почему?!» — читалось в его глазах.

Но Кирилл еще раз отрицательно помотал головой.

«Этим двоим поручили убить старика, — думал он. — Забрать какие-то бумаги и поджечь дом. Пожар должен привлечь сюда рейнджеров, которые войдут в котловину примерно через три часа. Что дальше? Рейнджеры кинутся догонять банду, которая якобы учинила расправу над безобидным стариком. Вряд ли они станут прочесывать лес. Они уйдут из котловины. Можно будет дожидаться ночи и тоже спокойно уйти. По дороге.

Значит, этих двоих лучше не трогать. Конечно, хорошо бы немного уменьшить численность отряда. Но если их там человек двадцать, то потеря двоих ничего не значит. Хотя... Там двое, здесь двое... Нет. Мы тут не для того, чтобы перебить их всех. Нам нужно выбраться отсюда живыми. Вот и все. Да, но как же быть со стариком?»

Рейнджеры докурили самокрутки и встали.

— Пошли, Кирпич.

— Ну уж нет. Вдвоем-то мы больше унесем. Ломай стебли, а я буду связывать.

Бингл, устав препираться, забрал у Кирпича тесак и принялся рубить кукурузу.

Со стороны хижины послышался свист.

— Эй, вы! Убирайтесь с моего поля!

Бингл выпрямился и поглядел из-под руки.

— Говорил я тебе! Полюбуйся. Старый хрыч грозит нам дробовиком.

— Ну, значит, он первый начал, — сказал Кирпич. И снял «маузер» с плеча.

Звонко лязгнул затвор. Кирпич отставил ногу назад, наводя на старика тяжелую винтовку.

Нож сверкнул в воздухе и с глухим стуком воткнулся в бок рейнджера, как раз под левую руку. Кирпич охнул и зашатался. Ствол «маузера» задрался вверх. Грохнул выстрел, и рейнджер повалился на спину, выронив винтовку.

Бингл, вытаращив глаза, хлопал по кобуре, пытаясь схватить револьвер. Но пальцы его не слушались.

— Не дергайся, — сказал Кирилл, стоя за кустом и наведя на рейнджера кольт. — А то будет, как с Кирпичом. Ложись. Руки в стороны.

Илья, пригибаясь, подбежал к убитому и с усилием выдернул нож. Потом присел на корточки возле лежащего Бингла, вытер об него клинок и разрезал ремень.

— Руки за спину.

— Свяжи его по-индейски, — посоветовал Кирилл.

— Не учи ученого, — буркнул Остерман, придавливая рейнджера коленом.

Со стороны хижины раздался ответный выстрел, и дробь россыпью щелкнула по кукурузным листьям.

— Вот старик удивится, когда увидит, каких дел натворила его гаубица, — усмехнулся Илья.

Кирилл осторожно выпрямился, подняв голову над кустом, и увидел хозяина фермы. Тот стоял на одном колене и неловко возился с дробовиком, загоня патроны.

«Храбрый дед, — подумал Кирилл. — Хорошо, что Илюха успел вмешаться. Никогда бы себе не простил, если б тот гад подстрелил старика. А ведь Илья был прав. Следовало

прикончить их сразу. Черт возьми, Кардосо оказался умнее меня. Он сразу признал Ильюху командиром, а я...»

— Сматываемся, — сказал Остерман. — Поднимаем наших и живо уходим по дороге, пока она свободна. Ты же слышал, часа три у нас есть.

— Старик нас увидит.

— Не беда.

— А с этим что делать?

Они говорили по-русски, и пленный с ужасом прислушивался к незнакомой речи. Однако когда Кирилл кивнул в его сторону, он все понял.

— Не убивайте! — прохрипел он. — Я вам ничего не сделал.

— Ты хотел убить моего любимого дедушку, — сурово сказал Остерман.

— Но я не знал...

— Сейчас он тебя найдет, и ты попросишь прощения. Все ему расскажешь. Понял? Расскажешь все. А я вернусь и проверю. И уж тогда решу, нужна ли мне твоя печенка.

24

Новый попутчик

Кирилл еще раз убедился, что Илья Остерман умеет убеждать людей. Наверно, смертельно напуганный рейнджер рассказал старику все, и даже больше. Во всяком случае, услышанного хватило для того, чтобы дед собрал пожитки и бросил ферму на произвол судьбы.

Они догнали его там, где дорога снова заворачивала в лес. Старик отступил за деревья, освобождая путь всадникам. Он опирался на посох, сгибаясь под тяжестью большого мешка за спиной.

— Здравствуйте, профессор! — Кирилл остановил коня. — Меня зовут Кристофер Смит, я бизнесмен из Техаса.

Он старался говорить как можно учтивее. Когда на лесной дороге колонна вооруженных всадников нагоняет одинокого путника, в его голову лезут не самые веселые мысли. Бизнесмен с трехдневной щетиной, пропахший кострами и порохом, просто обязан изъясняться языком Шекспира и Диккенса, чтобы собеседник перестал разглядывать его патронташ.

— Могу ли я вам чем-нибудь помочь, профессор?

— Откуда вы меня знаете? — удивился старик.

— Неважно. Но кажется, нам по пути?

— Куда вы направляетесь?

— Туда, куда ведет эта дорога.

Профессор поправил очки на переносице и оглядел всадников. Заметив девушек, он расправил плечи и приподнял шляпу:

— Буэнос диас, сеньориты!

Ведя в поводу трофейную лошадь, подъехал Кардосо. Он был безупречно выбрит, и на его сюртуке опять не было ни пятнышка. Благообразная внешность майора, видимо, повлияла сильнее, чем изысканный слог Кирилла, и профессор, осмелев, вышел из-за деревьев.

— Так, значит, господа, вы направляетесь в форт Кано?

— Почему вы так решили?

— Потому что эта дорога соединяет форт и Тирби. Ее проложили солдаты, и ею пользуются только солдаты. Но вы явно не состоите на воинской службе.

— Вы тоже двигались по этой дороге, — напомнил Кирилл.

— Потому что других тут нет. Но я сверну с нее за перевалом, не доходя до заставы.

— Какое совпадение, — улыбнулся Кардосо. — Мы именно это и собирались сделать.

— В таком случае я не вижу причин, которые могли бы воспрепятствовать вам,

профессор, поехать с нами, — сказал Кирилл.

Рико наклонился, забирая у профессора мешок, и охнул от неожиданной тяжести.

— Что у вас там, сеньор? Золото?

— Нет. Всего лишь бумаги и камни.

Старик довольно резво забрался в седло, и кавалькада тронулась дальше.

Профессор ехал рядом с Кириллом.

— Так вы из Техаса? А произношение у вас северное, — заметил он.

— Я родился на Севере.

— Кажется, я забыл представиться. Адамс. Геолог. Видимо, вы обо мне слышали. Меня тут, кажется, все знают. А я, представьте себе, — никого. Ужасная память. В ней столько формул и цифр, что для имен просто не осталось места. Не могу даже запомнить, как зовут изыскателей, которые приносят образцы. Я провел здесь почти десять лет. И последние шесть из них просидел на одном месте. Но знаю только двух-трех людей. Забавно, не правда ли?

— Обычное дело.

— А вы знакомы с полковником Тирби?

— Нет.

— Это он меня сюда привез. И он же собирался увезти... — Профессор вздохнул. — Однако вернемся к нашему маршруту. Насколько я понял, вашей целью является Мексика, не так ли?

Кирилл ответил не сразу. Старик был ему симпатичен. К тому же профессор мог оказаться полезным. С ним не стоило играть втемную.

— Наша цель? Ну да, нам надо в Мексику. Вот вы спросили о полковнике Тирби. Нет, я не знаю его. Зато его очень хорошо знают девчонки, которые едут с нами. Видите ли, всех их обманым путем увезли из родного дома и поместили в личный бордель полковника. Они там жили на положении рабынь. Мы их оттуда забрали. И теперь собираемся доставить обратно. Домой. В Мексику.

— Куда именно? — деловито спросил профессор.

— Об этом вам лучше поговорить с Мануэлем. Это брат одной из девчонок. Он все это затеял, а мы ему только помогаем.

— Вот как... Немногие рискнули бы добраться до Тирби ради такого благородного дела.

Кириллу очень хотелось рассказать, что дело, ради которого он добрался до Тирби, было вовсе не благородным. Сам он не видел ничего зазорного в том, чтобы грабить сутенеров, шулеров и их покровителей. Но профессор был из иного мира. Из того мира, где люди еще помнят — «не убий», «не укради»... Нет, ему незачем знать слишком много о своих попутчиках. Да он этого и не хочет. Его многословная тирада о плохой памяти на самом деле означала: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу».

— Да, Тирби — весьма, весьма опасное место, — продолжал Адамс. — Отчасти именно этим объясняется то, что я предпочел жить в одиноком домике в горах, а не в роскошном отеле. Над Медным холмом, образно выражаясь, витает дух смерти. Знаете, все, кто начинал его разрабатывать, уже переселились в мир иной. Возможно, и сам полковник чувствует опасность... Так вы говорите, у Сайруса Тирби есть личный бордель? Это, на мой старомодный взгляд, характеризует его не с лучшей стороны. Но позвольте, ведь эти девушки — сущие дети!

— Это придавало им особую ценность.

— Как я рад, что встретил вас. Возможно, вам будут полезны некоторые мои советы. Только напомните мне...

Старик погрузился в глубокую задумчивость.

— О чем напомнить? — осторожно спросил Кирилл.

— Что? О тропе, ведущей в Мексику. А сейчас извините меня, но я должен кое-что обдумать...

Адамс не проронил ни слова, пока лошади не остановились на самой верхней точке перевала.

— Ну, и куда тут сворачивать? — крикнул Мануэль, обернувшись.

Дорога сужалась, огибая скалу. Справа была пропасть, слева — крутая осыпь, уходящая в облака. Было довольно неуютно задерживаться в таком месте, и все нетерпеливо смотрели на Адамса.

— Профессор, вы говорили, что где-то здесь будет поворот...

— Да. Это здесь.

— Здесь? — Мануэль осторожно наклонился, заглядывая в пропасть. — Если тут и есть тропа, то она ведет напрямиком в ад.

Старик поправил очки и спрыгнул с коня. Взяв его под уздцы, он медленно, но решительно зашагал вверх по осыпи.

Когда Илья обучался верховой езде, его наставник, Эд Коннорс, любил повторять: «Лошадь умнее человека. Доверься ей, когда не знаешь дороги».

«Видел бы он меня сейчас, — думал Остерман, осторожно шагая по осыпи и ведя за собой коня, который то и дело останавливался, придирчиво выбирая место, куда можно наступить. Их окружал липкий туман, и, оглядываясь, Илья едва различал в нем тонкую фигурку Инес, а от ее лошади осталось только смутное пятно. — Видел бы он, как мы шагаем в облаках. Я бы охотно доверился лошади, если б у нее были крылья».

Когда же облака остались за спиной, Илья увидел профессора и Мануэля. Они стояли на полукруглой площадке на краю обрыва.

— Красиво, не правда ли? — Старик развел руками, с нежной улыбкой оглядывая горы.

Остерман посмотрел вокруг. Здесь, на высоте, воздух был чище, прозрачнее. Безжизненные изрезанные скалы по ту сторону котловины казались необычно близкими. За скалами высилась синяя стена далеких гор. Он видел их и раньше, они все время закрывали горизонт. Но теперь, с высоты, Илья мог разглядеть, что горы эти вовсе не монолитны, они испещрены голубыми и коричневыми тенями, обрывами, разломами и украшены нарядными лентами снега и льда.

— Жить надо в горах, и чем выше, тем лучше, — сказал Адамс. — По крайней мере полезнее для здоровья. И не только для здоровья. Для духа. Для веры, в конце концов. Это нескромно сказано, но здесь я чувствую, что нахожусь ближе к Богу. Надеюсь, это чувство не связано с возрастом...

Однако его восторг разделяли отнюдь не все участники восхождения. Илья увидел, что Инес побледнела и испуганно отступила. Он взял ее за руку:

— Самое страшное позади. Дальше будет легче. Дальше мы будем только спускаться. Я правильно понял, профессор?

— Абсолютно верно. Спустимся, потом снова немного поднимемся, потом опять спуск... Однако сначала нам надо определить направление движения. Мануэль, ты говоришь, недалеко от вашей деревни протекает река Сан-Педро. Так вот, она берет начало здесь, в этих горах. И если мы найдем ее, дальнейший путь покажется легкой прогулкой. Но здесь же начинаются и другие реки. Например, Санта-Мария, которая приведет нас к Калифорнийскому заливу.

— К заливу? — спросил Кирилл. — Это далеко?

— Всего двести-триста миль.

— Все это очень интересно, — сказал Остерман, — Но как вы собираетесь отличить одну реку от другой? С трудом верится, что на их истоках установлены таблички с надписями.

Профессор кивнул с видом глубочайшего удовлетворения, как учитель, услышавший дельный ответ ученика.

— Итак, господа. Если пренебречь астрономической точностью, то залив — там, — он вытянул руку, а затем развернулся, — нижнее течение Сан-Педро — вон там. А спускаться

мы будем вот сюда.

С этими словами он опустил руку, указывая себе под ноги,

— Почему? — недовольно спросил Мануэль.

— Потому что в этой долине живут люди, способные различать все реки без помощи табличек. И они нам помогут. Мы находимся в районе, который на всех картах обозначен как горная пустыня. И испанцы, и современные исследователи никогда не заглядывали в западную Сьерру. Здесь нет дорог, только узкие извилистые тропы. Но это — не пустыня. Внизу нас ждут тропические леса, водопады, пение птиц и аромат орхидей...

— Птицы — это хорошо, — сказал Мануэль, почесывая живот. — Особенно дюжина здоровенных птиц, зажаренных над костром.

— Так чего же мы ждем? — спросил Рико.

— Дело в том, господа, что отсюда можно пойти и в другую сторону. — Адамс посмотрел на Кирилла. — Спускаясь по восточному склону, вы довольно скоро попадете в ущелье Рио-Норте. Оно петляет между хребтом и Сухой долиной. Дно его заросло папоротником и хвойными лесами, но оно вполне проходимо. Правда, об этом никто не знает. Таким образом, двигаясь по ущелью, можно примерно через три дня выйти к Рио-Гранде. Еще один шаг — и вы в Техасе.

— К чему такие географические подробности? — спросил Илья. — Кто тут говорил о Техасе?

— Возможно, мои рассуждения покажутся вам бестактными. Но я видел множество людей, которые бежали из Мексики в Калифорнию, Аризону и Техас. И не видел ни одного, кто стремился бы в Мексику. Естественно, за исключением... — он запнулся, — за исключением тех, кто не в ладу с законом.

— Девочек ждут дома, — сказал Мануэль.

— А в Техасе и без нас хватает голодранцев, — добавил Рико.

Майор Кардосо пожал плечами:

— Мне там тоже нечего делать.

— А мне — тем более, — сказал Кирилл. — Профессор, а в какую сторону собирались двигаться вы?

— Признаться, я и сам этого не знал до сих пор. Мне пришлось покинуть дом в спешке. — Адамс немного смутился. — Да, я был вынужден торопиться и не думал о том, куда идти. Но теперь я определился. Точнее, мой путь должны были определить вы, господа. Если бы вы решили направиться в Техас, я бы пошел с вами. Если же ваше решение возвращаться в родную деревню остается неизменным, то нам понадобится помощь жителей этой долины. Они дадут вам проводников, и после небольшого отдыха вы отправитесь дальше. А я останусь. Мне давно уже хотелось изучить долину Мертвой пумы.

Целый день они ехали вверх, вниз и снова вверх. Пробирались через заросли кустарника, затем долго поднимались по узкому ущелью, заросшему лесом. В изумрудной зелени мелькали разноцветные попугаи, сопровождая незваных гостей отчаянными криками. На ночь остановились в огромном дубовом лесу, где под раскидистыми кронами росла пышная трава высотой по колено. А утром увидели на склонах аккуратные прямоугольники полей.

— Вот мы и пришли, — сказал профессор. — Раньше здесь жили индейцы якви. Постепенно они перемешались с жителями западного побережья, которые двигались через горы на восток в поисках лучших земель. В результате получился абсолютно новый народ, ни на кого не похожий. Они говорят и на испанском, и на языке ацтеков. Услышав удары грома, они осеняют себя крестным знаменем и приносят жертвы лесным духам. Их женщины возделывают землю, а мужчины охотятся. А меня они считают колдуном, брухо. Мой порошок лечит их от лихорадки, и местные жители убеждены, что я делаю хинин из печени белых змей.

— У змей есть печень? — спросил Кирилл.

— У белых — есть, — серьезно ответил Остерман. — Потому что у белых все есть.

— Как же они работают на таких полях? — удивился Мануэль. — Склоны крутые, как стена.

— Меня больше удивляет другое, — сказал Адамс. — Как на таких склонах удерживается почва? Почему ее до сих пор не смыло в долину? Я уже несколько лет пытаюсь разгадать секрет их агротехники.

В долине, зажатой между гигантскими утесами и лесистыми склонами, было очень жарко. Одежда мгновенно пропиталась потом, и постепенно путники сняли с себя все, что могли. Больше всех страдали девчонки, которые не могли раздеться при мужчинах, да Мануэль, ехавший рядом с ними.

Жители деревушки тоже не обременяли себя лишней одеждой. Между хижинами, крытыми разлапистыми ветками, показались женщины в набедренных повязках и накидках, едва прикрывавших грудь. Их тела были медного цвета, и у многих на плечах извивалась замысловатая татуировка. Они приветствовали Адамса радостными восклицаниями. Целая орава голых ребятишек окружила всадников, поднося им глиняные плошки с водой.

Мануэль, соскочив с лошади, вытянул из переметной сумы целый ворох своих драгоценных шелковых рубашек и с поклоном отдал их женщинам.

Остерман почесал затылок и сказал негромко:

— Кира, у тебя, случайно, не завалялись где-нибудь бусы и зеркала? А то неудобно получается. Первый раз вижу настоящих индейцев. Ну, прямо Фенимор Купер...

25

Кому-то нужны карты. А кому-то — нет

Хороший следопыт может по одному отпечатку копыта узнать очень много и о лошади, и о всаднике. Хезелтайн часто слышал хвастливые байки на эту тему. Сам он с трудом отличал следы мула от конских и никогда не ковырялся в навозе, чтобы узнать, как давно он валяется в пыли. Однако считал себя следопытом покруче, чем любой из рейнджеров Гаттера. Потому что в отличие от них он умел читать невидимые следы.

Например, пару дней назад Сайрус Тирби благодушно поддел его, сказав, что Хезелтайн никогда не станет удачливым политиком. Кто-то счел бы это обычной шуткой. Но Хезелтайн насторожился, словно охотник, заметивший на песке отпечаток медвежьей лапы. С чего бы это полковник вспомнил о политике? О каких избирателях он говорил? В городе выбирали только шерифа да судей народного трибунала, и на эти почетные должности Хезелтайн не претендовал. Значит, мысли полковника витали далеко. Возможно, даже слишком далеко от Аризоны.

Подозрения Хезелтайна подтвердились, едва он заглянул в хижину Адамса. Старик собирал вещи. Карты были скручены в рулоны, и профессор не стал их разворачивать, когда Хезелтайн завел разговор о перспективах рудника.

Не было никаких перспектив. Адамс сказал, что Медный холм обгрызли до кочерыжки. Новые месторождения? Они находятся за Сухой долиной. Возможно, их разработка окажется выгодной. А может быть, и нет. Они нуждаются в дополнительных исследованиях. Как и все остальные месторождения меди, свинца и серебра, обнаруженные профессором за последние шесть лет.

Да, нужны дополнительные исследования, но пусть этим занимается тот, кто будет вкладывать деньги. А самому Адамсу это уже неинтересно. Он уедет вместе с полковником.

Хезелтайн едва удержался от вопроса — куда? Он сделал вид, что прекрасно осведомлен о планах своего ближайшего друга Сайруса.

Поговорили еще немного о пустяках. Профессор обмолвился, что руднику осталось работать не больше года. А город исчезнет, возможно, еще раньше. Южный склон, на котором расположена деловая часть, довольно неустойчив. Не выдержав тяжести зданий, он начинает постепенно сползать. С какой скоростью? Ну, может быть, дюйм в год. Это

незаметно. До тех пор, пока не начнут разваливаться дома.

Склонный к философии, профессор видел в судьбе города определенный символ. Сущность человека нового времени — прийти на девственную землю, взять от нее все, что можно продать, и двигаться дальше, оставляя за собой города-призраки и горы мусора.

Хезелтайн с улыбкой выслушал старческий лепет, стараясь не смотреть в сторону рулона карт. Эти бумаги стоили дороже, чем рудник. Дороже, чем весь город, с его отелями, казино и борделями.

Он пожалел, что взял с собой Мутноглазого и его команду. Пристрелить старика, забрать карты — вот первое, что пришло в голову. Первое, а значит, самое верное. Но он побоялся сделать это при свидетелях.

И только прощаясь с Адамсом, он сообразил, что Мутноглазый — не свидетель, а сообщник. Да, решение было верным, но зачем самому делать грязную работу?

Он еще раз все обдумал, прежде чем отдать распоряжения. Хезелтайн был доволен собой. Теперь все будет, как раньше. Он станет действовать без оглядки на полковника. В конце концов, жизнь — это покер. Где каждый сам за себя.

Лошадь покойного Уоллеса нашлась только утром. Увидев ее, Гаттер разозлился — вот скотина! Стоит себе спокойно, обгрызает кустик как ни в чем не бывало. Будто не с ее седла отправились в ад двое ирландцев, и будто не она содействовала побегу третьего висельника. От мексиканца, удравшего от петли, не осталось никаких следов. Только обрывки перетертой веревки, обнаруженные в сотне шагов от того места, где его собирались повесить. По всей видимости, он соскочил сразу же, как только завернул в лабиринт скал, и затаился. А рейнджеры до самой темноты, выходит, гонялись за лошадью без седока. И гонялись впустую.

За ночь мексиканец мог уйти далеко. Причем в любую сторону — в горы, в пустыню, да хоть и обратно в Тирби. В горах его не найдешь. В пустыне он сам сдохнет. А вот если он подался в город, дело хуже. Что ему стоит затеряться среди своих? Флойд, помощник Гаттера, слышал немного об этом Васкесе. Бывший солдат из армии какого-то мятежного генерала. Конокрад. Такие лихие парни весьма популярны среди работяг, и они его просто так не сдадут.

Бен Гаттер приказал рейнджерам никому не рассказывать о побеге. Впрочем, он знал, что кто-то все равно проболтается, когда они вернутся по домам и станут за кружкой пива вспоминать свои подвиги. Такие истории рассказывают вполголоса, оглядываясь, да только все равно им никто не верит. А зря. Он и сам не раз слышал, как приговоренные к расстрелу увертывались от пуль. Или как из реки выплывал кто-то с камнем на шее и со связанными руками. Думал — вранье. Вот пусть и про историю с Васкесом все думают так же.

После завтрака в лагерь прискакал посыльный из города и сообщил, что к каньону выдвигается отряд охранников, снятых с рудника. В ожидании подкрепления Гаттер приказал рейнджерам заняться чисткой оружия. Многие из них были недовольны новыми винтовками и относились к ним небрежно, рассчитывая со временем вернуться к старым винчестерам. Однако Бен Гаттер знал, что будущее — за «маузерами». У этого оружия есть недостатки, но они с лихвой перекрываются достоинствами — дальнобойностью и скорострельностью. А еще очень важно то, что полковник Тирби закупил у мексиканских генералов целый вагон таких винтовок, предназначенных для армии. Наверно, старый лис рассчитывает перепродать их все тем же мексиканцам и ждет подходящего момента. Цены на оружие быстро растут, стоит только начаться полномасштабной войне. Но пока в Мексике все спокойно, и винтовки лежат на складе...

— Бен, у нас гости! — крикнул часовой со скалы, вытягивая руку в сторону дороги.

Гаттер встал со складного кресла, увидев двоих всадников, и отошел подальше от своей палатки, чтобы не приглашать гостей в ее тень. Таких гостей он бы и в лагерь не пустил. Но Джерри Хезелтайн был слишком важной птицей. Его не пошлешь с порога подальше.

— Какие новости? — спросил Хезелтайн, не слезая с седла.

— Мы сели им на хвост. Трех прикончили, вон их могилы.

Под скалой темнели три свежих холмика. Гаттер не стал уточнять, что под одним из них лежит девчонка. Он также промолчал, что в лесу есть еще две могилы. О своих потерях он будет отчитываться перед полковником. Да и то — если тот спросит.

— Трех? Отлично, — сказал Хезелтайн. — Среди них не было никого в белом сюртуке и в желтых сапогах?

— Нет.

— Я так и думал. Майор Кардосо не так прост.

— Что еще за майор?

— Потом расскажу. Значит, трое готовы. Когда рассчитываешь догнать остальных?

— Сейчас парни разбираются со следами. Я хочу устроить засаду. Жду подкрепление.

— Мои ребята заметили кого-то в котловине. Надо послать туда людей. Я беспокоюсь за профессора.

— Банде незачем спускаться в котловину, — отмахнулся Гаттер. — Да и когда б они успели? Нет, я не думаю, что...

— Про виллу ты тоже не думал, — перебил его Хезелтайн, дружелюбно улыбаясь. — И правильно. Потому что думать — не твоя обязанность. Твоя обязанность — ловить преступников и защищать население. Сколько ребят ты пошлешь со мной к профессору? Мне кажется, четверых будет достаточно. Ведь они — рейнджеры.

«Нечем крыть, — подумал Гаттер. — Вот же сукин сын. Если с Адамсом что-то случится, я окажусь крайним».

— Четверых? — Он презрительно сплюнул. — Хватит и одного. Я сам съезжу, проведу старика.

— Что ж, поедem втроем.

— Нет. Меня перестанут уважать, если я буду ездить с эскортом. Особенно с таким грозным.

Бродяга, который таскался за Хезелтайном, побелел от злости и отвернулся, вытаскивая из гривы коня сухие хвосты.

— Едут! — снова закричал часовой. — Вижу шерифа! С ним целая армия! Дюжины две, не меньше!

— Отлично, — сказал Хезелтайн. — Бен, ты можешь продолжать готовить засаду. Не стану тебе мешать. А к профессору я отправлю ребят Бюргера. В конце концов, раз они охранники, то пусть занимаются своим делом. Пусть охраняют Адамса. Верно, Бен? Каждый должен заниматься своим делом.

— Верно.

Гаттер развернулся и зашагал к своим рейнджерам, которые смазывали винтовки под брезентовым навесом.

— Флойд, сворачивай лагерь, — сказал он негромко. — Выступаем через пять минут.

«Этот пройдоха Хезелтайн что-то знает, — думал Гаттер, быстрой рысью ведя отряд по лесной дороге. — Он всегда знает что-то такое, чего не знают другие. Поэтому ему так везет в картах. Но сейчас все тузы у меня. Пока он будет болтать с Бюргером, я просто заберу профессора с собой. Обстановка того требует. Нельзя распылять силы. Охранники? Что ж, пусть охраняют профессорскую хибару. Пускай занимаются своим делом».

Он стал обдумывать, как побыстрее уломать профессора, который наверняка не захочет никуда уезжать. Бандой его не напугаешь — старики не боятся смерти. Может, надавить на то, что у Бена будут неприятности, если с Адамсом что-то случится? Да только профессору плевать на всех. А если сказать, что отряду нужен проводник? Старый геолог облазил все горы вокруг, он забирался в такие места, куда даже индейцы боятся сунуть нос. Да, пожалуй, эта маленькая хитрость должна сработать...

Увидев у профессорской фермы двух стреноженных лошадей, Бен поднял руку, и отряд за его спиной остановился.

— У Адамса гости? Кто бы это мог быть? Акула, глянь.

Рейнджер подскакал к лошадям и спешил. Осмотрел их седла. Затем осторожно направился к хижине, скрывшись за высокой кукурузой. Через несколько минут показался обратно и покрутил шляпой над головой, что значило «все в порядке».

Однако, подъехав, Бен Гаттер убедился, что неправильно понял этот жест. В профессорском доме, действительно, все было в порядке. Посуда, одежда и книги — все на месте. Цесарки, корова и козы — тоже. А вот профессора нигде не было.

Зато на краю кукурузного поля рейнджеры нашли двоих городских бездельников, одного — уже остывшего, а второго — полумертвого от страха. Когда его развязали, он не смог встать сам. Ему помогли подняться, но он снова осел на землю.

— Мясник, — выдавил он и обхватил голову руками. — Я ждал, что он вернется и прирежет меня. Мясник...

— Сколько их? — спросил Гаттер.

— Не знаю.

— Откуда они пришли?

— Не знаю.

— Куда ушли?

— Не знаю. Это Мясник.

На него не стоило тратить время. Допросом займется шериф, когда доберется сюда.

Следы на дороге были свежими — банда прошла здесь не более часа назад. Гаттер выслав вперед пару дозорных и приказал:

— Парни, не зевать! Впереди может быть засада! — Он достал револьвер из кобуры и засунул его за пояс. — Скажу вам одно: Мясник зашел слишком далеко. Зря он похитил профессора. Теперь разговор с ним будет иной. Сколько б подонков ни было в этой банде, им не устоять против рейнджеров. Как бы резво они ни удирали, им не уйти от рейнджеров. Покончим с ними побыстрее. Нас ждут дома. Вперед!

Самого Бена никто дома не ждал. Как и многих из его ребят. Но такая уж была у него присказка. Он слышал ее на войне от своего командира. А теперь сам стал командиром и понимал, как много смысла в этих простых словах. Нас ждут дома. Надо убить всех, кто угрожает твоему дому. И надо самому не попасть под пулю, не напороться на клинок, не свалиться под копыта — потому что нас ждут дома...

Они пронеслись через лес, не встретив засады. Следы вели в гору. Дорога превратилась в каменистую тропу, и отпечатки копыт исчезли, но убегающим некуда было свернуть, разве что в пропасть.

За перевалом дозорные стали двигаться все медленнее и, наконец, остановились.

— Проверим спуск, Бен?

В этом месте травянистый склон был достаточно пологим, и банда могла спуститься по нему в ущелье. Но на траве не было никаких следов.

— Не останавливаться! Вперед!

Отряд двинулся дальше по дороге, но уже без прежнего рвения. Всем было ясно, что банда ушла. Исчезла, испарилась. Там, впереди, уже нет места для засады. Там не свернуть ни в лес, ни в ущелье. Впереди был только мексиканский пограничный форт.

«Даже из неудачи можно выжать немного пользы», — подумал Хезелтайн, садясь на лошадь Кирпича. Своего уставшего коня он оставил на профессорской ферме, под охраной Бюргера, а Мутноглазый пересел на мерина Бингла.

На свежих лошадях они довольно скоро догнали рейнджеров. Те стояли недалеко от форта, а Бен Гаттер прохаживался в сторонке с капитаном Рамиресом, начальником заставы. Хезелтайн присоединился к ним.

— Джерри, ты очень вовремя, — сказал Гаттер. — Меня тут не уважают. Надеюсь, тебе дон Аугусто не сможет отказать?

— Разве я отказываю? — Капитан разводил руками и крутил головой с видом полного отчаяния. — Как только будет возможность, я обязательно дам вам проводников! Самых

лучших! Но сейчас у меня каждый человек на вес золота!

— Аугусто, пойми, они похитили американского гражданина! Прикинь, какой шум может подняться. Банда натворила немало дел у нас и натворит еще больше на твоей земле! — Гаттер обнял капитана за плечо. — Мы же всегда работали вместе! Дай нам только двух-трех проводников. Ручаюсь, что верну их живыми и здоровыми!

— Я постараюсь что-нибудь придумать. Потерпи до завтра.

— Завтра будет поздно.

— Но завтра, возможно, к нам подойдет пехота. И тогда я подумаю, чем тебе помочь. Бенито, ты же военный человек, сам подумай — что получится, если я отправлю с тобой людей, а на форт нападут? А? К нам идет целая орда! Они разнесут крепость по кирпичику!

— В таком случае хотя бы проводники останутся живыми, — с усмешкой заметил Хезелтайн. — А что за орда?

— Оборванцы, — презрительно скривился капитан. — Батраки. Шатаются по всей Соноре, к ним липнет всякий сброд. Громят поместья. Завидят солдат — разбегаются. Потом снова сбиваются в стаю. Ничего, пусть только сунутся...

— Кстати, насчет оборванцев, — сказал Гаттер. — Ты тут всех знаешь. Кто такой Мясник? Откуда он?

— Да обычный головорез из-за Рио-Лобо. Почему ты спрашиваешь?

— Похоже, что как раз ему мы наступаем на пятки.

Капитан истово перекрестился:

— Матерь Божья! Что же ты сразу не сказал?

— Ну что, — спросил Хезелтайн, — теперь дашь людей?

— Теперь? Да я на колени перед вами упаду! Умолять буду, чтоб вы поскорей уезжали домой! Скорее, амиго! Возвращайтесь домой и покрепче запритесь на все замки! Потому что Мясник пощады не знает... — Капитан снял фуражку и вытер посеревшее лицо рукавом. — А вот мне куда деваться? Если Мясник встретится с батраками, вся Сухая долина запольхает. Такой пожар разгорится, что искры и до рудника долетят. Вы бы, амиго, лучше подумали, что будете делать с шахтерами, если они поднимутся, как наши батраки...

— Наши шахтеры работают за деньги, — сказал Хезелтайн. — Им некогда бунтовать.

— Они не только шахтеры, но и метисы, — заметил капитан Рамирес, в чьих жилах текла благородная креольская кровь. — От метисов всего можно ожидать.

— Да пусть хоть трижды метисы, — угрюмо сказал Гаттер. — Рейнджеры тоже работают за деньги. И твой Мясник скоро убедится, что нам их не зря платят.

Капитан еще немного повздыхал, пожал им руки и торопливо зашагал обратно к форту.

— Ты ему веришь? — спросил Гаттер. — Вранье это все. Пугает нас, чтоб мы отвязались. При чем тут Рио-Лобо? Выходит, какой-то бродяга проделал двести миль, чтобы похитить нескольких девчонок и одного старика? Не верю. А ты?

— Не верю, — сказал Хезелтайн.

Он никому не верил, особенно мексиканцам. Капитан Аугусто Рамирес был замечательным собутыльником и достойным картежником, но сейчас от его талантов было мало проку. Как истый креол, он не мог сказать «не могу». Вместо прямого и честного отказа он обещал подумать. Но если он не дал проводников сегодня, то не даст и завтра.

Что же до Мясника, то и о нем капитан, скорее всего, слышал впервые. Но, как офицер пограничной стражи, не мог допустить, чтобы гринго сомневались в его познаниях. Он обязан знать всех разбойников, живых, мертвых и вымышленных.

— Как думаешь, Аугусто пропустил банду?

— Думать — не моя обязанность, — буркнул Гаттер. — Следов нет. Свидетелей нет. Если пропустил, мы об этом узнаем от наших людей на той стороне. Дня через два или три.

— А если банда осталась в лесу? Незаметно сошла с дороги и затаилась? Они играют с тобой в прятки, Бен.

— Я не собираюсь прочесывать лес.

— И не нужно. Они сами оттуда выйдут. Надо просто встретить их там, куда они

направятся.

— Ты знаешь — куда?

— Давай подумаем вместе. Что нам известно о банде?

— Ничего.

— Нет. Мы знаем, что это не местные. Раз они откуда-то пришли, значит, должны туда же и уйти. Что еще мы знаем? Они забрали проститутку. Но только тех, кого недавно привезли из Мексики. Чем они так привлекли Мясника? Есть только одно объяснение — эти девчонки с ним как-то связаны. И, скорее всего, это родственная связь.

— Ага, — задумчиво протянул Гаттер. — То есть мы на верном пути? Он не двинется на город, не уйдет на север, а будет прорываться в Мексику, так?

— Именно!

— Погоди, Джерри. А профессор? Зачем Мясник прихватил с собой Адамса?

— Думаю, что это ему подсказал майор Кардосо. Вот о нем мы знаем немного больше. Он — опытный офицер. Не знаю, зачем он связался с голодранцами, но это неважно. Важно, что он профессионал. Ты обратил внимание, что в доме Адамса не осталось ни одной бумажки? Карты, Бен, карты! Вот в чем разгадка. Мясник прихватил Адамса для того, чтобы не заблудиться! Он же чужак! Он не знает этих гор, и профессор проведет его! А не проведет сам, так майор проложит путь по карте! Все так просто, что мне даже странно — как ты сразу не додумался.

Гаттер сбил шляпу на затылок и обернулся, разглядывая горы, которые зеленой стеной возвышались над песками.

— Значит, банда сейчас карабкается через горы, чтобы перейти границу там, где ее не охраняют. Где нет ни патрулей, ни наших постов. Где нет дорог, а есть только звериные тропы...

— Не только звериные. В горах живут индейцы. И иногда они спускаются к мексиканцам. Понимаешь, о чем я?

Бен Гаттер кивнул:

— Бандиты обожают останавливаться в брошенных деревнях. Там мы их и накроем.

Он в кровь разбил ноги, когда бежал по каньону, петляя между скал. Шум погони остался далеко позади, но Фернандо не останавливался. Он не знал, куда его выведет лабиринт. И почти не верил, что выберется из него. Но даже если придется подохнуть здесь от жажды или укуса змеи — все равно, это лучше, чем болтаться в петле.

На рассвете он обнаружил, что выбрался совсем не туда, куда хотел. За ночь он забрел в пески, окружавшие Тирби с юга. Это была настоящая пустыня. Правда, маленькая: на горизонте, куда ни посмотри, были горы, а в горах — вода, зелень, жизнь. Надо только дойти до них. Пешком. Без воды. Под убийственным солнцем. И он пошел.

Пошел молча, хотя сейчас можно было дать выход накопившейся ярости и погорланить, не боясь, что тебя заметят. Но кричать, вопить, извергать проклятия и даже просто говорить было опасно. В пустыне лучше молчать. Потому что у болтунов быстро пересыхает глотка, а смочить ее нечем. Фернандо Васкес огляделся с вершины песчаного холма. Никаких признаков колодца. Только редкая, еле заметная цепочка следов. Да и та становится все бледнее, потому что ее быстро заносит тончайшим песком.

«Здесь кто-то прошел совсем недавно! — подумал Фернандо. — Две лошади! Надо идти за ними. Потому что больше некуда»...

Он проследил взглядом, куда уходят следы, чтобы найти для себя подходящий ориентир. На горизонте виднелась лиловая зубчатая стена гор, и Васкес запомнил приметный двуглавый пик. Теперь можно не торопиться. Текущий песок сравнивает ямки, оставленные копытами. Но никакой ветер не унесет с горизонта эту раздвоенную макушку, этот двузубец, этот... Фернандо задумался, как бы еще назвать то, к чему ему предстояло шагать не один час. Он знал, что жара, усталость и жажда скоро притупят остроту ума и природную наблюдательность. Поэтому ориентир надо было назвать таким точным словом,

чтобы в любом состоянии можно было вспомнить, как он выглядит. Он еще раз взгляделся в ломаную линию гор. Этот двуглавый пик сейчас показался похожим на треугольные уши волка, который выглядывает из-за края земли. «Волчьи Уши»! Отличное название, ни с чем не спутаешь.

Фернандо спустился с холма, и «Волчьи Уши» остались за гребнями дюн. Но Васкес шагал уверенно. Самое главное в пустыне — это знать, куда идешь. А вода и еда — все это встретится по дороге. Можно прекрасно обойтись и без еды. Еще никто не умер в пустыне от голода. От жажды — это запросто, но не от голода. Если нечего пить, то еду лучше выбросить. Вот ведь как хорошо, что у меня нет с собой никакой еды, порадовался Фернандо. Не придется выбрасывать...

Зной постепенно стал нестерпимым. Васкес заметил, что его тень укоротилась до неприличия. Она словно ссохлась от жары.

«Наступил полдень», — догадался Фернандо и решил остановиться.

Кряхтя и постанывая, он опустил на раскаленный песок в тени невысокого слоистого камня и принялся выкапывать себе ямку. Сначала он рыл голыми руками. Но мягкий слой текучего песка скоро кончился, и Фернандо чуть не ободрал пальцы в кровь. Тогда он стянул ремень и начал рыхлить плотный грунт латунной пряжкой. Землю он складывал на камень, добавляя тому высоты. Он радовался, замечая, как увеличивается тень камня и как все менее горячим становится песок в его ладонях.

«Если копать достаточно долго, можно и до воды докопаться», — подумал Фернандо, но тут же отбросил эту затею. Признаков близкой воды здесь не было, и копал он сейчас не колодец, а всего лишь укрытие от солнца и от ветра.

Наконец он растянулся в благословенной тени под камнем и застыл неподвижно. Пока еще жажду можно терпеть, только надо поменьше двигаться.

Фернандо лежал и слушал сквозь дрему, как шуршит песок, текущий вслед за вечным ветром. Иногда на него сверху сыпались песчаные струйки, и Васкесу чудилось в полусне, что он лежит в могиле, и его закапывают. Почему-то это не казалось страшным. Было только досадно, что не удалось снова встретить кого-то из рейнджеров и поквитаться. Сыпется песок за шиворот. Закапывают. Как хорошо будет в могиле, как прохладно... И зачем нужно было тратить столько сил, убегая от покоя, от вечной тишины?

«Э, нет, старуха, брось свои песенки, — сказал он смерти. — Приходи завтра, тогда поговорим».

Так он лежал до тех пор, пока тень от камня не стала намного длиннее, чем его высота. Когда же Фернандо выбрался из ямы, ему не сразу удалось отыскать на горизонте свой ориентир. К вечеру картина пустыни неузнаваемо изменилась. От цепочки, следов уже ничего не осталось. Розовые дюны обросли лиловыми дугами теней. Горы стали темно-синими, солнце стояло над ними и слепило Фернандо, когда он, шурясь, высматривал двуглавую вершину, свои «Волчьи Уши».

Он снова двинулся вперед, огибая дюны. Проще было бы пересекать их по прямой линии, но Васкес боялся истратить последние силы, взбираясь по текучему песку. Вот и приходилось петлять, время от времени забираясь на гребень и сверяя направление с ориентиром. К вечеру попутный ветер заметно усилился, стало легче дышать, и Фернандо пошел чуть быстрее. Впереди он заметил каменную россыпь и решил, что среди этих валунов можно будет устроиться на ночлег.

Прозрачный воздух пустыни сыграл с ним злую шутку. Валун, который казался таким близким, оставался недостижимым, пока он тащился к нему весь остаток дня. И только перед самым наступлением темноты Васкес наконец повалился на землю среди камней. У него уже не оставалось сил, чтобы выкопать себе ямку для ночлега, и он просто прижался боком к остывающему камню. А под утро проснулся от холода. Его бил озноб, и он сел, сжавшись калачиком, чтобы согреться.

Пока солнце только начинало ошупывать своими лучами верхушки дюн, Фернандо успел нахватать под камнями полдюжины ящериц, еще вялых от ночного холода. Парочку он

съел сразу, разодрав пряжкой молочно-белую шкурку на брюшке и посолив розовые тушки собственным потом. Остальных спрятал за пазухой, предварительно размозжив камнем их плоские головы.

Теперь он чувствовал себя увереннее. Впереди на песке стали чаще встречаться следы змей и ящериц. В белесом небе кружила какая-то птица. Фернандо надеялся, что это не стервятник. А если и стервятник, то пусть он поищет себе другую жратву, а не зарится на одинокого странника, который медленно петляет между дюнами...

Когда в знойном мареве показались силуэты всадников, он подумал, что бредит. Длинной цепочкой они скользили по гребню далекой дюны и тонули за ней, один за другим.

Он хотел закричать, но из горла вырвалось только шипение, как у дикой кошки. Он сдернул рубаху и взмахнул ей над головой — и тут же оступился, голова его закружилась, и он повалился на песок...

Капли теплой воды упали на его губы.

«Я уже умер, — подумал Васкес. — Надо мной плачут ангелы».

Один из ангелов пнул его босой ногой под ребра:

— Не спи на земле, простудишься.

Он сел, встряхиваясь всем телом, и огляделся. Десяток оборванцев в сомбреро, крест-накрест опоясанные патронташами, стояли вокруг него, опираясь на песок прикладами «маузеров».

— Если хочешь жить, давай подымайся. Если хочешь помереть, мы тебе поможем. Штыком.

Фернандо хотел объяснить, что он только что пересек пустыню, а перед этим бежал от виселицы, а когда-то даже побывал в братской могиле. Он столько раз мог подохнуть, однако всегда оказывался хитрее смерти. И не им, соплякам босоногим, насмехаться над Фернандо Васкесом! Но его обожженная глотка смогла только просипеть:

— Не надо штыком...

26

Индейский хлеб

Пожилая мексиканка обмакнула руку в серое жидкое тесто и размазала его по плоскому камню над углями. С легким шипением прозрачная пленка стала густеть, и когда ладонь женщины дошла до нижнего края камня, на верхнем уже появился слой, похожий на лист оберточной бумаги.

Она прямо на камне свернула рулончик и положила его на плетеное блюдо.

— Это называется «пики», — сказала Инес, проследив за взглядом Ильи. — Индейский хлеб.

Они сидели в хижине, прячась от дождя. Дым от углей, завиваясь, уходил под свод очага, сложенного из булыжников.

— А почему вчера хлеб был другим? — спросил Илья. — Вчера были обычные тортильи.

— Пики вы возьмете в дорогу, — сказала женщина. — Они легкие и не черствеют.

— Значит, сегодня мы сможем уйти?

— Кто знает? Может быть, сегодня. Или завтра.

Уже третий день они жили в лесном поселке, где кроме них были только женщины и дети. Все мужчины неделю назад ушли за перевал и до сих пор не вернулись. Такое бывало часто. Местные жители никогда не уходили в лес по одиночке. На этот раз они отправились не на охоту. На перевале попали в беду несколько белых — одни свалились в пропасть, а другие пытались их оттуда вытащить. Жители поселка помогли им, а потом подрядились провести коротким путем через горы к дороге.

Когда они вернутся, в поселке будет устроен праздник. В жертву богам принесут кабанчика. На столах появятся кувшины с забродившим соком лесных ягод. А наутро все

мужчины снова уйдут, чтобы довести до реки друзей колдуна Адамса.

— Я бы так не смог, — сказал Остерман, глядя, как Инес ловко зашивает его рубашку. — Не смог бы так спокойно сидеть и ждать несколько дней, пока мужа и братья шатаются неизвестно где.

— Потому что ты не женщина. Женщины могут больше, чем мужчины.

— Говоришь, как моя бабушка, — сказал Илья.

Его родная бабушка, оставшаяся в Одессе, никогда ничего такого ему не говорила. Он хотел сказать «как старуха», но в последний момент испугался.

— Да? Я такая старая?

— А моя бабушка вовсе не старая. Она молодая, красивая, веселая. Правда, я давно ее не видел.

— Почему?

— Она живет далеко. Очень далеко. Еще дальше, чем мама, отец, брат и сестра.

«Хорошо, что у меня нет племянников», — подумал он, потому что не помнил, как будет «племянник» по-испански.

— А чем ты занимаешься так далеко от дома?

— Чем? Спасая маленьких глупых девочек.

Она хихикнула и хотела перекусить нитку. Но он подал ей нож:

— Не порть зубы. Они тебе еще пригодятся.

— Убери это... — Инес нахмурилась. И тут же лицо ее разгладилось, и на нем снова появилась усмешка. — Мануэль тоже глупая девочка? Луисита говорила, ты и его спас.

— А мы с Крисом всех спасаем. Привычка такая.

— Сеньор Крис не такой, как ты. Он строгий.

— А я?

— А ты веселый. Ты не похож на гринго.

— Я не гринго. И Крис тоже не гринго. Мы с ним из Одессы.

Он стал подыскивать нужные слова, способные описать город у моря. Море... Как объяснить ей, что такое море? Но Инес сказала:

— А я из Пуэрто-Пеньяско. Там хорошо. Залив, горы и много-много цветов.

— Как же ты оказалась в Соноре?

— Отец получил там земельный надел. Тогда всех переселяли на новые земли. И мы переехали. Через год родители умерли, и я стала работать в доме алькальда. Мне повезло. Алькальд — добрый человек. Три года я нянчила его детей. Да, алькальд — добрый человек, но его жена меня не любила. Она отдала меня миссис Фраун.

— И куда же ты вернешься? Опять в дом алькальда? Или в этот свой Пуэрто...

— Пуэрто-Пеньяско. Не знаю. Может быть, родители Луиситы и Мануэля возьмут меня в свою семью. — Она расправила рубашку и посмотрела ее на свет. — Все, можешь носить.

— Спасибо. Если бы не ты, я бы ее выбросил.

— Ничего не выбрасывай.

— Ну вот, опять ты меня учишь. Слушай, у меня тут завалилась одна вещица... — Он достал из-за пазухи маленький кольт и показал его, держа на ладони. — Нравится?

Илья долго готовился к этому моменту. Ожидая, что девушка придет в ужас от одного вида оружия, он приготовил немало аргументов в защиту своего подарка. Но Инес снова удивила его.

— Какой крошечный, — умилилась она. — Можно подержать? Он не выстрелит?

— Нет. — Он выгреб патроны из кармана и покатал их на ладони. — Не заряжен.

Она принялась вертеть револьвер в руках и рассматривать гравировку на стволе.

— Почему он такой маленький?

— Чтобы умещался в кармане. Обычно такие штучки носят с собой картежники. А еще их берут в дорогу дамочки, которым приходится путешествовать* без сопровождения.

— Это твой?

— Я похож на дамочку? Нет. Он твой.

Ее брови округлились, а рот смешно приоткрылся. Инес недоверчиво смотрела на Остермана, прижимая блестящую игрушку к груди.

— Мой?

— Я больше ничего не могу тебе подарить, — сказал он. — А это — вещь красивая, необременительная и в хозяйстве полезная. Я научу тебя им пользоваться. И тогда никакая миссис Фраун тебя никуда не увезет.

— Мне никогда не дарили таких дорогих вещей...

«Потому что меня рядом не было, — подумал Илья. — Но теперь все будет иначе».

— Ты меня научишь? Я хочу научиться прямо сейчас!

Женщина у очага посмотрела на них. Илья улыбнулся ей:

— Не волнуйтесь, сеньора! Никто не собирается тут стрелять.

— Когда ты научишь меня? — Инес потеряла его за руку.

— Сначала ты должна к нему привыкнуть. Носи его с собой.

— Я сошью для него чехольчик, — обрадовалась она и снова вынула иголку из клубка. — И кiset для патрончиков.

«Патрончики»!

Илья рассмеялся. Впрочем, заряды для этого револьвера были так похожи на детский мизинец, что и не заслуживали гордого имени патронов.

Он встал, надевая шляпу:

— Спасибо за рубашку.

Инес кивнула, не отрывая взгляда от револьвера.

Остерман, чрезвычайно довольный, вышел из хижины и направился к деревьям, между которыми висел гамак Кирилла. На веревках поверх гамака было косо натянуто пончо, по которому стекали капли дождя. Илья набрал пригоршню воды и брызнул в лицо приятеля.

— Что, уже? — спросил тот, не открывая глаз. — Уже моя вахта?

«Наверно, ему снится море», — подумал Илья с нежностью и вытер платком лицо Кирилла.

— Кира, а где находится Пуэрто-Пеньяско?

— Раз «пуэрто», значит у моря. Речные порты иначе называются. Лучше спроси у Адамса.

— Знаешь, о чем я сейчас подумал?

— Еще нет. — Кирилл зевнул и открыл глаза. — Но, кажется, сейчас узнаю.

— Я вот подумал... Почему бы нам не уехать к морю? Когда все закончится, махнем в какой-нибудь Пуэрто-Пеньяско, купим шхуну, начнем возить контрабанду...

— ...В Сан-Фелипе, — продолжил профессор Адамс, выходя из зарослей. — Это порт на другом берегу залива, напротив Пеньяско. Не знаю, как насчет контрабанды, но пассажирские рейсы, безусловно, окажутся достаточно прибыльными.

Илье не хотелось обсуждать столь важную тему с посторонними, и он спросил:

— Ну что, профессор, раскрыли секрет агротехники?

— Видимо, у них тут какая-то особенная кукуруза, с более мощной корневой системой, — охотно ответил Адамс. — И, безусловно, очень важно то, как они сажают семена. Примерно так же, как хопи в пустынях Аризоны. Заостренной палкой делают лунку и аккуратнейшим образом ее засыпают. Хопи возле каждого ростка ставят на ребро камень, чтобы давал тень, а здесь...

Он прервал лекцию, обернувшись. Из леса доносились встревоженные женские голоса.

— Кажется, кто-то из мужчин вернулся, — сказал Адамс.

Да, в свои четырнадцать лет Пепе вполне мог считаться мужчиной. Наравне с другими мужчинами он ходил на охоту и корчевал пни. И спасти англос, застрявших в пропасти, он отправился вместе со всеми. Да, он был низкорослым и худеньким, но не уступал взрослым в выносливости. А малый рост очень пригодился ему, когда он решил убежать из плена.

Их взяли в плен те, кого они спасли.

Поначалу англос вели себя дружелюбно. Предлагали выпивку, смеялись, хлопали мексиканцев по плечам. Но как только они выбрались из леса на дорогу, их улыбки исчезли. Вместо улыбок Пепе увидел дула винтовок и револьверов. Мужчин связали попарно, а потом всех прикрепили к общей веревке. Да еще и заставили нести ящики и тюки на плечах, облегчив участь лошадей.

Их привели к большой яме у подножия холма. В яму спускались хилые лесенки. Внизу копошились люди с лопатами. Они грузили землю в корзины, которые на веревках поднимались вверх. У тех, кто тянул корзины, были связаны ноги.

Больше Пепе ничего разглядеть не успел. Увидев, как его односельчан начинают сталкивать в яму, он выпутался из веревок и дал деру. Ему вслед стреляли. Но не попали. Потому что он хоть и мужчина, но маленький и юркий.

И теперь он стоял, окруженный женщинами, и старался держаться достойно. Хотя уже два дня ничего не ел, кроме лесной травы и гусениц. Незнакомый мужчина в белом сюртуке все расспрашивал его об этой страшной яме, сколько там народу, да как пройти, а Пепе думал только о том, как бы поскорее оказаться возле очага, откуда так невыносимо вкусно пахло горячими лепешками.

— Парня надо покормить, — сказал Кирилл. — Он еле на ногах стоит. Майор, все вопросы — потом.

— Никаких вопросов, — ответил Кардосо, потрепав мальчишку по волосам. — Пепе рассказал все, что надо. Он отличный разведчик.

Женщины увели Пепе в хижину, с ними ушел и Адамс.

— Как я понимаю, мы остались без проводников, — сказал Илья.

— Не беда, — сказал Кардосо. — Мальчик все прекрасно объяснил. Теперь мы знаем, куда идти, чтобы не наткнуться на старателей.

— Какие, к черту, старатели? Старатели роются в земле сами, а не сгоняют к шахте рабов. Это какой-то Древний Египет. Где это видано — держать людей в яме?

— Билли, я разделяю ваше негодование, — сухо произнес Кардосо, — но... Но с нами девушки.

— Ага! — обрадовался Остерман. — Значит, вы подумали о том же, о чем и я?

— Люди часто думают об одном и том же. Но поступают все равно по-разному, — уклончиво ответил майор.

Кирилл продолжал молча отвязывать гамак. Узлы намокли и плохо поддавались. Он давно мог перерубить веревку ножом, но это было бы проявлением слабости.

«Нет, сам завязал, сам и развязывай, — думал он. — Совсем разучился работать с такелажем. Когда доберемся до моря, устроюсь простым матросом на любую посудину. Чтобы навыки освежить. Месяц-другой похожу под парусом, заодно присмотрюсь к берегам, вникну в местные порядки, а потом уже можно будет и о собственной шхуне подумать».

— Крис, а вы что скажете? — спросил майор.

— Я согласен.

— С чем?

— С вашим предложением.

— Но я ничего не предлагал!

— Разве? Вы сказали, что знаете дорогу. Что Пепе все уже разведal. Нам остается только разогнать этих уродов и освободить наших проводников.

Карлос усмехнулся:

— Когда несколько дней назад мы прощались у въезда в Тирби, я, признаться, жалел, что наша совместная прогулка оказалась такой короткой. А вот теперь мне кажется, что она несколько затягивается. Молодые люди, вы представляете себе, чем мы рискуем?

— Вполне отчетливо, — сказал Остерман. — Мы рискуем опозориться в глазах местного населения.

— Ой! Держите меня, я сейчас упаду от смеха, — с издевкой протянул Кирилл. — Я даже знаю, как зовут это местное население.

Майор потер идеально выбритый подбородок.

— У меня есть только одна просьба. О наших планах не стоит пока говорить Мануэлю и Рико. Если задача окажется непосильной для нас троих, то два лишних человека ничего не изменят.

— Если задача окажется непосильной, то мы что-нибудь придумаем, — сказал Илья. — Но вы правы, этих десперадос лучше держать в обозе.

— Если уж быть точным, то настоящие десперадос — это мы с вами, досточтимые сеньоры, — с усмешкой заключил Кардосо.

Они разошлись, чтобы начать сборы. Кардосо занялся оружием, Остерман — продовольствием, а Кирилл подозвал Рико и вместе с ним стал готовить лошадей к дороге. Было решено выйти как можно скорее, чтобы засветло достичь перевала.

Кирилл старался не думать о предстоящем деле. Он вспоминал о переделках, в каких побывал вместе с Ильей. Не все они кончались, как хотелось. И никогда дела не шли так, как было намечено. Подводило оружие, вмешивались непредвиденные силы, иногда просто не везло... Неизменным оставалось одно — люди. Люди, которые были рядом с Кириллом, всегда поступали так, как он ожидал. Наверно, только таких людей и стоит называть друзьями.

Он вспомнил, как они познакомились с Кардосо. Самую первую стычку с грабителями, а потом — прорыв из каньона. И подумал, что до сих пор ничего не знает об этом человеке. Зачем он стремился в Мексику? Чтобы воевать за угнетенный народ? Что ж, теперь майор получил прекрасную возможность это сделать. Правда, все-таки лучше не воевать. Например, просто выкупить своих проводников. Нет, не получится, их там слишком много. Ну, а если связать часовых и незаметно увести пленников?.. Кирилл старался не думать о деле, потому что пока еще не имел никаких точных сведений. Но помечтать-то можно? Вот если бы им удалось подкрасться к прииску на рассвете, в тумане, или в грозу... Охрана спит или прячется под крышей. А еще лучше, если б и не было никакой охраны. Действительно, зачем она нужна? Рабам некуда бежать, а напасть на прииск некому. Да, хорошо бы обойтись без войны...

От хижин к ним направлялась целая делегация. Впереди шагал Мануэль, за ним шел Пепе, на ходу жуя лепешку. Сзади гурьбой семенили все женщины поселка, а с ними — Луисита, Инес и три другие девчонки, чьих имен Кирилл еще не знал.

«Все в сборе, — подумал он, — не хватает только Адамса».

Но тут и профессор выбрался из хижины, с развернутой картой в руках.

— Сеньор Крис, я просто не знаю, что делать с Луиситой! — Мануэль сокрушенно качал головой. — Что за язык у этой болтушки! Наговорила про меня страшных вещей! Будто я разбойник...

— Ну и что? — сердито спросил Рико, затягивая подпругу. — Подумаешь, разбойник. Она же не сказала, что ты свиней ворует.

— Она сказала кое-что похуже. — Мануэль виновато смотрел на Кирилла. — Сеньор Крис, она сказала женщинам, что мы с вами — банда разбойников. И что мы освободим их мужчин из этой страшной ямы...

27

Без пролития крови

Яма, действительно, была страшная. Лежа в кустах на вершине холма, Кирилл даже не видел ее дна. Он видел только глинистую стену, ярко-рыжую, в черных и серых горизонтальных полосах. Грубо сколоченная лестница вела вниз, откуда доносился шум земляных работ. Взвизгивали лопаты, вонзаясь в песок, скрипели блоки на трех длинных балках, которые нависали над краями ямы. Пара мексиканцев тянула со дна корзины с

грунтом, а индейцы вереницей оттаскивали их куда-то вниз, скрываясь за кустами. Мексиканцы были в белых штанах и рубахах, перепачканных рыжей глиной. А индейцы — почти голыми и тоже в глине с головы до пят. Чистыми оставались только двое охранников с винчестерами. Они сидели рядышком на пустых ящиках. И клевали носом.

— Что это за индейцы? Не ваши соседи?

— Нет. Они пима. А мы — яки.

«Как он их узнал? — подумал Кирилл. — Одежды на них нет, работают молча...»

— Ты уверен?

— Такие корзины плетут только пима. И еще — они плосконосые.

Он невольно скосил взгляд на мальчишку, точнее — на его плоский нос.

— Значит, ты не видел своих среди пима?

— Нет.

Он и не ожидал услышать иного ответа. Конечно, их здесь нет. Это было бы слишком просто. Те, кто им нужен, — внизу, и, чтобы их вызволить, придется пошевелить мозгами.

Парочка сонных часовых выглядит соблазнительно, но, во-первых, не такие они и сонные. А во-вторых, там, за кустами, наверняка найдется еще десяток сторожей. И еще неизвестно, сколько их в длинном шалаше на другом склоне холма, откуда доносится запах конского навоза. Наверно, в лесу за шалашом у них загон для лошадей. Судя по запаху, там целый табун.

Когда к ароматам конюшни стала понемногу примешиваться вонь какого-то варева, Кирилл обрадовался — скоро обед. Во время кормежки можно будет узнать почти все, что нужно.

— Конину варят, — сказал Пепе и громко сглотнул слюну.

— Возвращайся к нашим, — приказал Кирилл.

— А ты?

— Я еще немного понаблюдаю.

— Не, я с тобой. Ты не думай, я не голодный. Я потерплю.

Охранники оказались не такими терпеливыми. Оба встали со своих ящиков, взгляды в сторону шалаша.

— Эй, на кухне! Мы стоим без смены! Имеем право на двойную порцию!

Ответа не последовало, и они, ворча, снова уселись. Но скоро из-за шалаша показались двое. Рыжий толстяк в грязном переднике нес охапку лепешек, а мексиканец прижимал к животу дымящийся котел. Они подошли к яме, а охранники торопливо зашагали вниз, к шалашу.

Повар наклонился над ямой и свистнул. Шум работы моментально стих, и скоро над лестницей показался первый землекоп.

— Это Луис! — прошептал Пепе, схватив Кирилла за плечо. — А вот и Хорхе...

Все собрались вокруг котла, обмакивая в него лепешки. Повар стоял над ними, скрестив руки. Он был без оружия.

У Кирилла даже голова закружилась от нетерпения. Момент был просто идеальный. Пока охранники обедают, надо просто наставить на повара кольт — и все! И можно уводить пленных.

«Да, можно, — подумал он. — И далеко мы уйдем? Спокойно, спокойно. Это только обед. Будет еще и ужин...»

— Уходим. — Он медленно пополз назад, стараясь не задевать ветки.

— А как же... — Мальчишка недоуменно смотрел на него.

— Уходим. Мы увидели все, что нужно.

Адамс расстелил самодельную карту на траве и придавил камнями.

— Видимо, перед нами один из новых приисков Сайруса Тирби. Вот эта тропа ведет к городу.

— Видел я ее, — сказал Остерман и провел ножом по карте. — Вот здесь тропу легко

завалить камнями. Устроим обвал, чтобы нас не беспокоили посторонние. А тут у них стояли лошади. Много лошадей, не меньше двадцати. Сейчас там пусто. Два мула стоят, и все.

— Шесть кобыл пасутся на поляне, за ними никто не смотрит, — добавил Рико, который ходил в разведку вместе с Ильей. — Остальные ушли примерно день назад. Возле дома крутятся трое. Повар, мексиканец и один охранник.

— Индейцы вываливают глину из корзин в овраг, — сказал Кардосо. — Там еще двое с винчестерами. Вид у них неважный. Один спит, второй все время прикладывается к фляжке, и я не думаю, что там у него родниковая вода. Крис, что у вас?

— В яме работают семеро. Это те, кто нам нужен. Их стерегут двое.

— Думаю, они дежурят парами, потому что их некому сменить, — сказал Илья. — Один спит, второй караулит. Потом растолкает напарника и сам заснет. Наверно, ночью все собираются в шалаше. А рабочих, скорее всего, оставляют в яме, только лестницу вытаскивают. Или связывают. Да ладно, это к делу не относится. Главное, что у них всего два поста. И всего пятеро стрелков.

— Кажется, расклад благоприятный, — подытожил Кардосо. — Основные силы противника отведены. Это хорошо. Плохо другое — мы не знаем, где они находятся. Как долго их не будет — тоже невозможно установить...

— Почему же невозможно? — Илья прокрутил нож в пальцах и загнал его в ножны. — Очень даже возможно. Вы еще не разучились допрашивать пленных?

— У нас есть пленные?

— Скоро будут. Предлагаю не тратить время. Нападем на них прямо сейчас. Скрутим, допросим. Тогда и будет ясно, в какую сторону нам сматываться, чтобы не встретить остальных уродов.

Майор Кардосо смотрел на карту так, будто пытался увидеть среди штрихов и линий спрятавшегося противника.

— Ваш план хорош, если его можно назвать планом. На нашей стороне внезапность и концентрация сил. А также распыленность сил противника. Но эта же распыленность осложняет задачу. Вот если бы они собрались все вместе... Я бы предпочел классический ночной налет. Перед рассветом.

— А если вся толпа вернется к ужину? — спросил Кирилл. — Может быть, они ушли отлавливать новую партию рабов?

— К чему гадать, — сказал Остерман. — Такого момента больше не будет. А насчет распыленности я уже кое-что придумал.

Им пришлось долго лежать за кучей золы и ждать, пока повар закончит трепаться с охранником. Наконец оба докурили самокрутки и приступили к исполнению обязанностей — один скрылся в шалаше и загремел посудой, а второй уселся поудобнее на ящике, привалился спиной к дереву и задремал, держа винчестер на коленях.

Илья бесшумно подкрался к нему сбоку и присел, осторожно ухватив приклад винтовки. А Кирилл шел на охранника, не таясь. Заслышав шаги, тот открыл глаза. Возможно, ему показалось, что он продолжает спать и видит сон. Сон был кошмарным — в лицо охраннику смотрело дуло сорок пятого калибра. Он не успел шевельнуться, как винчестер соскользнул с его колен и тут же уперся стволом в висок.

Кирилл приложил палец к губам.

Охранник кивнул — очень медленно, слегка отклонив голову, чтобы не задеть ухом ствол винчестера.

— Сколько людей внутри? — шепотом спросил Илья.

— Там только Боб.

— Он один?

— Да. И мексиканец с ним.

Кирилл щелкнул пальцами, и из кустов выскочил Рико с веревками наготове. Через несколько секунд охранник лежал связанный, с кляпом во рту, а Кирилл и Остерман

направились к шалашу.

Впрочем, это сооружение вполне можно было назвать и домом, а то и маленьким фортом. Под длинными ветвями скрывались бревенчатые стены с бойницами, а за брезентовым пологом обнаружилась толстая дверь с засовом. Она была распахнута внутрь, и Кирилл вошел, переступив высокий порог.

Повар месил тесто на доске. Увидев нацеленный на него револьвер, он тщательно обтер руки тряпкой и только потом поднял их над головой.

Пожилой мексиканец, мывший посуду в тазу, посмотрел на Кирилла, затем на повара, снова на Кирилла — и невозмутимо продолжил тереть миски пучком травы.

— У меня нет оружия, — дрогнувшим голосом сказал повар по-испански. — Не стреляйте. Я ни в чем не виноват. Я только готовлю. Если не верите, спросите своих, у меня никто не оставался голодным.

Рико забежал ему за спину и приказал:

— Опустите руки, амиго. Мне придется тебя связать, чтобы твои дружки не обижались.

Мексиканец, мывший посуду, поставил стопку влажных мисок на полку и сказал:

— Не бойся, Боб. Ты хороший человек. Мясник не обижает хороших людей.

Илья и Кирилл переглянулись, а Рико изумленно уставился на мексиканца:

— Ты-то откуда знаешь?!

— Да мы вас давно ждем. Все англос отправились ловить банду Мясника, и мы стали молиться за вас. Я Хуан из Лас-Галинас. Со мной тут двое односельчан. Мы хотим уйти с вами. Мы умеем стрелять и знаем все дороги, мы...

— погоди, погоди, — перебил его Илья. — Куда ушли все? И сколько их?

— Тут стояли еще четырнадцать англос. За ними прискакал человек из города. Они собрались и уехали к перевалу. Взяли с собой много патронов и много еды. Они очень боятся Мясника.

— А ты, значит, не боишься?

— Кто же своих боится? — улыбнулся мексиканец.

Рико хлопнул его по плечу:

— Давай затащим этого борова внутрь.

Вдоль стены тянулся длинный топчан, застеленный тюфяками с сухой травой. Туда уложили связанного охранника и повара. Хуан и Рико встали у стены возле входа, разбирая веревки, а Кирилл подошел к бойнице, отдернул грязную кисею и просунул наружу руку с револьвером.

— Будем надеяться, что наши снайперы никого не уложат, — сказал он и выстрелил в воздух.

— Лишь бы друг дружку не подстрелили, — добавил Остерман, становясь за дверь с винчестером наготове.

С вершины холма донесся первый выстрел. Чуть позже еще один. А потом они зашелкали дробной россыпью.

— Сколько патронов впустую пожгут, — проворчал Илья.

— Ну, ты сам это придумал.

— Уже жалею. Проще было бы...

Он не договорил, потому что за стенкой послышались торопливые шаги.

— Боб! Боб! Они напали! Мясник уже тут!

Охранник ворвался в укрытие — и тут же растянулся на полу, сбитый ударом приклада. Кирилл присел над ним, держа ствол кольца у самого носа, пока Рико с Хуаном сноровисто вязали руки. Они едва успели оттащить его в сторону, как вбежал еще один.

Он оказался слишком резвым и после подножки Остермана пролетел до самой плиты, выронив винтовку. Рико и Хуан навалились на него, однако парень сбросил их с себя, вывернулся и схватился за сковородку.

— Спокойно, приятель, — сказал Кирилл.

Охранник, тяжело дыша, переводил затравленный взгляд со сковороды на револьвер,

оценивая шансы. Наконец он положил свое оружие обратно на плиту.

— Вот, значит, как... Ладно, ваша взяла, — проговорил он. И вдруг завопил: — Гарри, Гарри! Здесь засада!

— Чего разорался! — крикнул третий охранник, перешагивая порог. — Лучше бы помог дотащить Хопкинса!

— А что с Хопкинсом? — поинтересовался Остерман, приставив винчестер ему под лопатку.

Охранник застыл.

— О, Господи... — Он разжал руки, и винтовка упала на пол.

— Так что с Хопкинсом?

— Он... Он лежит там...

Кирилл недовольно покачал головой. Остерман выругался и подтолкнул охранника стволом в спину:

— На пол. Оба! Рико, этих двоих связи покрепче.

— Больше никого не осталось? — спросил Кирилл.

— Только Хопкинс...

Кирилл взял со стола полотенце, которое издали могло сойти за белое, и помахал им из бойницы. Стрельба затихла.

— Где он лежит? — спросил Илья, собирая с полу винтовки.

— У отвала.

— Я схожу посмотрю, — сказал Кирилл. — Может быть, ему еще можно помочь.

— Мы здесь не для того, чтобы лечить уродов, — сказал Остерман и стукнул прикладом об пол. — Мы банда Мясника! Мы сами мясники! У нас руки в крови по локоть! Будем мы еще чикаться с каким-то Хопкинсом!

Он повернулся к Рико и заговорил по-испански:

— Возьми винтовку и держи этих рога носцев на мушке! Если только шевельнутся, напшигуй их свинцом!

Пленники мгновенно побледнели и замерли, чуть дыша. Рико поймал брошенный ему винчестер и сказал:

— Но ведь сеньор Кардосо собирался с ними поговорить...

— Поговорит с тем, кто доживет! — прорычал Остерман и вышел вслед за Кириллом.

Последний из охранников лежал на краю оврага, свернувшись калачиком.

— Не могу поверить, что Кардосо нарочно его застрелил, — сказал Кирилл.

Остерман пожал плечами:

— Шальная пуля. Никто не застрахован от случайностей. Хорошо еще, что нам с тобой не досталось.

— Смотри, он, кажется, еще дышит...

Наклонившись над охранником, оба рассмеялись — он не просто дышал, а храпел, смердя перегаром.

28

Маленькая армия — тоже армия

Раздавая винтовки девушкам, Остерман умолял их даже не пытаться прицелиться. Они должны были просто палить в чистое небо. Как и Адамс с Мануэлем, Один лишь майор Кардосо должен был стрелять в сторону охранников, но очень аккуратно. Их надо было только загнать в шалаш, а не убивать.

«Почему не убивать?» — спросила кровожадная Луисита.

«Приказы не обсуждаются, — ответил Илья. — А будешь спорить — отниму винтовку».

Не было времени на разъяснения. Да и как объяснишь, что иногда приходится убивать, а иногда — нельзя, даже если очень хочется? Сейчас у них была возможность обойтись без

крови. И им это удалось.

Остерман знал по себе, сколько сил придает человеку жажда мщения. Эти охранники — не одиночки. Они состоят в команде. Пока команда гоняется за каким-то безвестным Мясником — это одно. И совсем другое дело, когда рейнджеры станут охотиться на тех, кто убил их товарища. Они будут мстить даже за такого придурка,...

— Кажется, кто-то хотел оказать ему первую помощь? — напомнил Илья.

— Да. Требуется перевязка, — сказал Кирилл и принялся связывать охранника.

Кусты над отвалом зашевелились, и оттуда показались индейцы с корзинами за плечами.

— Уходите домой, — сказал им Остерман.

Индейцы стояли неподвижно, и он подумал, что они не понимают по-испански.

— Домой, домой, — повторил он, прогоняя их жестом.

Кто-то из них сказал:

— Мы хотим наши деньги.

— Деньги? Сколько?

— Они обещали доллар за неделю работы.

Илья вывернул карманы пьяного и нашел несколько монет.

— Что тут у нас? Шестнадцать долларов пятьдесят центов. Забирайте. И уходите отсюда побыстрее.

Один из них пересчитал монеты, потом раздал остальным.

«Интересно, — подумал Илья, — куда они спрячут деньги? Карманов на теле нет, кошельков тоже не видно...»

Индейцы сунули монеты в рот. Сбросили корзины с плеч и скрылись в кустах.

— Потасим мистера Хопкинса к остальным? — спросил Кирилл.

— Не думаю, что они будут скучать без него. — Илья махнул рукой. — Проспится, сам придет.

Они вернулись к шалашу, где их уже поджидал Кардосо.

— Пока все идет хорошо, — сказал майор. — Теперь у нас есть мука, соль и порох. Заберем и дробовик. Но что будем делать с винтовками? Два ящика «маузеров», двенадцать стволов. Ящик патронов к ним. Жалко оставлять такое богатство.

— Зачем на прииске нужен такой арсенал? — удивился Кирилл.

— Да разве тут прииск? — сказал Хуан, выходя из шалаша. — Мы тоже думали, что здесь старатели работают. А эти — сущие разбойники. Лопаты в руках не держали. Целыми днями шатались по округе с винтовками. Вечером возвращаются с добычей. То лошадей приведут, то мулов. Из города им только патроны привозили. А откуда у них мука? Откуда текила? Ясное дело, все добро здесь — награбленное.

— Оружия у нас достаточно, — сказал Илья. — Патроны можем взять, а винтовки... Затворы вынуть и разбросать, чтоб никто не нашел. Нам лишний груз ни к чему.

— Да мы их на себе понесем! — горячо сказал Хуан, прижав руки к груди. — Нам эти винтовочки уж так быгодились!

— Ну, и куда ты собираешься с ними шагать?

— Куда? С вами, куда же еще! Вот увидите, мы не подведем!

— Ты уж извини, амиго, но нам не по пути. Собирай земляков и отправляйся домой.

Мексиканец растерялся.

— Почему вы не хотите принять нас в банду?

— Да потому что нет никакой банды! — Илья дружески похлопал его по плечу. — Мало ли что гринго наплетут со страху? Ну, посмотри на нас, какие мы бандиты? Я вот, к примеру, прачечными занимаюсь. Сеньор Кардосо вообще тут случайно оказался...

— Я все понимаю, — закивал Хуан. — Мы ведь тоже не бандиты. Так, простые крестьяне из сожженной деревни. Жены и дети в землянках ютятся, а мы вот подались на заработки. А к вам просто прибились по дороге. Вместе шагать не так страшно. Сами видите, по нашим горам в одиночку далеко не уйдешь. Так мы возьмем винтовочки?

— А пользоваться умеешь? — спросил Кирилл.

— Научимся.

Пока они грузили на мулов добычу, Кардосо беседовал с пленниками. Затем все поднялись на холм. Пепе вертелся среди своих полуголых односельчан, оттирая их спины от грязи пучком веток. Девушки стояли в сторонке и так устало опирались на винтовки, словно только что вернулись с Бородинского поля. Мануэль за что-то отчитывал их, сердито потряхивая кулаком.

— Сеньор Крис! Они не хотят отдавать винтовки! Где это видано, чтобы девочки таскали на себе оружие?

Кирилл только усмехнулся:

— Пускай привыкают.

Инес подбежала к Илье, ловко закинув винтовку за спину, прикладом вверх.

— Вы их убили?

— Нет.

— Почему?

— Потому что мы не убийцы.

— Ну и хорошо. — Она улыбнулась. — Мы все оглохли от стрельбы. До чего страшно было! А кто эти трое?

— Крестьяне. Дойдут вместе с нами до своей деревни.

— До своей деревни... Билли, я хочу кое-что спросить.

— Ну?

— Мануэль поговорил с проводниками. Они сказали, что отсюда до Сан-Педро два дня ходу. Всего два дня... Я хотела спросить: куда ты вернешься, когда все кончится?

— Знаешь, я не заглядываю так далеко в будущее.

— Боишься сглазить? Я тоже такая. Но ты ведь живешь в городе? Я бы тоже хотела в город. Все равно в какой. Мне некуда возвращаться. Поговори с Крисом, может быть, он разрешит мне уехать с вами? А в городе я найду работу... Я понимаю по-английски и умею готовить, умею нянчить детей, и я могу научиться еще чему-нибудь...

— Стрелять ты уже научилась, — сказал Илья, едва удержавшись, чтобы не обнять ее.

«Мне тоже некуда возвращаться, — подумал он. — Значит, нам с тобой по пути».

Лошадей на всех не хватало, поэтому из освобожденных якви Адамс выбрал только двоих проводников, а остальных было решено отправить домой вместе с Пепе. Но мальчишка заупрямился, а когда старшие принялись его уговаривать, просто спрятался за спину Кирилла.

Перед тем как тронуться в путь, майор Кардосо попросил всех собраться вокруг него.

— Я долго думал, стоит ли говорить о том, что вы и без меня знаете, — начал он. — И решил, что знать — это одно, а постоянно помнить — совсем другое. Так вот, я хочу, чтобы все мы постоянно помнили — на нас объявлена охота. В каньоне мы встретились только с одной командой охотников. Но есть и другие. Их много. Очень много. По нашим следам идут рейнджеры. Наперерез отправились еще три группы. Эти люди живут на приисках, но они не разрабатывают их, а только охраняют. Они называют себя вольными охотниками и охотятся на людей. Им платят деньги за то, чтобы во владениях полковника Тирби не осталось местного населения. И сейчас они ищут нас. Им отдан приказ — оседлать перевалы и перекрыть все тропы. Нам придется двигаться скрытно. Очень осторожно. И в любой момент быть готовыми к нападению.

— Раздайте нам патроны, чтоб мы были готовы! — звонко воскликнула Луисита.

Майор покачал головой:

— При нападении девушки рассыпаются в стороны и уводят лошадей. Все мужчины собираются возле меня. Но мы постараемся избежать столкновений. Двигаться будем так. Впереди, с большим отрывом — доктор Адамс с проводниками. Пепе идет в конце этой группы. Если впереди кто-то покажется — патруль или даже просто одинокий прохожий, —

Пепе летит к нам, и мы останавливаемся, пока не получим сигнал, что все в порядке. Самыми последними пойдут Билли и Крис. Такой порядок движения сохраняется до реки. А дальше будет видно. — Он повернулся к Остерману: — Я ничего не забыл сказать?

Илья немного удивился, но не подал виду, заметив, что сейчас все смотрят на него.

— Нет. Я только хочу добавить, что надо двигаться в полной тишине. Никаких разговоров. Никаких сломанных веток. Проверьте карманы и сумки, чтобы в них ничего не бренчало. За каждым деревом может стоять враг. — Он говорил медленно и веско и видел, что его слова достигают цели. Девчонки притихли. Трое новичков-мексиканцев насупились, крепко сжимая винтовки. И даже Кирилл слушал его как-то по-новому, серьезно и внимательно. — Да, враг опасен. Но почему они собрали такую свору? Потому что они нас боятся. А страх мешает в любом деле. Поэтому ничего у них не выйдет. Мы пройдем мимо них, и пусть они ловят ветер и гоняются за лесным шорохом...

Через несколько минут цепочка всадников потянулась в гору.

Илья подождал, когда они скроются за деревьями, и еще раз оглядел место стоянки. Кирилл подобрал с травы какой-то обрывок.

— Что нашел?

— От патронной пачки. — Он сунул бумажку в карман и поднялся в седло. — Поехали, командир?

— Я не командир, — резко ответил Остерман.

— Нас уже не двое, и даже не трое. У нас целая армия, а в армии без командира нельзя. Да ты не бойся, у тебя отлично получается.

— Кира, можно без этого? Без издевок, насмешек и так далее, можно? Я что, похож на Бонапарта?

— Ты имеешь в виду его речь в Египте? — серьезно спросил Кирилл. — «Солдаты! Сотни веков смотрят на вас с высоты этих пирамид!» Или как там?

— Тебе лучше знать, — попытался съязвить Илья, — Ты же у нас писатель.

— Да я уже не то что писать, и читать разучился. — Кирилл махнул рукой. — Черт возьми, Илюха, надоели мне эти скитания в джунглях. Я забыл, когда последний раз спал на простынях. Как безобидно все начиналось, да? Думали, приедем в захолустный городок, спокойно ограбим казино... А попали в такую заваруху! И все из-за кого? Из-за нескольких малолетних дурочек! Скорей бы сдать этих пигалиц родителям.

— И что тогда?

— А вот тогда у нас снова начнется спокойная жизнь. Так мы едем — или как?

29

Зачистка в предгорьях

— Вам пакет от мистера Хезелтайна, — доложил управляющий, подавая конверт на подносе.

«Сайрус! Ты оказался прав. Наш гость привет с собой достойную компанию. С Гаттером они играют, как со слепым щенком. Сейчас Кардосо прорывается в Мексику. К тому времени, когда ты получишь мое письмо, он, скорее всего, уже будет пить свою любимую текилу в какой-то из приграничных деревень. Я собираюсь устроить ему тяжелое похмелье.

Капитан Рамирес не дал проводников, поэтому мы будем действовать только вдоль дорог, не забираясь в горы. Проверим три деревни — Ла-Парилья, Мескиталь и Лас-Галинас. Прикажи Бюргеру отправить кого-нибудь по западной тропе в Лос-Фреснос, Паломитас и Мильпильяс. Таким образом мы возьмем Дэвида в клещи. И его поредевший скальп украсит твой кабинет.

Дж. Х. «

Полковник Тирби еще раз перечитал письмо и недовольно хмыкнул.

— Плохие новости? — спросила Эвелина Фраун.

— И плохие, и хорошие одновременно.

Хорошая новость заключалась в том, что Хезелтайн надолго застрял в Мексике. Но об этом незачем было сообщать Эвелине.

— Наш Джерри закусил удила, — сказал полковник. — Он думает, что у меня нет более важных дел, чем погоня за украденными шлюхами.

— Но Сайрус! — Она обиженно поджала губы, — Если бы у тебя, к примеру, угнали лошадь, ты весь город поднял бы на ноги, чтоб ее вернуть.

— Возможно. Некоторые лошади того стоят,

— По-твоему, мои девочки стоят меньше?

— Думаю, что в данный момент цена этих цыпочек упала до нуля, — сказал полковник, чтобы еще немного позлить ее, и с удовольствием заметил, как Эвелина сжала кулачки.

Он прекрасно понимал ее состояние. Передавая бордели новым собственникам, сестрички не включили в цену сделки стоимость персонала. И теперь торговались с калифорнийцами по каждой из проституток. Одни шлюхи шли по сто долларов, другие — по двести, за китайку-девственницу выручили пять сотен, а некоторых не удалось всучить даже за тридцатку. На мексиканских малолетках Эвелина вряд ли бы заработала больше, чем по четвертному за голову. Но эта сумма, по крайней мере, перекрывала расходы на их транспортировку и содержание. Положительное сальдо равнялось примерно семидесяти долларам. Равнялось бы — если б девицы имелись в наличии. Но пока они мотались где-то в горах, и Эвелина очень переживала, что их придется списать в убытки.

Полковник Тирби презирал мелочных людишек, к каковым, безусловно, относились сестры Фраун. Он не стал даже обсуждать с покупателями их «встречные» предложения. Показал товар, назвал цену — и точка. Не устраивает? Катитесь ко всем чертям.

Калифорнийцы моментально поняли, с кем имеют дело, и почти без колебаний приняли условия полковника. Небольшое беспокойство у них вызвала только судьба земельных участков в Мексике.

Он спрятал письмо в карман. Хезелтайн невольно задел неприятную тему. Лос-Фреснос, Паломитас и Мильпильяс — именно эти три деревушки и давали повод для беспокойства. По планам мексиканского правительства, их население должно было возделывать хлопковые плантации в Дуранго, а не слоняться без дела вдоль границы. На бумаге эти планы давно были выполнены, после чего обезлюдевшие участки бесплодной пустыни и были проданы Сайрусу Тирби.

Калифорнийцы внимательно изучили все бумаги, и сделка состоялась. Однако рано или поздно новые хозяева заглянут в свои владения — и тогда могут возникнуть осложнения...

— Так чего от тебя хочет Джерри? — спросила Эвелина.

— Просит подкреплений. Твоих девочек спрятали в какой-то деревне. Нужно послать туда надежных парней. Мексиканцев. Твой дон Хосе еще в городе?

— Да, но он нужен нам.

— Зачем?

— Ты забыл? Завтра мы едем в Туссон. По-твоему, мы можем обойтись без охраны?

— Завтра? Поездку можно отложить. А когда Рибейра привезет твоих девочек, это станет отличной компенсацией за задержку. Согласна?

Эвелина открыла рот, но он не позволил ей возразить.

— Согласна? Вот и отлично! Найди его и отправь к шерифу. Я буду ждать Рибейру в участке.

Даже издалека деревня не выглядела брошенной. Глядя на нее с высоты горного склона, Рибейра не видел людей, но за каждым домом зеленела полоска огорода. Значит, землю кто-то орошает. В канаве, что дугой огибала деревню, поблескивала вода. Если бы здесь никто не жил, канава быстро бы заросла и пересохла.

— Попрытались, — сказал Сантос. — Даже кур не видно, все спрятались от солнца.

— Ну, мы им устроим сиесту, — ухмыльнулся Рибейра. — Приготовь факелы. Зайдем

со стороны реки.

— Там берег топкий, не разгонишься, — недовольно заметил помощник.

— А нам спешить некуда. Зато зайдем по ветру, запалим крайние дома, остальные сами займутся.

— А если у них винтовки? Пока выберемся из болота, можем попасть под пули.

— Какие пули? Ты не в Техасе. У здешних самое страшное оружие — скалка в руках жены.

Бандиты за спиной Рибейры угодливо засмеялись.

Прячась за деревьями, они спустились к речке и долго пробирались среди высоких камышей. Когда перебрались на другой берег, кони были по самое брюхо измазаны в рыжей грязи.

Острый запах керосина разлился в знойном воздухе. У троих бандитов были ветки, обмотанные смоченными тряпками, четвертый держал под мышкой стеклянную бутылку. Им не в первый раз приходилось заниматься поджогами. Новые владельцы земель не могли найти иного способа, чтобы выкурить крестьян, потому что те не понимали человеческого языка. С большими селениями, ближе к железной дороге, получалось проще — там народ сгоняли на станцию, грузили в эшелон и отправляли в Дуранго. А вот с поселками вроде этого Паломитаса приходилось долго возиться. В прошлом году солдаты уже вывезли отсюда людей — и вот пожалуйста, опять кто-то завелся.

«Надо было рушить дома, — подумал Рибейра. — А кто недоволен — к стенке. Прихлопнуть парочку зачинщиков, остальные будут как шелковые».

Он достал револьвер, прокрутил барабан и оглянулся:

— Стреляйте по окнам, чтоб никто не выскакивал. Ничего не брать. Нам лишний груз без надобности, еще две деревни на пути. А вот на обратном пути поживимся. Если будет чем.

Он пришпорил жеребца и первым помчался к сонной деревушке.

Перемахнув через невысокую каменную ограду, конь понес его по пыльной улице. Кое-где заскрипели, отворяясь, двери. За окнами мелькали бледные пятна лиц. Рибейра выбрал дом побольше остальных и закружился перед ним, выстрелив в воздух:

— Эй вы! Даю вам неделю сроку! Если через семь дней я застану здесь хоть одну живую душу, от всего вашего хозяйства останется только зола! Убирайтесь отсюда!

С окраины потянуло гарью. Послышались женские крики. Рибейра оглянулся на скаку и увидел белый дым, клубящийся над крайними домами. Захлопали выстрелы. Банда со свистом и гиканьем пронеслась вдоль улицы, стреляя по окнам.

Рибейре хотелось задержаться тут, чтобы увидеть жителей. Точнее, чтобы покрасоваться перед ними и увидеть на их лицах животный страх. Дон Хосе Игнасио любил наблюдать, с каким почтением его слушают.

«Надо было сначала согнать всех на площадь перед церквушкой, — подумал он. — Поговорить с народом. Тогда бы они послушались. А сейчас? Спрячутся в горах, переждут неделю-другую, а потом вернутся. Нет, ничего эти гринго не понимают в нашей жизни»...

Да, полковник Тирби был тупым гринго, и инструкции его были тупыми, но он платил золотом за то, чтобы Рибейра их выполнял. А раз заплачено, то работа будет сделана. Пострелять, поджечь, напугать — и двигаться дальше, в Лос-Фреснос.

— Не задерживаться! — прикрикнул он, заметив, что Сантос заглядывает в открытый хлев. — Добавьте жару, амиго! И вперед!

Если бы майор Кардосо чуть лучше знал Адамса, он ни за что бы не отправил старика в головной дозор. Профессор был глуховат и при этом любил поговорить, так что уже через пару часов он забыл об осторожности и принялся увлеченно беседовать со своими спутниками.

Впрочем, трое безоружных всадников и не должны были вести себя, как настоящие дозорные. На случай встречи с патрулем у них было отличное оправдание — профессор

изучает местность, ему помогают проводники. Знаменитого геолога хорошо знали по обе стороны границы, а индейцы-яки принадлежали к числу самых мирных племен. Кардосо рассчитывал именно на это, а не на боевую подготовку своих дозорных.

По крайней мере так объяснил себе замысел майора сам Адамс.

Они не рискнули подниматься на перевал и пошли кружным путем. К вечеру колонна обогнула вершину и вышла в ущелье. И здесь дозор впервые остановился.

Один из проводников, Хорхе, застыл на месте, подняв руку. И профессор оборвал себя на полуслове, так и не закончив мысль о целебных свойствах пейота.

Впереди слышался детский плач. Хорхе вытянул указательный палец вверх.

«Там мужчина», — понял Адамс.

Индеец опустил руку с растопыренными пальцами вниз.

«И женщина», — перевел этот жест профессор.

Второй проводник, Луис, соскользнул с лошади и прокрался вперед, скрывшись в зарослях.

«Надо бы отправить Пепе к майору», — подумал профессор. Оглянувшись, он увидел, что мальчишки уже нет в седле, и только раскачивающаяся ветка подсказала, что Пепе убежал по тропе.

Он боялся шелохнуться, чтобы не выдать своего присутствия. Когда из-за деревьев сбоку показался Кардосо, профессор только скосил глаза в его сторону.

— Они ушли, — сказал Луис, бесшумно вынырнув из кустов. — Три женщины, старик и четверо детей. Несут на себе вещи. В мешке мука. Она сыпется из дырки. Старая женщина несет прялку. Они идут в горы.

«Зачем в горах нужна прялка?» — подумал Адамс.

— Люди бегут из деревни, — сказал Кардосо. — Плохой знак. Док, вы собирались спускаться к реке здесь?

— Да.

— Здесь нельзя, — сказал Хорхе. — Надо идти дальше.

— Сколько?

— Столько, сколько уже прошли, и еще немного.

— Переночуем в лесу, — решил Кардосо. — Утром тронемся дальше. Док, спасибо. Четко сработано.

Профессор смутился. Он не видел никакой своей заслуги в том, что жители деревни прошли по лесной тропе, не заметив колонны. Если бы не Хорхе...

«Надо быть внимательнее, — строго сказал себе Адамс. — Мы не на прогулке. Речь идет о жизни и смерти».

Он вспомнил все, что сказал ему тот связанный бродяга, валявшийся на огороде рядом с трупом. Джеральд Хезелтайн приказал уничтожить профессора! Эти слова только на первый взгляд кажутся бредом. Особенно если не обратить внимания на продолжение: «...убить старика и забрать все его бумаги».

Люди типа Хезелтайна всегда добиваются своего. Если им что-то нужно, они просто берут это. Понадобились карты месторождений? Убить старика — и карты в кармане. Понадобились новые земли? Прогнать жителей, заплатить чиновникам — и земли в кармане.

«Майор говорил, что на нас объявлена охота, — вспомнил Адамс. — Знал бы он, что охотятся не только за девочками, но и за никчемным стариком! Наверно, тогда он вряд ли послал бы меня вперед...»

Тяжелые мысли всю ночь не давали ему покоя. Слушая, как майор обучает пеонов и девушек обращаться с «маузерами» («Мягче работаем затвором, мягче!»), профессор думал о бесполезности сопротивления. Разве остановят Хезелтайна несколько винтовок? А наутро он подошел к майору и отдал ему свой неподъемный рюкзак.

— Здесь то, над чем я трудился долгие годы. Записи, образцы, карты... Не знаю, сколько еще времени я проведу среди индейцев. А результаты моих исследований нужны науке. Вы понимаете?

— Не совеем.

— Как только вы попадете в более-менее приличный город, зайдите на почту. И отправьте посылку в Смитсоновский институт.

Кардосо кивнул. И профессор поймал себя на том, что говорил без привычных формул вежливости. Сказанное им звучало не как просьба, а как приказ. Или как завещание.

Солнце стояло в зените, когда они достигли тропы, ведущей вниз. Индейцы спешили и прошлись по ней в обе стороны, чтобы убедиться — здесь давно уже никто не ходил.

Начали спускаться. Когда внизу среди деревьев стала поблескивать река, кони прибавили ход. Тропа становилась все шире, и профессор поехал рядом с Луисом. Иногда они останавливались, прислушиваясь. Но в неумолчном гомоне птиц не было никаких признаков опасности.

Тропа привела их на небольшую поляну, окруженную дубами. Сюда уже доносились речные запахи, и профессор подумал: здесь он и расстанется с Кардосо и его «армией». Дальше они справятся без помощи проводников. А ему надо возвращаться в глухой лесной поселок. Сбирать образцы, записывать легенды и песни, и проследить весь агрономический цикл...

Он заметил качнувшуюся ветку, и в следующий момент что-то больно хлестнуло его по плечу. Уже падая с лошади, он услышал выстрел, но не поверил своим ушам.

«Это гром, — подумал он. — Меня ударила молния. Такое часто бывает в горах».

Выстрелы грохотали слитно, и Адамсу казалось, что неподалеку перекатывается огромная железная бочка. Нет, не рядом, а у него в голове. Он силился встать, однако не чувствовал ни рук ни ног. Не мог даже глаза открыть. Наконец грохот оборвался. И силы на миг вернулись к нему. Профессор поднял голову и обнаружил, что лежит на спине, а прямо из его груди пульсирующей струйкой льется дымящаяся кровь.

«Я ранен, — подумал он. — Оказывается, это совсем не больно».

Он опустил потяжелевшую голову в траву и увидел прямо над собой белый диск солнца. Небо вокруг него казалось красным. Потом черным. Чернота понемногу заливала все вокруг.

И голос, прозвучавший над ним, тоже был черным.

— Это не те, кто нам нужен. Сматываемся.

30

Чем кончается игра в прятки

Кирилл не сразу понял, почему Кардосо выглядит непривычно. Вместо шляпы голову майора охватывала тугая косынка. А куда делся его белый костюм? Черный шелковый жилет был надет на голое тело, и на смуглом плече синела татуировка: крест и сердце.

— Я с вами, — шепнул Остерман.

Майор мотнул головой:

— Нет. Вы нужны здесь. Крис, готов? Пошли.

Кирилл тоже снял шляпу — она мешала пробираться сквозь густые заросли.

Стрельба, которую они слышали полчаса назад, могла означать только одно — Адамс и его индейцы напоролись на засаду.

А тишина, воцарившаяся после стрельбы, означала, что все они погибли.

Девчонки живо отвели лошадей в глубину леса. Мужчины рассыпались, изготовившись к бою. Но противник не появился.

Кирилл двигался в кустах вдоль тропы, осторожно отодвигая ногой сухие ветки, прежде чем сделать шаг. Иногда на другой стороне среди листьев бесшумно мелькала фигура майора.

В воздухе появился едва заметный запах порохового дыма, и Кирилл понял, что пришел на место засады.

Разглядывая поляну сквозь ветви, он увидел, что трава кое-где примята. Потом

разглядел вывороченные комья дерна. Немного ниже по склону он наткнулся на целую россыпь гильз. Калибр 44. Револьвер? Нет, винчестер — серый мох сохранил отпечаток приклада. Здесь стрелок оперся винтовкой о замшелый корень. Наверно, стоял на одном колене, поджидая цель.

С другого края поляны донеслось попискивание мыши. Кирилл облизал губы, приложил к ним ладонь и втянул воздух. Ответный писк получился не таким правдоподобным, как у майора, но это было уже неважно. Врага тут не было. Оставалось найти убитых.

Кардосо показался над кустом и поманил его пальцами. Кирилл обошел поляну и наткнулся на кучу хвороста у поваленного сухого дуба, возле которого стоял майор.

— Я немного пройду по следам, — шепнул Кардосо. — Тела лежат здесь, в яме под корнями. Не знаю, будет ли у нас время, чтобы их похоронить. Ты что-нибудь нашел?

— Гильзы от винчестера. Шестнадцать в одном месте, и еще десяток рядом.

— У меня тоже стреляли двое. С двадцати шагов. Никаких шансов.

Майор приподнял сухую ветку с кучи, и под хворостом показалась клетчатая рубашка Адамса.

— Иди к нашим. Придется снова уходить вверх. Ничего. Реку мы нашли. Где-нибудь спустимся к ней.

— Мы еще можем их догнать, — сказал Кирилл. — Их только четверо.

— Четверо были здесь. Остальные ждали на других тропах. И, возможно, ждут до сих пор. Хотя вряд ли. Им ясно, что после такого шума мы уйдем обратно в горы.

— Зачем надо было убивать безоружных?

Кардосо разгреб ветки, под которыми виднелась седая голова профессора, и коснулся его шеи.

— Никаких шансов, — повторил он. — Зачем? Кто знает... Может быть, нервы не выдержали. Или просто — на всякий случай. Думаю, если б им попались беженцы, результат был бы тот же самый.

— Это сделали рейнджеры?

— Нет. Полагаю, это работа тех, кто изображает старателей. Возможно, с того самого прииска, где мы были. Но, скорее, с другого. Ладно, к делу не относится. Иди к нашим. Я скоро вернусь.

Майор бесплотной тенью скрылся за деревьями, спускаясь к реке. А Кирилл присел, разгребая хворост. Он еще на что-то надеялся. Но и профессор, и оба индейца были мертвы, насколько может быть мертвым человек с десятком пулевых ран. Он уложил их тела на траве и вернулся к Пепе, который лежал на самом дне ямы. Оттер похолодевшую плосконосую мордашку от земли и крови. Поднял на руки легкое, безвольно прогнувшееся тело.

«Ты же должен был держаться сзади, — с укором подумал он. — Ты должен был убежать при первом же выстреле. Ты должен был остаться в живых. Что я теперь скажу твоим родичам?»

Он бережно опустил мальчишку на траву и накрыл лицо своим шейным платком. А потом торопливо зашагал вниз по склону, вслед за майором.

В деревне стояла мертвая тишина. Ни петушиных воплей, ни лая собак. Никто не выгонял буйволов на поле, не громыхал ведрами в коровнике. Единственными признаками жизни были запахи, которые ветер доносил до Кирилла и майора, лежащих в канаве на краю деревни, — пахло кухонным чадом и конским навозом.

— Сиеста, — прошептал Кардосо. — Если они еще здесь, то сейчас отдыхают после обеда.

— Погоди. — Кирилл поднял ладонь, прислушиваясь. — Слышал?

— Похоже на храп. Кто-то спит прямо на крыльце? Часовой?

— Я им займусь, — сказал Кирилл.

— Не торопись. Сначала заглянем в конюшню.

Они переползли ближе к длинному сараю на краю деревни, куда вели следы.

Свежие кучки конских яблок и непросохшие лужи говорили о том, что совсем недавно тут были лошади. Вот здесь стояли четыре коня. Стояли долго, видимо, провели тут ночь. А вот следы еще четырех — они пришли с гор.

— Сволочи, — выдохнул Кирилл. — Ушли в засаду пешком, а вернулись на наших лошадях. И смылись.

— Нет, — шепнул майор, доставая «ремингтон» из-за пояса. — Они еще здесь.

Они крались между сараями и высокими глиняными кувшинами, где хранилось зерно, прислушиваясь к громкому прерывистому хрипу. Но чем ближе Кирилл подходил к площади, тем меньше становилась его уверенность, что этот звук издает спящий часовой. Когда же он выглянул из-за угла, перед ним открылась печальная картина.

Посреди площади находился колодец под высоким навесом, и на перекладине висел вниз головой человек в белой одежде. Рубаха закатилась, обнажая живот в багровых длинных рубцах и закрывая лицо. Руки его были связаны за спиной. Тяжелые, редкие вздохи человека сопровождались хриплым затухающим стоном.

— Сволочи...

Оглянувшись, Кирилл подбежал к колодцу, прижал к себе несчастного, чтобы тот не свалился, и двумя взмахами ножа покончил с веревкой. Осторожно присев и уложив человека на землю, он перерезал путы на руках.

Беднягу явно долго пытали. Кожа на его лице была цвета зрелой сливы. Один глаз затек огромной шишкой, над другим была рассечена бровь, корка запекшейся крови покрывала половину лба и блестящей массой склеила курчавые волосы.

Кирилл хотел дать ему воды и потянулся за фляжкой. Краем глаза он уловил движение справа. Его рука вместо фляжки выхватила кольт. Он развернулся и увидел мужчину в расстегнутой рубахе, который выходил из-за сарая, неся ведро в руке.

Его никак нельзя было принять за мексиканского крестьянина. Высокие сапоги со шпорами, кобура на бедре, оружейный пояс — дальше Кирилл не рассматривал, потому что выстрелил как раз повыше патронташа.

Между распахнутыми полами рубахи брызнула кровь. Мужчина согнулся и попятился, выронив ведро. Вторая пуля, ударив в голову, свалила его на землю.

Кардосо крикнул: а

— Слева!

Кирилл, не вставая, развернулся и вновь вскинул кольт. В черноте дверного проема мелькнуло лицо, и он выстрелил ниже. Но он не палил наугад. В то бесконечно длинное мгновение, когда спусковой крючок поддался под согнутым пальцем и клюв курка ударил по капсулю, в тот миг перед вспышкой дульного пламени Кирилл отчетливо увидел цель. Он видел распахнутый черный жилет и клетчатую рубашку под ним и пояс с блеснувшими полосками патронов. Его взгляд словно впился в промежуток между пуговицами рубашки и пряжкой пояса, и он словно ткнул в это место указательным пальцем... Продолжением пальца, продолжением руки, продолжением его взгляда была траектория пули. Громкий стон и звук падающего тела донеслись, когда эхо от выстрела еще металось по площади.

— А! Вон ты где! — злобно выкрикнул кто-то.

Быстрые шаги сзади. Он снова развернулся и нажал на спуск, но курок щелкнул впустую. Осечка! А бандит, выбегавший из-за дома, замедлил шаркающие шаги и тщательно прицелился, держа револьвер двумя руками. До него было с десятков шагов, не больше. Он был в длинном светлом плаще, взлохмаченный и бородатый. Распахнутый плащ хлопал полами и развевался у него за спиной, пока он бежал, целясь на ходу.

Кирилл не успел нажать на спуск еще раз, как раздался выстрел майора. Бандит словно споткнулся. Он выронил револьвер и сделал еще пару шагов на подгибающихся ногах, а потом повалился в пыль, раскинув руки в стороны.

— Должен быть еще один, — спокойно сказал Кардосо.

Где-то хлопнула дверь, а потом раздался топот копыт.

— Уходит! — крикнул Кирилл, вскакивая с земли.

Майор перебежал через площадь к дому, подпрыгнул, ухватившись за край крыши, и с неожиданной ловкостью забрался наверх. Стоя на крыше, он вытянул обе руки, плавно поднимая длинноствольный «ремингтон». Топот копыт отдалялся, но вот, наконец, майор застыл — и выстрелил. Еще раз, и еще!

— Готов, — с облегченным вздохом произнес он. — Крис, проверь этих троих. Хорошо бы поговорить хотя бы с одним...

Увы, надеждам Кардосо не суждено было сбыться. О чем можно говорить с теми, кого уже волокут черти, а им остается только смотреть на свои бездыханные тела?

Вернувшись к крестьянину, который уже немного пришел в себя, Кирилл дал ему напиток.

— Все хорошо, амиго, — говорил он, поддерживая голову. — Мы их прикончили, видишь? Чего они от тебя хотели?

— Спрашивали... Про Мясника спрашивали... Я староста... Всю ночь мордовали... На рассвете ушли в горы, а нашим сказали... Сказали, что, если меня отвяжут, они убьют всех...

— В деревне кто-то есть? — спросил Кардосо, заглядывая в окна пустых домов, окружавших площадь.

— Не знаю... Нам приказали уходить... Ушли, наверно...

Но он ошибался. На площади появились двое крестьян. Они равнодушно глянули на убитых — и ушли, а через минуту вернулись с лопатами.

— Закопайте их на моем огороде, — окрепшим голосом распорядился староста и попытался привстать, но руки подломились, и он снова повалился в пыль. — На огороде, говорю! Нам тут все равно не жить. А земля там помягче...

— Кто вам приказал уходить? — спросил Кирилл. — Вот эти?

— Да нас уже несколько лет выгоняют... Теперь-то мы уйдем.

Кардосо вышел из-за дома с чужой винтовкой в руках и двумя патронташами через плечо:

— Крис, а ведь мы едва не опоздали. Минута-другая, и мы бы их не застали. Тут на огороде стоят лошади, готовые для перехода.

— Вот и отлично, — сказал Кирилл и похлопал крестьянина по плечу: — Если надумаете уходить, они вам пригодятся.

— Спасибо, сеньоры. — Староста откашлялся, выплюнув сгусток крови, и обтер губы. — Знать бы, кто такой Мясник. Наверно, хороший человек, если гринго так его боятся.

— Хороший, хороший, — кивнул майор. — Это он нас послал. Так всем и передай. Мясник посчитается с теми, кто обижает людей.

Профессорская карта состояла из нескольких листов писчей бумаги, наклеенных на полосу ткани. Адамс, возможно, был хорошим геологом, но, составляя свои карты, он мало заботился о тех, кому придется рассматривать их в его отсутствие.

— Видимо, сейчас мы здесь. — Майор постучал пальцем по зубчатой линии. — Спуск, и вот — река. Вот поселок, где мы побывали. Мескиталь. Западное направление не прорисовано. Только абрис лесного массива. Но, я думаю, там должны быть тропы, ведущие к реке.

— Забудьте о тропах, — сказал Илья. — Эти уроды знают все тропинки лучше нас. Не будем облегчать их жизнь.

— Что ж, заберемся повыше. Мы можем долго продержаться в горах.

— Как долго?

— Неделю.

— А они? Сколько времени они могут потратить на нас?

Майор ответил не сразу.

— Ровно столько, сколько нужно для результата.

— То есть они не отстанут? — спросил Кирилл.

— Нет.

— Но, по-моему, мы уже в Мексике.

— Да. Это не имеет значения. Или вы предпочитаете, чтобы за нами охотилась мексиканская кавалерия? Не сомневаюсь, что она уже получила такое предложение от полковника Тирби. Кавалеристы будут действовать на равнине, вдоль дорог. Рейнджеры и так называемые старатели останутся в горах. — Кардосо говорил, продолжая разглядывать карту. — Их тактика нам уже известна. Что касается численности, то им вполне по силам выставить в каждую засаду по пять-шесть человек. Этого достаточно. Даже при неудаче они смогут навязать нам бой. А для нас любое столкновение подобно смерти.

Кирилл забрал у майора карту.

— Что вы там ищете? Дорогу? Диспозицию противника? Нет там ничего такого. Ничего, кроме двух деревень. Ближе к нам — Мескиталь, а к западу... — Он с трудом разобрал почерк Адамса. — К западу — Паломитас. Всё. Здесь проходит граница мира. Дальше — терра инкогнита.

— Паломитас? — переспросил Хуан. — У меня там кум живет. Ну, жил раньше, до выселения. Я слышал, их отправили на равнины. Но, может, кто-нибудь остался? Да меня там все знают. Заглянем туда?

— Заглянем, — решил Илья. — Навестим твоего кума.

— А если там... — Майор не договорил.

— Их тоже не мешает навестить, — сказал Кирилл. — Хоть посмотрим, кто это такой шустрый за нами гоняется.

Остерман сложил карту.

— Решено. Спускаемся прямо здесь. И немедленно. Майор, раздайте патроны для «маузеров».

— Всем?

— Всем, — помедлив, ответил Илья.

Когда-то этот поселок знал лучшие времена. Сейчас же крайние дома пустовали, и только вокруг полуразваленной церкви еще жили несколько семей.

Хуан сходил на разведку и вернулся с добрыми вестями: чужих в поселке нет. Кум, слава Богу, жив и здоров, хоть и напуган изрядно. На днях через Паломитас пронеслась очередная банда. Главарь обещал вернуться и разграбить поселок. И теперь жители не знали, что им делать — спрятаться в горах на время или уехать навсегда.

— Но пока они ждут нас, — сказал Хуан, немного смущаясь. — Может быть, вы им что посоветуете? Когда кум услышал, что мы идем в долину Горячих Камней, он мигом подобрел. Поначалу все на винтовочку мою косился, а тут чуть не обниматься полез. Замолви, говорит, за нас словечко перед своими.

— В попутчики набивается? — спросил Рико. — Ты бы рассказал ему, что мы только что четверых попутчиков похоронили. Он бы и успокоился.

— Да не успокоится он. Сами посудите, куда им деваться? Житья тут не будет. Рано или поздно придут англос, все разроют. Белым покоя не дает, что у нас под ногами медь, или там серебро, или там нефть. А до вашей долины им вовек не добраться.

— Ты, может, и сам надумал у нас поселиться?

— Я? Так надо же где-то жить...

Рико отвернулся с презрительной гримасой, но тут вступил Мануэль:

— А что? Долина большая, земли много, всем места хватит. А дорогу к ней никто не знает, можем еще тысячу лет спокойно прожить. Семья большая у кума твоего?

— Трое мальчишек да четыре девки, — оживился Хуан. — Да вы не бойтесь, они обузой не будут. Три мула у него, повозка большая, а лишнего ничего не возьмут. Мужик он надежный и в солдатах послужил. Так вы его возьмете?

— А если за ним и все остальные увяжутся! — взорвался Рико. — У нас на пятках целая армия, а мы с твоими кумовьями таскаться станем! Сеньор Билли, да скажите вы ему!

— Людям надо где-то жить, — сказал Остерман. — А что, Хуан, много таких деревень, откуда народ выселяют?

— Да, почитай, вся округа такая. Как реформа началась, так и пошло-поехало. Раньше все земли монастырскими были, а мы считались арендаторами. Потом у церкви землю отняли, и участки надо было выкупать. Кто мог заплатить, стал собственником. Только потом все собственники оказались за границей. А мы вроде как никто. Ну, и началось переселение.

— У нас такая же история была, — сказал Мануэль. — Давно, еще при старой власти. Только мы ничего выкупать не стали. Не доехали до нас продавцы. Как жили, так и живем. И ничего, управляемся, с Божьей помощью.

— То есть на всех дорогах можно встретить переселенцев, так? — спросил Остерман.

— Ну, так.

— Скажи куму, что мы не против. Как стемнеет, придем в гости. Пусть приготовит место для ночлега. А на рассвете отправимся.

Хуан вскочил:

— Так идемте сейчас, чего ждать?

Илья показал пальцем на горы по ту сторону долины:

— Видишь лес? Деревья различаешь? Вот и нас оттуда тоже могут увидеть. Дождемся вечера. Так спокойнее.

Глядя вслед уходящему пеону, Рико проворчал:

— Зря вы согласились, сеньор Билли. С таким обозом мы уже по горам не пройдем. Придется по дорогам...

— По дорогам быстрее, — ответил Илья.

— Я понял ваш замысел, — сказал майор Кардосо. — Продолжить путь под видом переселенцев? Неплохая идея. Единственная проблема заключается в том, что нищие крестьяне не ездят верхом, да еще с «маузером» за спиной.

— А как ездят нищие крестьяне?

— Они бредут пешком. Они тянут за собой тачки с домашним скарбом. И только немногие едут в повозке.

— Будем надеяться, что для наших девочек найдется место в повозке, — сказал Илья. — А мы с вами как-нибудь обойдемся без маскировки.

31

Сосчитать всех

Кирилл остался доволен новым домом, в котором ему предстояло провести всего одну ночь.

Дощатая дверь не имела ни замка, ни засова. Она легко отворилась, впуская новых жильцов. За ней, сразу у порога, стояла деревянная широкая кровать. На стене, бурой от всепроникающей пыли, сохранилось светлое пятно распятия. Дальше, за тростниковой перегородкой, находилась просторная комната. У окна стоял голый дощатый стол, а напротив него — широкий лежак.

Ничего лишнего. И прекрасный обзор. Одно окно смотрело на дорогу, второе — на запущенный огород.

— Сейчас женщины принесут постель и приберут здесь, — сказал Хуан. — А нас ждет кум. Стол накрыт, сеньоры.

Стол был накрыт на веранде дома, стоявшего у самой церкви, и все деревенские мужчины уже сидели за ним. Их было шестеро, и в свете масляных ламп они казались близнецами — в одинаковых домотканых рубашках, с одинаковыми висячими усами и абсолютно одинаковым выражением на их лицах. То было выражение привычной скорби.

Хуан немногословно представил гостей. Кум хотел что-то сказать, но тут из темноты возникли женщины с дымящимися мисками и подносами, на которых громоздились

кувшинчики и плошки с разными приправами и подливками.

Все молча следили за тем, как на тарелках вырастают горки ароматного риса, и как поверх него ложатся куриные крылышки, и как все это исчезает под слоем зелени, и на зелень льется соус...

— От такого соуса у меня даже глаза слезятся, — сказал Мануэль, потирая руки. — Подумать страшно, что же будет с глоткой!

— А ничего с твоей глоткой не станется, — пообещал кум, откупоривая глиняный кувшин, — потому что ты ее сейчас смочишь.

Кирилл слегка подтолкнул Илью локтем:

— Текилой не увлекайся.

— Ну, хозяев обижать нельзя.

— Нам ночную вахту стоять.

— Шутишь?

— Шутки кончились. Завтра избавимся от девчонок, и все пойдет по-другому.

— Не понял. — Илья застыл, не донеся кружку до губ.

— Хватит играть в прятки, — сказал Кирилл и чокнулся с другом. — Твое здоровье, командир.

А на столе уже не осталось свободного места, и тарелки ставились поверх блюд. Столь обильное угощение объяснялось просто — крестьяне избавлялись от лишних запасов. Все, что не удастся взять с собой, придется съесть — не оставлять же бандитам. А в том, что бандиты непременно заявятся, никто не сомневался. И никто не хотел встретиться с ними снова. Поэтому застольный разговор быстро свелся к обсуждению предстоящего перехода.

— Эх, были бы лошади, — вздохнул кум. — У Рамиресов есть телега, так хоть самим в нее запрягаться! И на дворе покойного Санчеса фургон стоит ладный, жалко оставлять. А сжечь рука не поднимется.

— Лошади у вас будут, — сказал Остерман. — Десяток лошадей. Хватит и для Рамиресов, и для фургона.

— Откуда они возьмутся? — спросил Кирилл.

— А ты посчитай сам. Хуан со своими — три лошади. Луисита со своей командой — пять. Да Мануэль с Рико. Вот тебе и десяток.

— А я думал...

— Что ты думал?

— Ничего. — Кирилл махнул рукой. — Я просто не так быстро считаю, как ты.

Он не мог признаться, что подумал совсем о другом. Но когда утром весь поселок всполошился, узнав, что приближается банда, Кирилл только усмехнулся: «Вот и лошади».

Весть принес житель соседней деревни. Ночь напролет он брел по дороге, толкая перед собой тачку, в которую уместилось все его имущество. Бандиты перебили всех кур, обчистили амбары, забрали мулов и коз и выгнали жителей — а потом устроились на ночлег в единственном уцелевшем доме. Да и тот пообещали сжечь утром, когда они двинутся на Паломитас.

Начались суматошные сборы, и Кирилл был единственным, кто не принимал в них участия. Он не стал вместе со всеми запрягать, таскать, грузить. Каждый должен заниматься своим делом. Он поднялся на колокольню, затем обошел площадь, заглядывая в окна прилегающих домов. А потом подошел к майору:

— Как вы думаете, сколько мужчин могут разместиться в одном крестьянском доме?

— Не больше десятка.

— Значит, банда, которую мы ждем, совсем маленькая.

— А мы ее ждем? — Кардосо опустил на землю корзину, которую только что собирался погрузить в фургон. — Что ж, можем и подождать.

— Вот именно, можем. Нам спешить некуда, — сказал Кирилл. — Подождем. А потом нагоним караван.

Полковник Тирби заплатил ему сто долларов и сказал, что это только задаток. Возможно, он думал, что Рибейра просто умрет от счастья. Но для дона Хосе эти деньги ничего не значили. Ну, почти ничего. Конечно, приятно, когда лишняя пара сотен бренчит в кармане. Но ни за какие деньги не купишь того удовольствия, что приносит удачная охота.

А поохотились они в этот раз более чем удачно. Мильпильяс и Лос-Фреснос оказались заселенными беженцами с востока. Всего несколько лет назад эти метисы перебрались сюда, спасаясь от мятежных индейцев. Откуда им было знать, что земли тут принадлежат богатым янки? Поселились в брошенных домах, засеяли поля, собрали урожай. Думали, что так и будут процветать, вдали от властей и войны. Да не вышло. Пусть убираются куда подальше. Дон Хосе еще обошелся с ними по-человечески. Никого не пристрелил и не ободрал догола. Покидая Мильпильяс, он прихватил мулов. А в Лос-Фресносе нагрузил их мешками с рисом и мукой. Вот и вся добыча. Прайда, за седлом каждого из его людей виднелись туго набитые сумки и выюки. Лишний груз снижал скорость передвижения, но зато повышал настроение. А впереди еще был Паломитас, где был назначен сбор всех, кто участвовал в облаве на Маноло-Мясника. Рибейра знал, что туда подтянутся и рейнджеры, и лесные банды. Соберется большая толпа, и хорошо бы всех опередить, чтобы занять домик поуютнее, а не кормить блох в сарае.

Он был уверен: напуганные жители поселка спрятались в горах, зарыв припасы где-нибудь на огородах. А у Сантоса, помощника Рибейры, был просто звериный нюх на такие клады. Он обязательно найдет и кувшины с текилой, и копченую свинину, и запасы овса для утомленных лошадей. Паломитас располагался у подножия гор, которые спасали его от жары и ветра. Чудесное местечко для отдыха...

Но благодушное настроение мигом покинуло Рибейру, как только он въехал в поселок.

Посреди площади, возле дома с верандой, стоял незнакомец, и по всему было видно, что это не местный житель. У местных не принято носить оружие, да еще сразу два кольца — один на поясе, второй под мышкой.

Незнакомец стоял, заложив большие пальцы за ремень, и безмятежно улыбался.

Но Рибейра, остановив свою лошадь в десятке шагов от него, не стал улыбаться в ответ.

Дон Хосе старался одеваться так, чтобы его уважал и самый последний подонок, и самый отъявленный щеголь. Его походный жилет из тонкой красной кожи был украшен серебряным шитьем. В седельных сумках хранились шелковые сорочки, и после перехода по раскаленным пыльным дорогам Рибейра мог предстать хоть перед королевой, не опасаясь за чистоту своего воротника. О сапогах и шпорах, об изысканной шляпе и говорить нечего.

И вот сейчас дон Хосе Игнасио де Рибейра вдруг понял, что тряпки — это всего лишь тряпки.

Во взгляде незнакомца не было насмешки, но не было и уважения. Он просто не замечал, как одет дон Хосе. Его черная рубашка была жесткой от въевшейся пыли. Его простая шляпа выгорела сверху и лоснилась по краям полей. Его остроносые сапоги тоже были покрыты пыльной коркой. И на пальцах его не было ни одного перстня. Но Рибейра готов был сам купить этому незнакомцу и перстни, и шляпу, и дюжину сорочек, лишь бы он перестал так смотреть на него.

Если бы Рибейра умел формулировать свои ощущения, то он мог бы сказать, что незнакомец смотрел на него не как на дона Хосе, а как на мишень в тире.

Но Рибейра не умел формулировать свои мысли, потому что мыслей никаких и не было. А был только безотчетный страх, которого он тут же устыдился.

— Буэнас! — Незнакомец приподнял шляпу. — Меня прислал полковник Тирби.

— Зачем?

Незнакомец не отвечал, разглядывая людей Рибейры, которые один за другим появлялись на площади и останавливались вокруг своего предводителя.

— Что еще нужно полковнику? — раздраженно спросил Рибейра.

Он подумал, что Тирби хочет дать ему какое-нибудь новое задание. И заранее решил послать наглого гринго к черту. Он не мальчик на побегушках. Пусть командует своими

прихвостнями, а у дон Хосе есть и собственная голова на плечах...

— Мне надо знать, сколько у тебя людей, — сказал незнакомец.

— Сколько бы ни было, все здесь, — ответил Рибейра.

— Отлично. Подожди минутку.

Незнакомец развернулся и поднялся на веранду. Рибейре вдруг захотелось выстрелить ему в спину. Просто так, от ненависти ко всем этим высокомерным и тупым гринго...

И вдруг Сантос заорал:

— На крыше! Смотрите на крышу!

«Засада!» — понял Рибейра, выхватывая револьвер. Он не стал оборачиваться, чтобы смотреть на крышу. Перед его глазами стояла только спина наглого незнакомца, и он выстрелил в нее — и обнаружил, что стреляет в пустоту.

Падая за дощатую ограду веранды, Кирилл слышал только хлопки револьверных выстрелов. Пули барабанили по доскам, и он перекатился в дальний угол, под защиту каменной опоры. Здесь можно было и привстать на одно колено, и выглянуть поверх ограды — и выпустить несколько пуль по бандитам. Их кони, сталкиваясь, кружились на месте. Всадники беспорядочно палили во все стороны, и Кирилл выбил двоих, прежде чем его заметили. Но наконец с крыш ударили винтовки, и Кирилл нырнул в открытое окно, чтобы не попасть под огонь маузеров.

Он пронесся по пустой комнате, через окно выскочил к огороду и перебежал к соседнему дому. Грохот выстрелов смешивался с воплями и диким ржанием, над площадью поднялось облако пыли и дыма.

За углом его ждал винчестер. Он вскинул винтовку и взял под прицел дорогу. Как только на ней показался удирающий бандит, Кирилл ссадил его первым же выстрелом. В следующий миг из-за угла вылетел еще один конь, без всадника — только в стремени болтался застрявший сапог.

Вопли стихли, прекратилась и пальба. Вот ударил еще один выстрел, а потом прозвучал голос майора:

— Отличная работа, амиго.

Кардосо прыгнул с крыши соседнего дома и подобрал с земли чей-то револьвер. Прокрутил барабан и направился к центру площади, где под ногами лошадей валялись окровавленные тела. Кирилл двинулся за ним, поводя стволом винчестера по сторонам.

Майор перешагнул через один труп, носком сапога перевернул второй. Возле третьего тела он задержался, чтобы выстрелить лежащему в голову.

— Не вижу главаря, — сказал Кардосо.

— Двое удрали, — крикнул с крыши Рико. — На одной лошади. К речке. Я бил вдогонку, но там камыши...

— Плохо, — заключил майор и посмотрел на Кирилла.

Тот развел руками:

— Я стрелял в него, он заслонился конем. Наверно, его кто-то подобрал. Еще можем догнать.

— Не стоит.

Кардосо присел над лежащей раненой лошадью, которая громко всхрапывала и била ногами в пыли. Вставил револьвер в ухо и отвернулся. Кирилл невольно зажмурился и услышал приглушенный выстрел.

— Сердце разрывается, когда приходится добивать коня, — вздохнул Кардосо, сунув кольт за пояс. — Ну что, пора уходить.

— Как так — уходить? — послышался голос Хуана. — Уйти? И все бросить?

Он вышел на площадь, сжимая винтовку, и изумленно оглядываясь по сторонам.

Вокруг него лежали в пыли окровавленные тела тех, кто столько раз с презрительным спокойствием въезжал в его деревню и по-хозяйски вытаскивал из амбаров мешки с мукой. Сегодня вместо муки им достался свинец. И этим свинцом накормил их он.

Из своих укрытий на площадь осторожно выходили жители поселка. Робко приближались они к трупам бандитов, не решаясь прикоснуться к ним. Даже мертвые, грабители наводили ужас на жителей деревни.

Преодолев страх и отвращение, крестьяне стаскивали с убитых патронные ленты, пояса и сапоги. Осмелев, они уже не брезговали и одеждой. Потом, перевалив раздетый труп на кусок холста, они вшестером уносили его в сторону кладбища. Трофеи складывали в кучу, чтобы потом разделить по справедливости.

Кирилл и майор сидели на ступенях веранды, дымя сигарами. Илья, спустившись с колокольни, подошел к ним.

— Как быстро все получилось, — сказал он, присаживаясь рядом и поставив винчестер между колен. — Пока я их ждал, прошла целая вечность. А когда началось, успел выпустить только шесть пуль. И все.

— Повезло. — Майор пожал плечами. — Если бы мы имели дело с солдатами, они бы не сбились в кучу, как бараны. И нам бы пришлось повозиться.

— Ничего, — сказал Кирилл. — Теперь справимся и с солдатами.

32

Выйти из игры

Бен Гаттер сидел на раскладном стуле и ждал, пока ему принесут кофе. Пусть мир вокруг рушится в геенну огненную, но он не шевельнется, пока не выпьет послеобеденную кружку кофе.

Хезелтайн покачивался в гамаке, отгоняя комаров веткой.

— Дойдем до Паломитаса и поворачиваем обратно, — сказал он, зевнув. — Мы сделали все, что могли, Я предпочитаю вовремя выйти из игры, пока не растерял все, что имел.

— Это не игра, — буркнул Гаттер.

— Все на свете — игра, — лениво процедил Хезелтайн. — Различие только в ставках. А суть одна и та же. Ты можешь выиграть лишь в том случае, если кто-то проиграет. Если у тебя есть доллар, значит, кому-то именно этого доллара не хватило, чтоб не сдохнуть к голоду.

— Чтобы не сдохнуть с голоду, доллар не нужен.

— Ты прекрасно понял, что я имел в виду. Просто не хочешь признать, что Мясник выиграл. А мы продулись. Пора вставать из-за стола.

Повар наконец подал Гаттеру кружку. Сделав первый глоток, Бен поморщился: кофе оказался слишком сладким. Новый повар еще не изучил его привычек. А старый остался лежать в лесу за каньоном, с пульей между глаз.

— И вовсе мы не продулись, — сердито сказал он.

— Все так говорят, когда хотят отыграться. Надо уметь считать. Сколько ребят было с тобой, когда ты вышел из Тирби? А сколько их сейчас?

— Все в строю.

— Не надо, Бен. Я же слышал, как судачили парни насчет двух могил в лесу. Но продолжим наши подсчеты. Сколько дней мы потратили, мотаясь по горам? Не знаю, как ты, а я предпочел бы провести это время в конторе.

«А тебя тут никто не держит», — мог бы ответить Бен Гаттер. Он подозревал, что Хезелтайна к нему приставил сам полковник Тирби, чтобы рейнджеры, гоняясь за бандой по мексиканской территории, не заглянули куда не следует. Гаттер слышал о каких-то незаконных приисках, но всегда считал, что его это не касается. Его дело — охранять границу, а не совать нос на другую сторону. Сейчас он находился на чужой земле, и это его раздражало. Он не хотел участвовать в темных делишках. Все должно быть чисто. Когда действуешь по закону, это удешевляет силы. Можешь крушить все подряд, если у тебя за спиной Закон. А теперь придется ходить на цыпочках, придется деликатничать с местными

властями. А власть тут — армия. А тупым продажным солдафонам не объяснишь, что Бен Гаттер прибыл сюда не из-за корысти, а всего лишь чтобы спасти несчастного старика, которого похитили мексиканские ублюдки...

— Вовремя выйти из игры — большое искусство, — продолжал Хезелтайн. — Самый хороший игрок делает это на взлете, когда всем вокруг кажется, что он цепко ухватил фортуна за хвост.

— А я думаю, что самый хороший игрок тот, кто бьется до конца, — сказал Гаттер. — До последнего цента. И до последнего патрона. А не поднимает лапки кверху. Вот так.

Он вытряхнул кофейную гущу и кинул кружку повару. Тот ухитрился поймать ее, и Бен подумал, что и; парня, может быть, и выйдет толк.

— Вот так, — повторил он, вставая, и отыскал взглядом помощника. — Флорид, поднимай ребят. Выходим через десять минут.

Хезелтайн перестал раскачиваться.

— Надеюсь, мы идем в Паломитас?

— Да.

— А оттуда — домой?

— Может быть. Если не встретим Мясника по дороге.

Дорога то петляла между отрогами, то горбилась, пересекая череду холмов. Хезелтайн с Мутноглазым держались в конце колонны, между парой обозных фургонов.

— Босс, ты можешь мне сказать, какого черта мы тут делаем? — спросил Лагранж. — Или нам заплатят жалованье, как рейнджерам? Я не помню, чтобы подписывал контракт с Гаттером.

— У тебя контракт со мной.

— Это я как раз помню. Очень хорошо помню. С удовольствием отработаю, только покажи цель. Хочешь, я уберу Гаттера? И мы спокойно вернемся домой. Хочешь?

— Тогда уж убери сразу и меня, и полковника.

— Нет. Мне это невыгодно. На кого я стану работать, если не будет ни тебя, ни полковника?

— А ты на него работал?

— Ну, разве ты и он — не один черт?

— Нет. Мы с полковником — это два черта. Два очень разных черта.

Хезелтайн смочил платок водой из фляги и обтер лицо и шею. Колочащая щетина на скулах напомнила ему, как давно он не брился, не мылся, не переодевался.

«И точно, грязный, как черт, — подумал он. — А Сайрус Тирби — черт-чистюля. Представляю, как он сейчас нежится в постели с какой-нибудь из пташек Эвелины...»

— Смотри, босс, еще какие-то бездельники, — проговорил Мутноглазый, вглядываясь в знойное марево.

Наперерез рейнджерам из-за холма вытягивалась колонна мексиканской пехоты. Впереди гарцевали трое офицеров. За ними устало брели солдаты в мундирах песочного цвета, с винтовками, взятыми на плечо.

Хезелтайн похлопал коня по шее, посылая вперед. Он догнал Гаттера, когда тот уже приближался к мексиканцам. От тройки офицеров отделился один и поскакал им навстречу.

— Я Бен Гаттер! Аризонские рейнджеры, Тирби! Преследуем банду Мясника.

— Капитан Алонсо! Мы вышли из форта Кано, и капитан Рамирес доложил мне о вас. Ведете поиск? Есть результаты?

— Пока ничего.

— В таком случае советую вам быть поосторожнее. Разведка доложила о бое в районе Паломитаса. Там не было ваших людей?

— Нет.

— Наших тоже.

— Кто же там стрелял?

Капитан пожал плечами:

— В этой стране дети берутся за оружие раньше, чем начинают ходить. Но мы постараемся, чтобы Мясник больше не беспокоил мистера Тирби. Сам генерал приказал мне действовать решительно. Понимаете, что это значит? Решительно! Я понимаю, вы, американцы, уважаете закон. Вам очень хочется, чтобы бандиты предстали перед вашим судом. Но мы будем действовать решительно. Самое большее, на что вы можете рассчитывать, — это опознание трупов бандитов.

— Меня бы это устроило, — кивнул Гаттер. — И чем труднее будет опознать, тем лучше.

— Мы постараемся, — улыбнулся капитан.

— Как вы рассчитываете догнать банду? — спросил Хезелтайн, глядя на нестройную растянувшуюся колонну.

— Не сомневайтесь, догоним, — гордо заявил Алонсо. — От Паломитаса им один путь — через Мараньон. Эта деревня бунтует, но она уже окружена нашими войсками. Сейчас подойдем мы, и кольцо замкнется. Если банда будет там, ее постигнет судьба остальных мятежников. Если же повернет обратно, то столкнется с нами и будет уничтожена. Как видите, им не уйти от правосудия.

— Мы подождем вас в Паломитасе, — сказал Хезелтайн. — И на месте согласуем дальнейшие действия.

Алонсо посмотрел на Гаттера, и тот кивнул:

— Да, на месте разберемся. До встречи, сеньор капитан.

Когда Алонсо ускакал, догоняя голову колонны, Гаттер сказал недовольно:

— Джерри, позволь мне самому договариваться с военными. Они должны знать, что у рейнджеров один командир. Когда командуют двое, это уже бардак. А мексиканцам и своего бардака хватает.

— Разве я командую? — удивился Хезелтайн. — Я всего лишь сопровождаю тебя. Чтобы тебе было с кем посоветоваться. Кстати, уж не намерен ли ты штурмовать мексиканскую деревню вместе с армией?

— Нет. Но я намерен найти Адамса. И привезти в город голову Мясника.

— Твое упорство меня всегда восхищало, — сказал Хезелтайн.

К вечеру отряд Гаттера достиг поселка. Дома были пустыми, но целыми. Только самые крайние пострадали от недавнего пожара. Посреди улицы лежала павшая лошадь, над которой копошилась стая грузных стервятников. Другая стая громко переругивалась за кладбищенской оградой, и Хезелтайн понял, откуда взялись на площади темные пятна впитавшейся крови.

Там, под оградой, лежали девять трупов — кто голый, кто в исподнем.

— Мясник совсем рехнулся, — сказал кто-то из рейнджеров. — За что местных расстреливать?

— Еще неизвестно, кто кого тут расстрелял, — проговорил Гаттер, разглядывая тела. — Похоже, что беднягам пришлось туго.

— Сколько дырок-то.

— Их напиговали свинцом.

— Да, уютное местечко для ночевки.

— Надо бы их хоть песком присыпать. К утру вонять начнут.

Пока рейнджеры осматривали поселок, Хезелтайн выбрал себе дом для ночлега. В дальней комнате, где стояла деревянная кровать, пол был застелен циновками. Видимо, хозяева их забыли, собираясь в спешке. Зато не забыли прихватить посуду и даже гвозди повывергивали из стенок.

Лагранж прошелся по комнате, заглядывая в углы:

— Ну и дыра! Говорят, сюда еще и солдаты идут. Понабьются везде, не продохнешь. Может, двинем отсюда, пока не поздно? Не нравится мне такое общество.

— Чем ворчать, иди лучше покрутись возле кухонного фургона, — сказал

Хезелтайн. — Раздобудь чего-нибудь на ужин.

Оставшись один, он разлегся на досках, не снимая сапог. Ему давно уже хотелось оторваться от рейнджеров и вернуться домой. Надежда догнать Кардосо становилась все призрачней, а значит, пора смириться с тем, что карты Адамса ускользнули из рук. Надо возвращаться. Надо следить за полковником. Тот вполне может проверить сделку с калифорнийцами. Провернуть так, что в выигрыше будет он один. И плевать ему на партнеров. Надо срочно возвращаться...

«Уйду на рассвете, — решил он, стягивая сапоги. — Пока я не потерял ничего, кроме времени. Пора начинать новую игру. Но на этот раз я знаю, кто мой противник. Что ж, мистер Тирби, сдавайте карты».

Наутро он обнаружил, что поселок запружен солдатами. Те, кто не поместились в домах, спали вповалку в сараях и просто под стенами. Чадили догорающие костры, и возле винтовок, составленных в козлы, сидели на земле часовые, играя в кости.

Рейнджеры собрались раньше, чем проснулись солдаты, и, оседлав коней, выстроились вдоль улицы. Гаттер оглядел бойцов и произнес речь, не выпуская сигары из зубов:

— Парни! Я знаю, что многие из вас устали. Но дело надо довести до конца. Мы преследуем бандитов, которые похитили американца. Профессор Адамс — гражданин великой страны. И мы никому не позволим покушаться на нашу свободу. Дадим урок этой мрази. Сделаем дело и вернемся домой. По коням.

Хезелтайн ехал рядом с Гаттером, пока дорога шла вдоль реки. Но возле брода он остановился:

— Знаешь, Бен, мне пора возвращаться.

— Как хочешь. Пойдешь через перевал? Или повернешь обратно, по дорогам?

— Через перевал, конечно. Так короче.

— Дать тебе пару человек?

— Спасибо, не надо. Ты ничего не хочешь передать полковнику?

— Брось, Джерри. Ты всерьез думаешь, что полковнику есть дело до нас? Ну, если спросит... — Гаттер на секунду задумался. — Тогда скажи, что мы будем искать Адамса, пока не найдем его. Или его тело.

— И как далеко ты собираешься зайти?

— Посмотрим.

Хезелтайн дождался Мутноглазого и свернул к горам. Его не страшила дорога через лес, через опасный перевал, потому что он боялся только одного — он боялся опоздать. Теперь он не сомневался, что Тирби избавился от него, чтобы проверить какую-то махинацию. Какую? Это тоже несложно вычислить. Продать рудник — и смыться. Хезелтайну придется работать с новыми партнерами. Но будут ли они нуждаться в нем так, как нуждался полковник?

Он глубоко задумался и вздрогнул от неожиданности, когда рядом щелкнул взведенный курок. Лагранж предостерегающе поднял руку. В другой руке он держал револьвер, наведенный на кусты справа от тропы.

— Эй ты, там! — крикнул он, пригнувшись к шее коня, — Не вздумай стрелять! За нами идет отряд рейнджеров! Опустить ствол!

Хезелтайн никого не видел за кустами, но тоже согнулся, прячась за шею лошади.

— Опустить ствол, тебе сказано!

— Ты тоже! — раздалось в ответ.

Лагранж крутанул револьвер на пальце и лихо вогнал его в кобуру. Но Хезелтайн видел, что его левая рука при этом скользнула к бедру, где висел второй кольт.

— Вылезай на свет!

— Нет. Я лучше подожду рейнджеров. Бена Гаттера я знаю, а тебя вижу впервые.

Хезелтайн немного разогнулся:

— Тогда ты и меня должен знать.

— О, мистер Хезелтайн! Как хорошо, что я вас встретил...

Ветви зашевелились, и из них показался человек, с ног до головы измазанный рыжей глиной. Она засохла и висела на одежде струпами.

— Я друг миссис Эвелины Фраун. Меня зовут Хосе Игнасио де Рибейра. А это Сантос.

— Где?

— У вас за спиной. Держит вас на мушке. Вы уж не обижайтесь, в лесу надо быть поосторожнее с незнакомцами.

Хезелтайн медленно повернул голову и увидел за деревом второго, тоже в глиняной корке. Тот продолжал целиться в них из винчестера.

— Сантос, это свои. — Рибейра махнул рукой. — Мы вчера попали в засаду. Еле-еле ушли. Конь скovyрнулся, пришлось пробиваться пешком. Чуть в болоте не увязли. Так вы говорите, рейнджеры подошли? Зачистили Паломитас? Жаль, меня там не было. Я бы зубами вырвал печенку тому гринго... Надеюсь, Гаттер не брал пленных?

— Если ты пойдешь ему навстречу, сможешь сам у него все спросить, — сказал Хезелтайн, махнув рукой в сторону реки.

— Нет, я здесь подожду, — устало ответил Рибейра. — Мне теперь спешить некуда. Должен был везти миссис Фраун и полковника в Туссон, да только придется им без меня ехать.

— В Туссон? — переспросил Хезелтайн, холодея от ярости.

«Они уже все состряпали! Они уже готовы смотаться!»

— Ну да. И с ними еще гости из Калифорнии. Миссис Фраун везде ездила только со мной. Под нашей охраной ей нечего было бояться, что в Аризоне, что в Мексике. А теперь... — Он безнадежно вздохнул и, пересилив гордость, сказал: — И людей моих всех положили, и табака не осталось ни крошки, все размокло...

Хезелтайн расстегнул сумку и достал жестяную коробку с сигарами. Сантос подошел к нему сзади, бурными от глины пальцами осторожно ухватил две сигары и передал их Рибейре.

— Джо, ты не забыл про свой контракт? — спросил Хезелтайн Лагранжа, доставая спички.

— Я о нем помню, даже когда сплю, — ухмыльнулся Мутноглазый и встряхнул кистью, разминая пальцы.

— Так поработай немного.

Хезелтайн кинул коробок Сантосу. Тот поймал его, зажег спичку и, бережно укрыв огонек ладонями, поднес его к сигаре Рибейры.

Они не успели даже затануться. Два выстрела прозвучали слитно, как один, и оба мексиканца повалились на тропу.

Лагранж за ноги оттянул трупы в кусты, а потом долго оттирал ладони листвой и чертыхался:

— И надо же было так извозиться! Где они шатались? Надо было их валить сразу.

— Так чего же ты ждал? — спросил Хезелтайн, закурив.

— Боялся, что их много. А они ждали, когда мы проедем, чтобы стрелять в спину. Мексиканцы, они и есть мексиканцы. Думаете, они дали бы нам отъехать? Дали бы — ровно на пять шагов. А потом бы сняли, как голубей с ветки. И сели б на наших лошадок. Ну, всё, дальше поедem спокойно. Я чувал, что придется пострелять.

— Как почувствуешь снова, дай знать, — сказал Хезелтайн.

33

Мараньон

— Добро пожаловать в Мараньон, — сказал майор Кардосо, остановившись перед шестом, на который была насажена отрезанная голова.

Илья подъехал ближе, рассматривая фуражку, чудом державшуюся на запыленных свалевшихся волосах.

— Черная кокарда. Это что-то означает?

— Офицер правительственных войск.

— Дня три торчит, не больше, — авторитетно заявил Рико. — За неделю обклюют все до кости.

— Ну, и что дальше? — спросил Остерман. — Нас не встретят залпом?

Дорога поднималась вдоль обрыва на холм и упиралась в частокол. Над заостренными жердями иногда показывались широкополые шляпы. Илья понимал, что за ним сейчас наблюдают — возможно, через прицел — и старался показать, что преисполнен мирных намерений.

Там, за забором, находились земли, которые принадлежали крестьянам из деревни Мараньон. Мирные пеоны должны были переселиться отсюда еще тридцать лет назад. Но до сих пор полагали, что земельная реформа не про них писана. Чиновники, присылаемые из города, не возвращались обратно. Карательный отряд, посланный два года назад, даже не дошел до деревни — его всего за три ночи полностью истребили по дороге. Весной этого года сюда направили полк. Но он столкнулся с таким ожесточенным сопротивлением, что вскоре был переформирован в батальон, и теперь делал вид, что держит деревню в жесточайшей блокаде.

— Я бы послал парламентаря, — с сомнением протянул Кардосо. — Да только захотят ли они разговаривать с чужаками?

— Пускай Хуан идет, — сказал Рико. — Этот жук любого разговорит. Без мыла в задницу залезет.

Они вернулись к каравану, который вытянулся ниже по дороге. Илья решил идти вместе с Хуаном. Мараньонцы — народ гордый, и если уж они согласятся на переговоры, то только на самом высоком уровне. А Хуан, как ни ряди, тянул только на адъютанта.

Остерман снял оружейный пояс и отдал его Инес. Хуан тоже разоружился, с видимой неохотой.

— Может, возьмете белый флаг? — спросил Мануэль. — Я слышал, это принято на войне.

— Нет, — отказался Илья. — Мы не противники. Да и у кого ты найдешь чистый носовой платок?

Идти без оружия было удивительно легко, но весьма неприятно. Особенно когда в бойницах частокола показались стволы винтовок.

— Стоять на месте! — крикнул невидимый мараньонец. — Кто такие? Откуда идете?

— Я Хуан из Лас-Галинас! Со мной еще беженцы из Паломитаса, шесть семей, женщины да детишки! А идем мы в Сан-Педро, что в долине Горячих Камней! Переселяемся! Деревни наши сожгли, землю отняли, вот мы и...

— Землю можно отнять только у мертвеца! — презрительно перебил его мараньонец. — А кто это с тобой?

— Это? — Хуан почтительно повернулся к Илье. — Это наш командир.

— Я буду говорить со старшим, — сказал Остерман веско.

— О чем?

— Он тебе потом расскажет, если сочтет нужным.

— Ну, иди поближе, если ты такой важный.

Приближаясь к частоколу, Илья вовремя заметил в сухой траве низко натянутые ряды колючей проволоки. Очень трудно сохранять достойный и независимый вид, когда приходится задирать ноги, словно журавль. Но ему это удалось.

Над забором показалась усатая заросшая физиономия под солдатской фуражкой — точно такой, как на отрезанной голове, только с самодельной жестяной кокардой белого цвета. Мараньонец небрежно облокотился на колья и улыбнулся:

— Зря ты так долго возился, амуницию снимал. Мы тут никого не боимся.

— Да надоело таскать такую тяжесть, — улыбнулся в ответ Илья. — Уже вторую неделю сплю в обнимку с винтовкой.

— И как зовут винтовку-то? Я про ту красотку в штанах.

— Я вас, может быть, познакомлю. А может быть, и нет.

— Сначала сам назовись.

«Это не так просто», — подумал Илья Остерман. В разных местах его называли по-разному. В Нью-Йорке он перевел свое имя на английский, и стал Билли Истменом, А здесь...

— Зови меня Гильермо, — сказал он. — Гильермо Ориентес.

— Ну, а я Панчо Лопес. Начальник заставы,

— Ты, наверно, слышал, что сказал Хуан? Мы направляемся в Сан-Педро. И очень торопимся. Потому что за нами следом двигаются ужасно неприятные типы.

— Много их?

— Теперь уже меньше, чем было до Паломитаса.

— Так это вы там шумели?

— Было дело.

— Подожди минутку, амиго.

Минут через пять Лопес показался снова. Он перекинул через забор жердь с поперечинами и спустился по ней.

— Отойдем, Гильермо, — сказал он, понизив голос. — Не говори при друзьях то, чего не должен знать враг.

Начальник заставы был худым, даже истощенным. Залатанный офицерский китель болтался на нем, как на вешалке. Но ступал Панчо легко и быстро, как бы не замечая тяжести двух патронташей, кольта на поясе и винтовки на плече. Сначала Илье показалось, что Панчо намного старше его. Но когда Лопес улыбался, становилось ясно, что они ровесники. Его старили ввалившиеся щеки, седая щетина на скулах и скорбные морщины, но белозубая улыбка возвращала ему молодость.

— Не хочу тебя огорчать, Гильермо, но вам придется свернуть в сторону. За Мараньоном на всех дорогах стоят войска. Таких, как вы, они хватают и под конвоем гонят на станцию. Три дня пути. Кто дойдет, тех грузят в вагоны и увозят на юг. А вы, как я вижу, собрались совсем в другую сторону. — Панчо поглядел на дорогу, где вокруг остановившихся фургонов бегали ребятишки. — Так что бросайте свои телеги, перегружайте все на мулов и лошадей да топайте в горы.

— В горах мы уже были. Только что спустились. Еле-еле прорвались. Четверых похоронили.

Панчо в задумчивости водил пальцем по патронташу, щелкая ногтем по гильзам.

— Я бы мог вас впустить, но вам же лучше будет, если вы свернете.

— Почему?

— Да потому что за наших я не ручаюсь. Народ малость озверел. Обчистят вас до нитки. Голодаем мы, Гильермо. Собак съели. Рис по зернышку считаем.

— Мы можем поделиться, — сказал Илья.

— А что толку? Сдохнем на неделю позже, — невесело усмехнулся Панчо. — Смертники мы, понял? Смертники. Ждем, поскорее бы начался штурм. А солдаты трусят, не атакуют. Там, в Паломитасе, солдаты были?

— Нет. Какие-то бандиты. Из Аризоны.

— Наши ждут, что сюда придет подкрепление. Говорят, Маноло-Мясник к нам пробивается. И другие тоже. Ничего не слыхал по дороге?

— Маноло?

«Уж не про нас ли он говорит? — подумал Илья. -Растяпа Мануэль превратился в Маноло-Мясника?»

— Он наделал шуму в Аризоне, — продолжал Панчо. — Гринго силком увезли его сестер в притон. Так он их догнал. Разгромил ранчо, перебил десяток рейнджеров, захватил оружие, патроны. Наши ждут его со дня на день. Когда придет, будем прорываться. А если он не успеет, тогда... — Панчо засмеялся: -Тогда тоже будем прорываться. Хочешь, отправь баб в горы, а сам оставайся. Тут весело будет.

Илья размышлял ровно две секунды. Путь в горы для них был отрезан. А прорываться лучше в хорошей компании.

— Бот что, Панчо. Ты пока не говори своим друзьям. Чтобы враги ничего не узнали раньше срока. Но Маноло-Мясник уже здесь.

Слава о подвигах Маноло-Мясника докатилась до Мараньона с неслыханной скоростью. Миновав заставу, караван через полчаса въехал в поселок, и местные жители уже сбежались, чтобы встретить его.

— Вива Маноло! Вива Гильермо! — кричали мальчишки на крышах.

«Наверно, бдительный Панчо все-таки не выдержал, проболтался», — подумал Илья.

— Какие худенькие все, — проговорила Инес. — А кто такой Гильермо?

— Это они меня так окрестили, — признался Илья.

— Вива Гильермо! — насмешливо повторила девушка. — Смотри не загордись. Как они на нас смотрят!

— Они смотрят на мешки с мукой за нашими седлами.

— Я готова им все отдать! Смотри, у них же одни глаза остались. А ручонки, как прутки...

Они остановились возле церкви. Здесь, на площади, их ждали, Священник в линялой сутане, опоясанный патронташем, поднял руку с крестом, приветствуя Илью.

Инес зашептала:

— Подойди к нему, поклонись, поцелуй руку...

— Это обязательно? — не шевеля губами, спросил Остерман, которому всегда были противны всякие церковные штучки.

На счастье, его опередил майор Кардосо. Он первым соскочил с коня, опустился на колено перед священником и коснулся губами протянутой руки. А затем встал рядом с ним и обратился к толпе:

— Доблестные мараньонцы! Слава о ваших победах гремит по всей Соноре!

Это было явное преувеличение, потому что о мятежной деревне майору только вчера рассказал кум Хуана. Но Кардосо добился, чего хотел. Лица слушателей посветлели, мужчины распрямились, и даже орущий младенец вдруг замолчал.

— Мы шли к вам по опустевшей земле, где остались только солдаты, которые трясутся от страха! Они справились с беззащитными женщинами и стариками, но им никогда не справиться с теми, кто с оружием в руках защищает свою землю! — Майор потряс кулаком над головой. — Вива Мараньон!

— Вива Мараньон! — нестройным эхом откликнулась толпа.

— Мы тут кое-чем разжились по дороге, — уже безо всякого пафоса сказал Кардосо. — Святой отец, не возражаете, если разгрузим припасы в храме? А потом все поделим...

Будь у мараньонцев побольше запасов еды и патронов, они могли бы держать оборону не только от полка, но и от целой армии. К поселку вели две дороги — одна по самому краю обрыва, а другая лежала в узком ущелье — и обе они были перекрыты хорошо укрепленными заставами. Сам же Мараньон располагался между гор. С двух сторон на крутых склонах были поля и огороды, а с третьей стороны — пропасть, в которую низвергался водопад.

Правительственные войска занимали позиции внизу, за хребтом. Конечно, они могли бы подняться в горы, чтобы атаковать поселок с флангов, но это потребовало бы слишком больших усилий. Гораздо легче перерезать дороги, сжечь поля и уморить мятежников голодом. Нищие крестьяне были недостойны того, чтобы затевать против них полноценную войсковую операцию.

Возможно, армейские стратеги думали бы иначе, если бы знали, что в Мараньоне нашел убежище сам генерал Борхес, уже много лет боровшийся против диктатуры Порфирио Диаса.

Он принял гостей в своем штабе, расположенном в здании церковной школы.

В просторной комнате вдоль стен выстроились несколько вооруженных крестьян. Они, видимо, считались командирами, судя по тому, что патронташи были крест-накрест надеты поверх трофейных офицерских кителей.

Генерал полулежал на лавке, укрытый полосатым пончо. Его ветхий мундир выгорел добела и был искусно залатан в нескольких местах, но бронзовые пуговицы сияли даже в полумраке.

Майор Кардосо, представившись, щелкнул каблуками. Илья вежливо приподнял шляпу, а Кирилл только коснулся полей кончиками пальцев.

На изможденном лице генерала мелькнуло подобие улыбки:

— Ранение не позволяет мне приветствовать вас по всей форме. Но кто из вас троих Маноло-Мясник?

— Он сейчас занят раздачей продуктов, — сказал Илья. — В нашем маленьком войске Мануэль занимается хозяйством...

— А вы?

— А мы и есть войско, — усмехнулся Остерман.

— Что ж, три свежих бойца — отличное пополнение к моим сорока пяти воинам.

— Сорока пяти? Мне показалось, в поселке их не меньше трех сотен, — осторожно заметил Кирилл.

Генерал только рукой махнул:

— Это крестьяне. Конечно, они понемногу занимают место в строю, когда мы несем потери. Но это — не воины. Каждый должен заниматься своим делом.

— Генерал, разрешите доложить! — Кардосо расправил плечи. — Кроме нас троих в отряде еще пятеро вооруженных мужчин, а также пять девушек, обученных обращению с винтовками системы «маузер». Имеется также некоторое количество винтовок, револьверов и патронов. Принимая решение идти на прорыв, вы можете распоряжаться нами, как отдельным подразделением.

— Прорыв? — Генерал Борхес поглядел в узкое окно. — Все говорят мне о прорыве. Но никто не говорит, куда нам прорываться. Может быть, я услышу это от вас? Что вы видели по пути? Что вы могли увидеть, кроме брошенных деревень и вытоптанных полей? Вся приграничная зона превратилась в мертвую землю. Если прорываться, то так, чтобы дойти до Мехико и свергнуть Диаса. Но для этого у меня пока недостаточно сил. Даже с учетом вашего подразделения.

— Что же вы намерены делать? — спросил Илья.

— Ждать штурма. Он будет губительным для войск. — В голосе генерала появились металлические нотки. — Мы нанесем врагу такие потери, что уцелевшие солдаты сочтут за великое счастье перейти на нашу сторону. Так я воевал в Дуранго, так одержу победу и в Соноре.

— Мы победим! — в один голос воскликнули «офицеры».

— Да, мы победим. Или погибнем, что одно и то же, — уже без воодушевления продолжал генерал. — Куда вы направлялись?

— В долину Горячих Камней, — ответил Илья. — Оттуда были похищены несколько девушек для борделей в Тирби. Мануэль, которого тут называют Мясником, освободил их. И теперь мы хотели бы доставить их домой. Но...

Генерал Борхес поднял руку, останавливая его:

— Я знаю о вашей миссии. Если вам это удастся, вы окажете огромную услугу делу освобождения Мексики. Народ нуждается в добрых вестях. То, что мы держим здесь оборону, — это добрая весть. Но девушки, которых мексиканцы вырвали из лап гринго, — это очень, очень добрая весть. Долина Горячих Камней... Это не так и далеко. Жаль только, что она на севере, а не на юге от нас... Полковник Гарсия! Какие силы противника стоят на северной дороге?

Один из «офицеров» поднял глаза к потолку, пошевелил губами и выдал ответ:

— В прошлый раз мы насчитали там сорок человек на двух постах.

— А сколько времени понадобится каравану, чтобы попасть в долину Горячих Камней?
— Двух дней хватит. Если знать дорогу через горы.
— Хорошо. — Генерал прикрыл глаза. — А теперь идите к своим людям и оставьте меня наедине с нашими гостями.

Когда «офицеры» удалились, Борхес обратился к майору:

— Итак, что вы видели по пути сюда?

— Мы двигались в горах, а вас, видимо, интересует обстановка на направлениях возможного прорыва? Мои сведения скудны. Население бежит из деревень в горы. Это может быть признаком того, что приближается армия. Мы не обнаружили присутствия или следов воинских частей. Но в пограничной области действуют полувоенные формирования из Аризоны, общей численностью до сотни всадников. Насколько мне известно, их задача — уничтожить банду Маноло-Мясника.

— Неплохое пополнение для шакалов Диаса, — сказал генерал. — Они обложили меня со всех сторон. И теперь будут не прочь задушить Мараньон чужими руками. Может быть, вы хотя бы слышали что-нибудь о других восставших деревнях? О бунтующих шахтерах? О мятежных индейцах?

— Нет, не слышали.

— Что ж, значит, помощи ждать больше неоткуда. Нам остается только одно... — Борхес повернулся к Остерману с Кириллом: — Вы говорили о нескольких девушках. Но мне докладывают, что с вами прибыл целый караван.

— Эти крестьяне присоединились к нам по пути. Они решили переселиться в долину Горячих Камней.

— Если вы пробудете здесь еще хотя бы неделю, ваш караван увеличится. Жители Мараньона готовы уйти хоть на Луну. Вы готовы принять их в попутчики?

Илья посмотрел на Кирилла, и тот кивнул.

— Мы готовы, — сказал Остерман. — Но караван не пройдет через горы. А дороги, насколько я понял, перерезаны войсками...

Борхес поманил их к себе, положил на стол кусок оберточной бумаги и принялся что-то чертить на нем карандашом. Подойдя ближе, Илья увидел схему местности.

— Ни слова, — предупредил генерал, не прекращая быстро наносить на схему стрелки и кружки.

Одна стрелка вытянулась вдоль линии с надписью «Северная дорога». Она упиралась в треугольный флажок, под которым значилось «40». Борхес перечеркнул его и решительным штрихом провел стрелку сначала вдоль дороги, а затем в сторону, через зубья гор, к правильному овалу, в центре которого нарисовал новый флажок, на этот раз квадратный. И написал под флажком — Горячие Камни.

— Это одна часть дела. А вот вторая...

Генерал продолжал чертить, но вместо штрихов и пятен на грязноватой бумаге Илья видел, как со всех сторон к разгромленному посту выдвигаются основные силы правительственных войск. Они были готовы отправиться в погоню за караваном, ушедшим по северной дороге, но неожиданно наткнулись на цифру 30, дважды подчеркнутую генеральским карандашом.

Тридцать воинов, оставшихся во вражеских укреплениях, чтобы прикрывать отход каравана, — разве им по силам остановить целый полк?

«Два дня. И вечная слава» — написал Борхес.

— А что потом? — спросил Кардосо.

«Новый Мараньон» — эта надпись легла поверх долины Горячих Камней.

— Когда? — спросил Илья.

«Накануне штурма, — написал генерал. — Когда все их силы соберутся здесь». Он обвел южную заставу.

— За нами идут рейнджеры, — сказал Кардосо. — Возможно, они уже завтра появятся под вашими стенами. Это ускорит ход событий.

— Тем лучше. — Генерал Борхес разорвал бумагу и бросил клочки в очаг. — Мы все устали ждать.

34

Накануне исхода

Собрав вокруг себя крестьян, майор Кардосо сообщил им, что знает только два способа стрельбы: как стреляют охотники и как стреляют солдаты. Солдат стреляет, чтобы спастись. А охотник — чтобы убить.

Солдатам нужно много патронов. Ящики патронов. Вагоны, эшелоны патронов. А еще им нужно много пушек и снарядов, потому что пушки стреляют дальше и громче и должны лучше отпугивать врагов.

А охотники — люди чрезвычайно экономные. У них в лесах нет ни оружейных заводов, ни пороховых фабрик. Поэтому они научились стрелять без промаха.

Когда майор прочитал вводную часть своей лекции, мارانьонцы восприняли ее всем сердцем. Ничто так не греет крестьянскую душу, как возможность хоть на чем-нибудь сэкономить.

И уж конечно, они просто засияли от счастья, когда выяснилось, что на первом занятии в их винтовках не будет патронов.

Они сидели за укрытием, поднимали маузер, наводили ствол на цель и давили на спуск. Затвор на себя, затвор от себя, давим на спуск... и так далее — до тех пор, пока уже не оставалось сил, чтобы просто поднять винтовку.

Если бы у майора был лишний ящик патронов, он бы иначе построил занятия. Потому что на самом деле с крестьянами нужно было отрабатывать не досыл затвора и не быстроту прицеливания. Нужно было научить их преодолевать естественный страх перед громким выстрелом.

Ведь они боялись собственных жен только потому, что те умели вовремя и громко прикрикнуть на них. Да, многие из учеников могли все делать правильно — наводить ствол в направлении противника, без рывка передвинуть затвор. Могли даже плавно давить на спуск. Но майор знал, что в самую последнюю секунду внутри каждого начинающего стрелка вдруг вспыхивает мысль: «Ох, сейчас и бабахнет...» И все. Тело деревенеет, плечи подтягиваются к ушам, руки-крюки, глаза не зажмурены, но все равно ничего не видят. И пуля уходит, куда захочет, а вовсе не в точку прицеливания. Отучить от такого страха можно только долгой и шумной практикой.

Но не было у него лишнего ящика патронов. И майор готовил стрелков к их единственному выстрелу, надеясь, что не все они попадают в обморок, и кто-то сможет выстрелить еще хотя бы раз.

— А зачем мы каждый раз поднимаем винтовку? — наконец спросил самый шустрый из крестьян, Мигель. — Ведь в ней будет пять патронов, так? Я могу дернуть за эту железяку одним пальцем, а винтовка будет смотреть на цель.

— Это тебе не железяка, а рукоятка затвора, — сурово поправил Кардосо. — И давить на нее надо не пальцем, а ладонью. И чтобы удерживать винтовку в одном положении при стрельбе, надо научиться правильному хвату. Иначе пользы от твоего выстрела примерно столько же, сколько от старого ведра, если по нему ударить палкой.

— Да какая вообще от нас польза, — уныло протянул сосед Мигеля. — Только разозлим их своей стрельбой.

— А больше от вас ничего и не требуется, — твердо сказал Кардосо. — Ваша задача — как следует разозлить врага, чтобы у него дыхание сперло от злости. Тот, кто злится, не может выиграть в перестрелке.

— Как же так, дон Диего? — спросил Мигель. — Вы столько раз стреляли в людей. Неужели вы никогда на них не злились?

— Только в юности, — сказал майор. — От злости в глазах темнеет, трудно

прицеливаться. И вы, когда будете стрелять, думайте только о том, что надо плавно давить на спуск. А вовсе не о том, какие плохие люди эти солдаты или что-нибудь еще.

Он вовремя остановился. Потому что с языка уже была готова сорваться фраза: «Не думайте о том, что будет, если вы промахнетесь».

Солдаты, в отличие от его учеников, имели возможность и время пройти долгую и шумную практику. Они давно уже не пугаются грохота собственных выстрелов. Есть звуки и пострашнее, например вкрадчивый шелест чужих пуль. Но и он не заставит их в панике забиться в укрытие.

Мирный пеон даже с оружием в руках остается мирным пеоном, который с малолетства привык покоряться силе. Несколько занятий на огневом рубеже не излечат от болезни, привитой этим людям годами покорного рабства.

Однако майор не унывал. Более того, он чувствовал необычайный душевный подъем. Наконец-то ему удалось заняться делом, которое он считал своим предназначением. И теперь он молил Бога только об одном — чтобы Тот дал ему побольше времени для занятий.

На следующий день он перешел к упражнениям в стрельбе. Выделил по пять патронов на каждого из двенадцати учеников, отобранных после первого дня. Конечно, от них трудно было ожидать больших успехов. Даже самые способные никак не могли совмещать на линии взгляда мушку и мишень. Они видели либо то, либо другое. Кардосо понимал, что им все равно не придется стрелять белку в глаз или одним выстрелом валить бизона. Достаточно и того, что крестьянин сможет перезарядить свой «маузер» и произвести хотя бы несколько выстрелов в направлении противника.

Но вот Мигелю было не все равно. Ему хотелось не просто стрелять, а бить точно, осмысленно, наверняка. В этом майору виделось проявление крестьянской основательности. Но он ничем не мог помочь своему лучшему ученику.

— Не смотри на мишень, — говорил он ему снова и снова. — Смотри на мушку и держи ее в прорези прицела. А мишень пусть кажется тебе каким-то бесформенным пятнышком. Не смотри на мишень.

— Как же я могу не смотреть на мишень? — недоумевал Мигель. — Хорошо, что мы сейчас стреляем по камням. А когда придется стрелять по солдатам? Они же будут двигаться, будут стрелять. Как же не смотреть на них?

— Амиго, «смотреть» и «целиться» — это разные вещи, согласен? Ты сначала смотришь на какую-то штуку. Потом решаешь, что в эту штуку надо засадить пулю. И тогда начинаешь целиться. Смотреть при этом на нее не надо. Смотришь ты только на мушку в прорези прицела.

— А если эта штука убежит, пока я смотрю на мушку? — спросил Мигель, и Кардосо понял, что такое крестьянская простота. Это Убежденность Во Всеобщей Подлости. Дождь идет только во время уборки урожая, а в засуху его не дождешься. Дым от костра тянется только в направлении твоих глаз, где бы ты ни сидел. И ветер всегда бывает только встречным. И даже мишень, неподвижная кучка камней, остается неподвижной только в том случае, если ты не сводишь с нее пристального взгляда. А чуть отвернешься — и нет ее!

И тогда майор Кардосо отбросил весь свой опыт и стал учить крестьян так, как учил бы собственного ребенка. Да они и были, в принципе, сущие дети. А он был для них отцом. Отцом, который вернулся в семью после долгой отлучки...

Он подсел к лежащему на рубеже Мигелю и, слегка поправив его хватку, сказал:

— Вдави приклад плотнее. Еще плотнее. Пусть винтовка врастет в твое плечо. Вот так. Пусть в ней начнет стучать твое сердце.

— Уже стучит, — удивленно сказал Мигель. — Я слышу рукой, как оно отдается вот здесь,

— А теперь представь, что твой глаз не там, где был всегда, не на лице, а на кончике ствола.

— Да, на кончике ствола...

— Ну, а теперь, — сказал майор, — посмотри своим единственным глазом на врага и,

как только ты увидишь его, стреляй.

Мигель выстрелил, и камень слетел в овраг. Это было первое попадание за урок.

Бурная узкая река рвалась вниз по лесистому склону, кипя на порогах и срываясь со скальных выступов. Огибая поселок, ее течение становилось более плавным, но ненадолго. Раздвигая лес, река пробивалась к краю утеса и оттуда, разбившись на три протока, рушилась в пропасть.

Илья сидел на валуне, чуть ниже той грани, через которую переливалась широкая струя, и любовался кипящей стеной воды. За этим живым стеклом виднелся изумрудный склон, покрытый мхом и водорослями. Справа и слева летели вниз две пенистые струи, а далеко внизу, за бурлящими порогами, раскинулось зеркало неправдоподобно голубой и спокойной воды, окаймленное блестящими гранитными берегами. Дальше река изгибалась и терялась под пышными кронами деревьев.

— Неужели это та самая река, что течет близ нашей деревни? — спросил Рико. — У нас она спокойная, тихая. А в жаркие месяцы прячется в песок.

— Профессор говорил, что та самая. Сан-Педро.

— Эх, если б я был рыбой! Нырнул бы здесь. И вынырнул уже дома.

— Скоро ты будешь дома.

Рико неопределенно хмыкнул и бросил камешек вниз. Тот сразу исчез в летящей пене.

Илья услышал за спиной мягкий смех Инес. Она смеялась вместе с другими девушками, возвращавшимися с купания, — но он различил только ее голос.

— Чего так долго возились? — проворчал Рико, вставая с камня. — За это время я могу целый табун выкупать.

— Что ж ты не пришел, не искупал нас?

Они поднимались по каменистой тропке, на ходу выжимая мокрые волосы. Их переполняло веселье, и каждая бойкая фраза вызывала взрыв звонкого хохота.

— Ой, да он только с лошадьми такой смелый!

— А что, чем мы хуже кобыл?

— Сама знаешь чем!

Девушки разобрали винтовки, стоявшие у скалы, и голоса их сразу стали чуть глуше, словно придавленные тяжестью оружия.

— Готовы? Пошли, — строго сказал Рико.

— Проводи их сам, — попросил Илья. — Я тут задержусь.

Он спустился по камням туда, где от водопада отделялся узкий поток, и стал раздеваться. Здесь был небольшой грот. Его обнаружил Рико. Он же и придумал использовать это место для купания.

Илья набрался духу и встал под обжигающую ледяную струю. Растерся и тут же отскочил в угол, потому что сквозь шум воды услышал, как щелкнул шаткий камень под чьей-то легкой ногой.

— Ты здесь? — раздался тихий голос Инес. — Гильермо?

— Что случилось? — Он запрыгал на одной ноге, пытаясь натянуть джинсы. — Тебя послал Рико?

— Да нет... — Она уже вошла в грот, с усмешкой следя за его прыжками. — Гребешок забыла. Вот, пришлось вернуться...

— Гребешок?

Он, как замороженный, смотрел на ее мокрые блестящие волосы, облепившие милое лицо. А лицо приблизилось настолько, что теперь он видел только приоткрытые губы, а потом закрыл глаза, чтобы ничего не видеть.

— Какой ты холодный! — воскликнула она, прижимаясь к нему. — Дай мне согреть тебя...

Он обнял ее и только сейчас заметил, что через плечо девушки было перекинута свернутое пончо.

— Гребешок, — повторил он и сбросил пончо на мох, которым был устлан грот.

Инес прижалась к нему еще сильнее и повела плечами, помогая ему стянуть с нее платье.

— Я знаю, будет больно, — шепнула она. — Но ты ничего не бойся. И не слушай, если я стану кричать. Нам надо это сделать сегодня.

— Надо, значит, сделаем, — сказал он. — И будем делать это всю жизнь.

Считалось, что войска держат Мараньон в кольце блокады. Но кольца бывают разными. Есть сплошные, а бывают еще и витые, и резные, и со вставками. Армейское кольцо было дырявым. Через эти дыры осажденная деревня поддерживала связь с внешним миром, и не только ради обмена новостями. Одной из таких прорех в блокаде пользовался капрал Фуэнтес, получая неплохую прибавку к скудному жалованью. Он поставлял мараньонцам патроны с армейского полевого склада, которым сам же и заведовал.

Однажды, передавая очередную пару ящиков, он сообщил, что войска получили подкрепление. С пехотинцами пришел и отряд аризонских рейнджеров. Их командир ищет способ встретиться с Маноло-Мясником. Или с майором Кардосо. Хочет что-то обговорить.

В штабе генерала Борхеса к этой новости отнеслись настороженно. С Фуэнтесом генерал расплачивался серебряными песо. Кто знает, возможно, капралу больше нравятся золотые доллары? Гринго вполне могли подкупить его, чтобы устроить засаду на Мясника.

— Не думаю, что меня ценят так же высоко, как Маноло, — сказал майор. — Я пойду на встречу. Отказ от переговоров — признак слабости.

— Да, встретиться нужно, — согласился генерал. — Мы не воюем с Аризоной. Больше того, в будущем мы должны стать добрыми соседями. Имейте в виду такую перспективу.

Для встречи была выбрана пещера, в которой Фуэнтес обычно совершал свои торговые операции. К ней вела узкая извилистая тропа, и того, кто к ней шел, было хорошо видно со всех сторон.

Капрал сидел у входа. Увидев майора и Кирилл, он предупреждающе поднял руки:

— Сеньоры, вам придется сдать мне оружие. Такой был уговор. Гринго тоже придут безоружными.

— В это плохо верится, — усмехнулся Кардосо, отстегивая кобуру.

Они сели на пустые патронные ящики патронов. Из глубины пещеры просматривалась тропа, спускавшаяся к реке. На ней показались две фигурки.

— Похоже, что они соблюдают уговор, — сказал Кирилл, не заметив на рейнджерах оружия.

Майор покачал головой.

— Это станет ясно потом. Но что ты скажешь, когда они вынут пушки из карманов?

— Тогда я скажу, что они не соблюдают уговор.

Фуэнтес не стал обыскивать пришедших. Они вошли в пещеру, наклонившись. Оба были высокими, да еще на высоких каблуках, и шляпы их касались свода пещеры.

— Присаживайтесь, джентльмены. — Майор радушно обвел рукой пустые ящики, оставшиеся от последней сделки. — Вы хотели видеть Маноло? Его не будет. Он не ведет переговоров.

— Значит, ты — майор Кардосо? — спросил верзила-рейнджер. — А я Бен Гаттер. У нас мало времени. Только один вопрос для начала — профессор Адамс с вами?

— Нет.

— Тогда и говорить не о чем.

Гаттер развернулся и шагнул к выходу.

— Вас послали за Адамсом? — спросил Кирилл вдогонку.

Рейнджер посмотрел через плечо:

— Да. За Адамсом. И за головой Мясника.

— Кто послал? Хезелтайн?

— Ты его знаешь?

— Нет. Но я знаю, что человек по имени Джерри Хезелтайн поручил своим людям убить профессора, поджечь его ферму и забрать все карты.

— Что? — Гаттер вернулся и уселся на ящик. — Откуда ты это знаешь?

— Я был там неподалеку и все слышал.

— Я тоже много чего слышал. Чего мне только не рассказывали на допросах. Но у меня служба такая — я никому не верю, пока нет доказательств.

— Доказательства ты найдешь в Тирби. С Хезелтайном были трое. Их клички — Кирпич, Мутноглазый, Бингл. Кирпича нам пришлось убить. С остальными ты можешь побеседовать, когда вернешься.

— Плевать мне на них! Где сейчас Адамс? — нетерпеливо спросил Гаттер.

— В надежном месте, — сказал Кардосо. — Твои люди застрелили его в лесу, недалеко от Мескитала. Там мы его и похоронили. Рядом с мальчиком, индейцем. Если пойдешь от брода вверх по тропе, увидишь кресты на могилах.

— Моих людей не было в Мескитале, — угрюмо произнес Гаттер.

Его спутник откашлялся, пытаясь вступить в разговор. Гаттер повернулся к нему:

— Что?

— Там могли быть люди с приисков.

— Плевать! — Гаттер стукнул кулаком по колену. — Ладно, джентльмены. Допустим, я вам верю. Убит так убит. Теперь насчет Мясника. Если вы сдадите его мне, обещаю, что вам ничего не будет. Обещаю, что останетесь живы. И если на вас нет крови, то можете рассчитывать даже на призовые. Я вижу, мы можем договориться. Мне достаточно пять минут поболтать с человеком, чтобы узнать о нем все. Ты, Кардосо, калифорниец, а я — аризонец. Оба мы южане. Твой приятель — с Севера. Хотя я и не люблю северян, но все-таки он тоже белый. Белые всегда могут договориться, когда речь идет о мексиканцах, верно?

— А с чего ты взял, что Маноло — мексиканец? — с улыбкой спросил Кардосо. — Ты его видел?

Гаттер молча глядел то на майора, то на Кирилла. Наконец он скрипнул зубами:

— Так и знал! Я так и знал! Нет никакого Мясника, верно?

— Ты только никому об этом не говори, — попросил Кирилл. — Все равно тебе не поверят ни твои хозяева, ни те, кто верит в Маноло-Мясника.

— Тогда мне тут нечего делать. Но мое предложение остается в силе. Вы можете уйти со мной. По крайней мере останетесь живыми. Скоро здесь начнется заваруха. И те, кто уцелеют, будут завидовать мертвым. Уходите отсюда, джентльмены. Пока не поздно.

— Надо подумать, — протянул Кардосо.

— У вас, джентльмены, осталось два дня на размышления. — Гаттер встал и отпихнул ногой ящик. — Я попрошу, чтобы вас двоих пропустили через посты. Назовете мое имя, и вас не тронут. Но не засиживайтесь тут.

Он поправил шляпу и, пригнувшись, вышел из пещеры.

Глядя, как рейнджеры спускаются по тропинке, Кирилл сказал:

— Обидно, что мы больше не встретимся.

— Что-то личное? — спросил Кардосо.

— Наверно. Хотелось посчитаться. Обидно, черт возьми.

— А я вот, наоборот, весьма доволен. Во-первых, без рейнджеров противник становится намного слабее. Во-вторых, Гаттер сообщил нам дату штурма. Поспешим, Крис. У нас осталось сорок восемь часов.

35

У текилы вкус крови

Ночью накануне штурма майор привел на южную заставу своих стрелков. Их было двенадцать, по числу бойниц в частокоте. Он разбил их на две команды, «Остров» и «Море», и расставил через одного. Перед этим они весь день упражнялись в залповом огне —

естественно, без патронов. Майор охрип, командуя: «Остров, огонь, огонь, огонь! Море! Огонь!...»

Пока «моряки» щелкали затворами, «островитяне» добросовестно загоняли в магазин пустую пачку.

»...огонь! Остров!»

Винтовки снова вскидывались к плечу.

«Огонь, огонь, огонь...»

Только добившись слаженности действий, майор разрешил стрелкам разойтись и попрощаться с родными, которые готовились к переходу. Никто не знал, когда им удастся свидеться снова. Но настроение у всех было приподнятым.

Панчо Лопес, покидая заставу, показал майору, где спрятаны бочки с порохом, и предложил оставить возле них зажженный фитиль.

— Я сам собирался их подорвать, когда вокруг соберется побольше солдатни, — посмеиваясь, говорил Лопес. — Даже жалко оставлять кому-то другому.

— По-моему, ты ничего не потерял, — сказал Кардосо, пожимая ему руку на прощание.

Задача, которая теперь стояла перед ними, не слишком сильно отличалась от того, чтобы взорвать себя. Лопес уходил на штурм вражеского поста на северной дороге, а майору предстояло сдерживать противника на южной.

На рассвете наблюдатели засекли первые признаки выдвижения войск: между холмами мелькали неяркие короткие блики. Кардосо знал дистанцию до холмов — около километра. На таком расстоянии еще не видны огоньки сигарет, но вспышки спичек уже становятся заметными. Он представил, как офицеры выстраивают солдат в боевые порядки и курят сигарету за сигаретой, нервничая перед боем.

Солнце залило теплым светом горы и макушки деревьев, но подножия холмов еще долго оставались в тени. Однако там уже виднелась шевелящаяся масса. Войска выстроились в колонну и двинулись по дороге.

— Господи, да сколько же их там, — проговорил Мигель, стоявший рядом с майором.

— Сколько? Рота, — сказал Кардосо. — Не больше сотни. Патронов хватит на всех.

Он выждал, когда первые шеренги выйдут из поворота и начнут двигаться вдоль края обрыва. Теперь им некуда было деваться.

— К бою!

Нестройно лязгнули затворы. Сразу несколько голосов принялись бубнить слова молитвы.

— Остров... Огонь!

Ему очень хотелось и самому схватить винтовку, чтобы добавить свои пули к жиденькому залпу. Но нет, он должен командовать. Стрелки должны слышать его голос. И ни о чем не думать. Только подчиняться его командам.

— Море... Огонь!

Стоя на мешках с песком, он видел поверх частокола, что колонна продолжает приближаться. Хотя и гораздо медленнее. Видел он и то, как порой солдаты срывались в обрыв. И очень надеялся, что это успевают заметить и его стрелки.

— Да что же это такое! — с отчаянием воскликнул кто-то, загоняя в магазин очередную пачку. — У меня уже винтовка раскалилась, а они все прут!

— Они шагают по трупам!

— Сейчас встанут, — пообещал майор, увидев, как передние ряды побежали вверх по склону. — Там колючая проволока. Остров — прицел «десять»! Море — продолжать огонь по колонне!

Пехота наткнулась на проволоку. Солдаты заметались на месте, и многие побежали назад. Остальные падали в траву. Между ними сустились фигурки офицеров. Они размахивали револьверами, заставляя солдат подняться.

«Пора и мне сказать свое слово», — подумал Кардосо, поднимая «шарпс», добытый им в Мескитале.

Отсюда фигурка офицера казалась не толще спички. Майор задержал дыхание и плавно надавил на спуск. Дым на пару секунд закрыл обзор, но по крикам своих бойцов он понял, что не промахнулся.

Пехотинцы бежали обратно. Сталкивались с теми, кто продолжал подниматься по дороге, и останавливали их. Солдаты гроздьями скатывались в обрыв. Колонна замерла на месте, а потом потекла обратно, вниз, к спасительным холмам.

— Прекратить огонь!

На закопченном лице Мигеля сверкнула белозубая улыбка:

— Вот это охота!

Кардосо глянул на гору пустых пачек под его ногами и подумал, что даже удачная охота когда-нибудь кончается.

— Неплохо, неплохо, — сдержанно похвалил он своих учеников. — Стреляли дружно. Дальше будет легче. Они будут жаться к скале, держась подальше от обрыва. Цельте им под ноги. Тогда рикошеты от дороги будут их ранить. А раненые нам нужнее, чем убитые. Чтобы отнести раненого вниз, нужны еще двое, а то и четверо. Так что теперь мы их остановим даже быстрее, чем в первый раз.

Он пересчитал неоткрытые ящики и добавил:

— Еще две атаки. А потом уходим.:

«Может быть, лучше сказать им, что следующая атака будет последней? — подумал майор Кардосо. — Нет. Ожидание смерти хуже, чем сама смерть».

Кирилл был против того, чтобы Илья пошел с ним к посту. Гильермо Ориентес не имел права рисковать собой. Ему еще предстояло вести народ к новой земле, рука об руку с другим пророком, Маноло-Мясником. Но Остерман так поджал губы и так сдвинул брови, что у Кирилла пропало всякое желание шутить на эту тему.

С ними в горы ушли четверо молчаливых индейцев. Это были те самые ребята, что примерно раз в неделю приносили в Мараньон отрезанные головы вражеских офицеров. Они хорошо изучили все подходы к посту и за ночь обошли его, спустившись к дороге там, где их не могли увидеть часовые.

Они переоделись, натянув солдатские мундиры. В последний момент Илья предложил всем надеть белые повязки на руку, чтобы в суматохе боя не перебить друг друга. Кирилл согласился, но добавил, что повязки должны быть на обеих руках. Илья пожертвовал на это дело свою белую сорочку. Закончив с маскарадом, они затаились в придорожных кустах.

Ждать пришлось недолго. Едва рассвело, в ущелье послышалось перестукивание копыт. Ленивый мул медленно выкатил из-за поворота скрипучую двуколку — солдатам везли свежий хлеб из соседней деревни.

На козлах сидел сонный капрал. Он, наверно, так и не понял, почему вдруг оказался на земле, да еще в луже собственной крови. Индеец вытер об него клинок, потом достал второй нож, поменьше, и сделал очередную зарубку на рукоятке.

Кирилл пошел рядом с мулом, погоняя его вожжами, а все остальные укрылись под тентом. Двуколка катилась еще медленнее, чем раньше, и Кирилла понемногу начинало знобить от нетерпения. Ему уже казалась дурацкой эта затея с повязками. Часовые могут заподозрить неладное, заметив вместо капрала кого-то другого, да еще с перевязанными руками...

Но часовые, занятые игрой в кости, даже не посмотрели в его сторону, когда он подвел мула к домику придорожной таверны, обложенному со всех сторон мешками с песком.

Из таких же мешков была сложена стена, перекрывающая дорогу от одного склона ущелья до другого. И перед солдатскими палатками высились такие же, хоть и невысокие, укрытия.

В таверне жили офицеры, и один из них, в распахнутом кителе, стоял на крыльце, бреясь перед зеркальцем, которое держал в руках солдат.

— Сеньор капитан, хлеб доставили! — закричал кто-то из часовых.

«Капитан? Начальник заставы! Какая удача!» — подумал Кирилл, бросая вожжи. У него за спиной легонько хлопнул полог тента. Индейцы бесшумно соскочили с двуколки. Кто-то испуганно вскрикнул и тут же замолчал, захлебнувшись кровью. Кириллу некогда было оглядываться, да и незачем. Со спины его прикрывал Илья.

Он навел кольт на офицера.

— Что такое! — гневно рявкнул тот, и лицо его побагровело.

Кирилл выстрелил. Офицер согнулся пополам, упал на колени и, шатаясь, схватился за ноги солдата, который, окаменев, так и стоял с зеркалом перед собой.

Дверь таверны распахнулась, и оттуда, теснясь, выскочили сразу двое. Они тоже были безоружными, но и по ним Кирилл выстрелил не задумываясь.

За спиной дико визжали индейцы. Дважды грохнул револьвер Ильи.

— Кира, что встал!

Не отвечая, Кирилл навел ствол на окно. Как только в нем показалось чье-то лицо, он выстрелил и только после этого кинулся вперед.

На крыльце под ногой хлопнула скользкая лужица крови. Он ворвался в зал и принялся стрелять по мечущимся фигурам.

— Наверх давай! — кричал Илья.

— Прикрой!

Взбегая по лестнице, он слышал, как на галерее хлопают двери. Едва успел вынуть второй кольт, как увидел, что в него целятся с площадки. Припал на одно колено — пуля ударила в стену над головой — выстрелил в ответ, почти не глядя, — и снова вперед.

Вот они где!

Он будто плясал, прыгая от стенки к стенке, и стрелял в тех, кто сгрудился за длинным столом. Звенело разбитое стекло, осколки посуды разлетались во все стороны, и в воздухе повисла кисея дыма.

Третий револьвер был у него за поясом сзади, но он не понадобился. Вокруг были только мертвецы.

— Стол! — закричал Илья, показывая на окно.

Они перевернули обеденный стол и поставили его к окну, чтоб хотя бы отсюда не залетали пули.

— Как внизу? — на бегу спросил Кирилл, собирая с пола оружие убитых.

Илья схватил открытый ящик с патронами и скинул его с галереи вниз, к индейцам.

— Заперлись! — доложил он, вернувшись. — Там у них шкаф с винтовками! Можем держаться хоть до ночи!

Офицер, лежавший под окном, вдруг зашевелился, и Кирилл выстрелил ему в голову.

— Будем держаться, — сказал он. — Если не подпалят.

— Тише ты! Еще услышат, — сказал Илья, стреляя через окно.

Сразу целый рой пуль влетел в комнату, едва не обвалив потолок.

— Нет, не подпалят, — решил Кирилл. — Кто же им разрешит сжечь начальство?

— А кто им запретит? — возразил Илья. — Все начальство здесь. Вот идиоты! Шли бы себе по домам!

Он прижался к простенку, быстро перезаряжая револьвер.

— Ну где там Лопес? Чего телится!

Кирилл, пригнувшись, перебежал к другому окну. Ноги скользили в крови и по осколкам стекла. Он увидел, что солдаты больше не мечутся по двору, а попрятались за мешки с песком и бьют по таверне оттуда.

«Вот и отлично, — подумал он. — Теперь они даже не услышат, что на передовом посту начался бой, и не кинутся туда. Лишь бы Лопес не задержался там».

— Ты, главное, не высывайся! — крикнул он Илье. — Нам бы их на себя отвлечь! А убивать их — не наша работа.

— Одно другому не мешает! — прокричал Остерман.

— У тебя на все найдется ответ!

— А ты думал!

Стоя у бойницы, майор иногда поглядывал поверх частокола на скалы, окружавшие заставу. Как бы тупы ни были его противники, они все же могли придумать что-нибудь кроме лобовой атаки. Например, послать десяток стрелков на скалы, чтобы те сверху перебили упрямых мараньонцев.

Однако пока волны пехоты продолжали накатываться на заставу, каждый раз оставляя на колючей проволоке несколько тел.

«Рано или поздно они пройдут вперед по трупам, — думал майор. — Возможно, в этом и состоит тактический замысел их командира».

Он вскрыл последний ящик и разбросал пачки своим бойцам.

— Всё! Отбиваем этих, и уходим! Сначала «Остров», потом «Море»!

Этот приказ он отдал машинально. Майор уже не помнил, сколько живых осталось в каждой команде, да это и не имело значения. Главное — сохранить порядок, особенно при отступлении.

— Я останусь! — хрипя и задыхаясь, выкрикнул Мигель. — Задержу их! И бочки взорву! А вы уходите!

Он сидел у стены хижины, одной рукой опираясь на винтовку, а другой зажимая рану на груди. Пуля пробила ему легкое, и при каждом вздохе из-под пальцев выступала розовая пена.

«Протянет еще полчаса, потом свалится, — подумал майор. — Перевязать бы его, да не успею».

Атака вновь приостановилась. Пехотинцы залегли уже в полусотне шагов и открыли плотный огонь по частоколу.

Еще один пеон вскрикнул, и отвалился от бойницы, и засучил ногами в пыли. Кардосо оглядел оставшихся. Четверо. Всего лишь четверо...

— Кончено! — крикнул он. — Уносите Мигеля! Живо!

— Нет, дон Диего...

— Я приказываю! Живо!

Пеоны смотрели на него обиженно, будто подверглись несправедливому наказанию.

«Разве мы плохо сражались? Разве мы не заслужили награды? Как можно унижать нас, приказав спастись бегством?» — читалось в их глазах.

Однако через пару секунд они опомнились, перевалили Мигеля на одеяло и резво затрусили по тропинке. Как только они скрылись в зарослях мескита, майор взял пару винтовок и перебрался в хижину. Здесь у него будет последний рубеж. Когда солдаты перелезут через частокол, он встретит их огнем из винтовок, потом пустит в ход револьвер. Они подбегут ближе, и он воткнет тлеющий фитиль в отверстие бочки. Сколько здесь пороха? Должно хватить для хорошего фейерверка...

Стрельба оборвалась, как по команде. Кирилл осторожно выглянул из окна и увидел, что солдаты бросают винтовки и с поднятыми руками выходят из-за укрытий.

— Вот и все. — Он сбросил чужой китель и опустил револьвер в кобуру.

— Наконец-то! — Илья вытер лоб рукавом и, перешагивая через трупы офицеров, направился к шкафу с чудом уцелевшими стеклянными дверцами. — Теперь можно и горло промочить. Я целый час смотрел на эту бутылку и молился, чтоб ее не разбило.

Они спустились в нижний зал, где четверо индейцев безуспешно пытались отодвинуть от двери шкаф, которым сами же ее подперли. Снаружи в окна уже заглядывали мараньонцы:

— Есть офицеры?

— Живых нет, — ответил Кирилл и, поняв, что дверь не откроется никогда, вылез через окно.

— А мы взяли одного! — похвастались они. — И капрала тоже!

Солдаты живо разбирали баррикаду на дороге, видимо, надеясь усердием заслужить пощаду. Панчо Лопес, сидя верхом на лошади, покрикивал на них:

— Мешки далеко не относить! Складывайте рядом! Самим же укладывать обратно!

Увидев Илью с Кириллом, он подъехал к ним:

— Караван уже идет сюда. Народу набралось! Вот не думал, что в Мараньоне столько бездельников! Гильермо, про тебя с Маноло уже песню сочинили!

— Напишут и про тебя, — сказал Илья.

— Не надо песен! Лучше бы оставили мне побольше жратвы да патронов, — засмеялся Лопес, которому было поручено остаться на захваченном посту, прикрывая отход каравана.

— Как дела на твоей заставе? — спросил Кирилл.

— Когда мы громили передовой пост, там уже шел бой.

— А сейчас?

— Кто знает... Но взрыва не было. Значит, еще держатся.

Майор Кардосо подпер дверь столом и скамьей и встал на колени перед окном. Стрельба не унималась, и он радовался небольшой передышке. Пока стреляют, они не кинутся на штурм. Есть время для последних молитв.

Но слова, заученные с детства, почему-то не приходили в голову. Думалось только о том, сколько врагов он успеет уложить. И еще — донесут ли Мигеля живым. И последнее — что это там мельтешит на скалах? Неужели они все-таки сообразили послать кого-то в обход?

«Лучше поздно, чем никогда», — усмехнулся майор и поднял винтовку, тщательно прицеливаясь в крошечную фигурку, чернеющую на фоне белого неба.

Он уже был готов нажать на спуск, когда вдруг понял, что человек, в которого он целится, — не солдат. На нем была широкополая шляпа и просторная рубаша до колен. Рядом вырос еще один такой же силуэт, а потом они стали появляться, как муравьи из муравейника, — появлялись, мелькали и куда-то исчезали.

Кардосо протер глаза. С гребня скалы по крутому склону скатывались люди в сомбреро. Их было много, они неслись вниз лавиной и, упав в траву, вскакивали и неслись к заставе. В руках у них были винтовки. Они стреляли в солдат!

Грохот боя вокруг заставы оглушил его. Теперь не жалкая дюжина винтовок, а не меньше сотни стволов заговорили одновременно!

Майору хотелось кинуться вперед, чтобы слиться с той силой, что пришла на помощь. Но он понимал, что это бессмысленно, да и опасно. Оставалось только ждать, когда хоть кто-нибудь из спасителей сам появится здесь.

Стрельба понемногу стихла, и он услышал возбужденные, ликующие голоса. Чья-то голова в сомбреро поднялась над частоколом:

— Эй, мараньонцы! Есть кто живой?

Майор тщательно загасил фитиль, прежде чем выйти из хижины.

Во дворе уже бродили какие-то оборванцы с винтовками, переходя от одного убитого пеола к другому.

— Да это же Фелипе! — сказал кто-то, присев на корточки перед телом. — Ты смотри, вся рожа в порохе! А ведь был размазня размазней...

— Фелипе стрелял лучше многих, — сказал майор, и все повернулись к нему.

— Ты кто такой?

— Я Диего из Санта-Барбары, — сказал майор Кардосо, вовремя вспомнив, как называлось его родовое поместье. — А вы откуда?

— Мы? — Оборванцы приосанились. — Мы воины генерала Альмейды! Слыхал о таком?

Они выдернули запорные колья, и через приоткрытые ворота на заставу хлынула целая армия оборванцев. Почти все они были босыми, и одеждой их были самые разнообразные лохмотья. Но на каждом был армейский патронташ, а то и два. И каждый нес на плече

винтовку.

Неожиданно в гомоне толпы Кардосо различил голос, который показался ему знакомым.

— Эге! Да это вы, сеньор! Майор! Черт меня побери! А где же ваш расчудесный белый костюмчик? — Фернандо Васкес, скаля зубы, потряс винтовкой над головой. — Живой! Надо же! Значит, прорвались!

— Рад тебя видеть, — совершенно искренне признался Кардосо.

— Еще бы ты не был рад! — Васкес восторженно хлопал его по плечам. — Мы понеслись как угорелые, едва слышали пальбу. Ну и побоище! Ты бы видел, сколько солдатни мы накрошили! Пойдем, пойдем, тебе будет приятно посмотреть! Там наши схватили трех офицеров! Сейчас будем их судить!

— Некогда развлекаться. — Кардосо оглядывался, чтобы найти кого-нибудь, хоть отдаленно смахивающего на начальника. — Отведи меня к командиру.

Генерал Альмейда отличался от своих подчиненных только тем, что имел сапоги и не носил патронных лент. Вместо них его крестьянскую рубаху перекрестила португеза. На левом боку генерала висела сабля, на правом болтался кольт на шнурке, без кобуры.

Перед ним стояли на коленях трое пленных офицеров в изодранных мундирах. Альмейда занес над головой саблю, выругался и принялся их рубить. Кровь разлеталась веером во все стороны.

— Генерал! — крикнул Васкес, когда все было кончено. — Я тут нашел одного живого мараньонца!

Альмейда обернулся, тяжело дыша:

— Что ж ты молчал, Фернандо? Я бы отдал ему саблю, чтоб он сам рассчитался.

Кардосо с сожалением смотрел на изрубленные тела, над которыми поднимался кровавый пар. Офицеры могли бы рассказать много интересного. Например, какие силы брошены на штурм Мараньона, и есть ли у них артиллерия, и где находятся другие войска... Они уже ничего не скажут.

«Ну и не надо, — подумал Кардосо. — Сколько бы ни было врагов, мы справимся со всеми».

— Что молчишь, герой? — спросил Альмейда.

— Вас ждет генерал Борхес.

— Так он жив? Так он здесь! Ну, теперь мы им покажем!

Кирилл первым забрался на скальный выступ и подал руку Илье. Остерман уселся рядом, свесив ноги, и достал из-за пазухи бутылку.

— Сауза! — Он щелкнул по этикетке и понюхал горлышко. — Пахнет фиалками.

— Дай сюда. — Кирилл нетерпеливо выхватил у него бутылку.

Сделав несколько глотков, он не ощутил ни запаха, ни вкуса. Сейчас для него все пахло кровью.

Его снова начало трясти, но это был уже не тот легкий озноб, что всегда приходил перед боем, а болезненные резкие судороги. Он знал, что еще несколько минут у него будут дрожать губы, будут трястись пальцы, и лицо будет, как у полоумного, — нет, в таком виде незачем красоваться перед людьми. Потому он и полез на скалу.

— Смотри, сколько народу, — сказал Илья, показывая на дорогу, запруженную телегами и скотом. — Надеюсь, они все поместятся в долине Мануэля.

Первыми через полуразрушенную баррикаду прошли конники головного дозора. За ними — два фургона с ранеными, в одном из которых лежал генерал Борхес. Две кучки индейцев, едва миновав пост, сразу поднялись на склоны ущелья и скрылись за деревьями — они будут прикрывать колонну с флангов. Потом потянулись телеги, запряженные мулами и лошадьми. А были еще и повозки, в которые впряглись люди.

— Наших не видно, — сказал Илья. — Я так и знал. Пойдут в самом конце. Уйдут последними. Говорил же я Мануэлю, чтоб ехал первым. Но ты бы видел, как они

вскинулись!

— Впереди тоже... опасно, — медленно проговорил Кирилл.

— Да тут везде опасно. Особенно опасно оставлять их одних. Я себе места не нахожу. Видишь — пальцы дрожат? Это потому что Рико с Мануэлем опять могут чего-нибудь учудить. А с ними девчонки. Нет, их нельзя оставлять без присмотра.

— Останешься с ними?

— Посмотрим... — уклончиво протянул Илья. — Если подумать, тут не хуже, чем в любом другом месте. Мне нравится говорить по-испански. И тут ни одна сволочь еще не сказала, что у меня северный выговор, что я иностранец или что евреи любят жить в Бруклине. И жратва тут такая же, как у нас в Одессе, заметил? В Штатах все пресное, даже в самых дорогих кабаках, А тут в любой грязной забегаловке все вкусное, даже самая простая фасоль. А про текилу я и не говорю...

Он замолчал, видимо, ожидая, что Кирилл его поддержит. Но тот еще не был готов к столь многословным рассуждениям.

— Как думаешь, мы тут услышим взрыв? — спросил Илья.

— Услышим.

— Я таки надеюсь, что майор придумает что-нибудь. Есть же такие шнуры, чтобы взрывать динамит. Запалит и отбежит подальше. Он же военный человек. Должен понимать, что народу не нужна его геройская смерть. Народу нужна его геройская жизнь. Давай, Кира, выпьем за его здоровье. Я бы помолился, но не умею. А выпить — это все равно что помолиться, верно?

Кирилл только кивнул в ответ. И выпил. На этот раз текила обожгла ему глотку.

«Отпускает», — подумал он.

Илья тоже приложился к бутылке, и Кирилл услышал, как его зубы вызванивают дробь по горлышку.

«Ага, Илюха, ты тоже не железный», — подумал он.

— По крайней мере Кардосо получил то, за чем ехал сюда, — сказал Остерман, переводя дух после слишком усердной «молитвы за здоровье». — Он хотел создать народную армию? Вот она, марширует.

Кирилл потянулся за сигарой, но его пальцы наткнулись на кобуру. Сигары остались в седельной сумке. Он не взял с собой ничего лишнего. Только оружие и патроны.

— Курить хочешь? — Илья достал из кармана жестяную коробку. — Вот, прихватил на память. Хорошо снабжают мексиканскую армию, да? Сауза — высший сорт. Сигары роскошные, в золоте. Давай закурим, легче станет.

— Легче? Ты что, утешаешь меня?

— С чего ты взял? Я просто хочу покурить, чтобы немного успокоиться. Было несколько довольно неприятных минут. Особенно в самом начале. Когда ты вдруг застыл на месте, а солдаты вокруг начали хвататься за винтовки. Но то была картина, ты бы видел! Индейцы машут тесаками, кровища — во все стороны, а ты спокойненько стоишь!

— Не будем об этом.

— Хорошо. За здоровье майора Кардосо, который уже сегодня вечером станет полковником! — Остерман отхлебнул и передал бутылку другу. — Ох, хороша сауза! Да, у майора все получилось. А Рико с Мануэлем? У них тоже все получилось. Правда, я не уверен, что Рико долго будет радоваться. Эта Луисита — черт в юбке, она еще погоняет его скалкой по хате.

— А ты? — спросил Кирилл.

— Что — я?

— Ты долго будешь радоваться?

— Если ты про Инес, то... — Илья не договорил, резко вскочив на ноги. — Смотри! Мать твою! Не может быть!

В ущелье входила пестрая толпа, впереди которой ехали несколько всадников. Кирилл тоже встал, чтобы лучше видеть. И увидел, что рядом с Рико едут двое. Двое, с кем он уже

мысленно простился навсегда, — Кардосо и Васкес.

— Ну что! — заорал Остерман, ликующе потрясая бутылкой. — Помогло ведь! Помогло!

36

Конец охоты

Самый короткий путь не всегда бывает самым быстрым. После встречи с Рибейрой Хезелтайн потерял в горах еще три дня, кружа по лесным тропам.

Но, выбравшись наконец на знакомую дорогу, он не кинулся сломя голову домой.

Хезелтайн вернулся в город ночью. Мог бы сделать это и раньше, но специально задержался в лесу возле виллы, дожидаясь темноты. А потом направился не домой, а в бордель.

Их пропустили через отдельный вход.

— Два номера с ванной, — бросил он хозяйке. — И чтоб на моем этаже никого не было. Джону пришли кого-нибудь поумнее, чтоб язык потом не распускала.

— А вам, сэр?

— Сама придешь. Да не хихикай ты, дура! Поговорить надо. — Он обернулся к Мутноглазому: — Мойся, ешь, трахайся. Но только не пей. И нос из номера не высовывай!

Хозяйка борделя когда-то была любовницей Джошуа Арлингтона. Вряд ли в городе остался хоть еще один человек, кому было бы знакомо это имя. А ведь генерал Арлингтон был самым первым владельцем этих земель. Он сам сбил кресты из четырех тополевых шестов и врыл их в землю, объявив, что забивает это место под город. Он управлял строительством и распределял земельные участки, он раздавал акции людям, которые могли бы принести пользу будущему городу. Именно Арлингтон привлек сюда полковника Тирби, заманив радужными перспективами. Но как же коротка человеческая память! Стоило генералу уйти из жизни, как о нем все забыли... Любовница, которая так и не стала женой, не унаследовала ничего, кроме хорошего отношения друзей Арлингтона. Полковник Тирби позволил ей остаться в городе, помог открыть собственное дело. Ее бордель с трудом выдерживал конкуренцию с индустрией сестер Фраун. И, если бы не полковник, сестрицы давно подмяли бы скромное заведение под себя.

Хозяйка это понимала, и к появлению Хезелтайна отнеслась с должным трепетом.

— Какие новости? — спросил он, лежа в горячей ванне.

— О чем вам рассказать? — Она растерла его руку губкой и облила теплой водой из кувшина. — О новых хозяевах рудника? Они не вылезали из «Белой Розы» все эти дни, и мне почти ничего о них не докладывали.

— О новых я сам узнаю. Давай о старых. Как поживает Сайрус?

Намыливая ему плечи и шею, она начала пересказывать то, о чем судачили проститутки. А когда подала халат, он уже знал все, что нужно. Итак, меднорудная компания сменила владельца. На днях Тирби едет в Туссон, чтобы оформить сделку в юридической конторе. Он бы уехал раньше, но хотел дождаться Гаттера.

— Так рейнджеры еще не вернулись?

— Нет. — Она распахнула перед ним дверь в столовую. — Я могу сама подать ужин, но, может быть, желаете попробовать кого-нибудь из новеньких девушек?

— Откуда взяли новенькие?

— Их привезли для Ангелины, но она никого не взяла на работу.

«Значит, калифорнийцы скупил не только медь, — понял Хезелтайн. — Все верно. Зачем оставлять себе отели, казино и публичные дома, если тебе не жить здесь? Не удивлюсь, если Сайрус избавился и от акций банка».

— Сначала ужин, а потом я распоряжусь. — Он направился к столу, но вдруг подумал, что как раз в эти минуты Гаттер может въезжать в город. Значит, надо спешить. — Нет, сначала кое-что другое.

Да, надо спешить. Пока сделка не оформлена юридически, еще все можно исправить. Надо только, чтобы полковник Тирби исчез. И тогда калифорнийцам придется обо всем договариваться с Хезелтайном.

Приоткрыв дверь, он осторожно высунул голову и оглядел пустой коридор. И только убедившись, что ни здесь, ни на лестнице никого нет, шагнул к соседнему номеру, где расположился Мутноглазый. Звуки, доносившиеся оттуда, могли бы смутить кого угодно, даже Хезелтайна, — но не сейчас. Он прошел мимо кровати, где пышная блондинка оседлала Лагранжа, и положил на стол ключи.

— Когда закончишь, сходи ко мне домой, — сказал он громко, стараясь перекрыть стенания блондинки. -

Скажешь, что я тебя послал. Возьмешь из оружейного шкафа штуцер и коробку патронов к нему. Захватишь на моей конюшне вороного мерина и пегую кобылу. И живо вернешься сюда. Будут спрашивать, скажешь, что я задержусь на той стороне. Охотимся мы, понял?

— Ага, — промычал Мутноглазый из-под нависших над лицом грудей.

Девка, сообразив, что в комнате находится босс, перестала стонать и замедлила движения. Хезелтайн, уходя, прикрикнул на нее:

— Работай, работай! Поторопись!

Два дня Джон Лагранж безвылазно провалялся в борделе. Просыпался он только для того, чтобы поест и на полчаса предоставить свое тело в распоряжение умелой шлюхи. А потом снова засыпал.

Блаженство, однако, оказалось недолгим. Он посчитал себя жестоко обманутым, когда Хезелтайн растолкал его среди ночи и приказал собираться, да поживее.

С боссом не поспоришь, Мутноглазый приторочил за седлом длинный кофр из полированного дерева, в котором хранился двуствольный штуцер, и решил, что от такого босса пора уходить. Если «охота», которую на этот раз затеял Хезелтайн, приведет их куда-нибудь поближе к железной дороге — это будет хороший шанс, чтобы смыться.

Однако, покинув город, они очень скоро свернули с накатанной дороги и двинулись напрямик через холмы. Рассвет застал их в местах, которые были совершенно незнакомы Лагранжу, и теперь о бегстве не могло быть и речи — он просто боялся заблудиться.

Хезелтайн остановился на берегу мелкой, но широкой реки, которая несла свои желтые струи среди горбатых песчаных отмелей. Его конь осторожно, на прямых передних ногах, спустился к воде. Лошадь под Лагранжем вдруг затряслась всем телом и отпрянула назад.

— Чует зыбучий песок, — не поворачиваясь к нему, пояснил Хезелтайн. — Держись за мной, никуда не сворачивай.

Широкий речной рукав с отвесными глинистыми берегами был устлан молочно-белым песком, гладким, как зеркало. Конь Хезелтайна шагал по нему, глубоко погружая копыта, но следы мгновенно затягивались, словно он шел по воде. Мутноглазый ободряюще похлопал свою лошадь по шее и послал вперед. Беспокойно встряхивая ушами, кобыла ступила на гладкую белую поверхность. Наверно, ее копыта встали на твердое дно, и дальше она пошла уже увереннее.

Рукав повернул вправо, и Лагранж увидел, что Хезелтайн, наклонившись в седле, прощупывает песок перед собой длинным прутком. Ноги его коня выглядели до смешного короткими, как отрезанные выше бабок. Дальше они двигались медленнее, то и дело останавливаясь, сдвигая назад и снова выбираясь на твердое дно, невидимое под белым текучим песком. Черные ноги их лошадей скоро были наполовину покрыты молочным налетом.

Целый час они пробирались по извилистому рукаву, прежде чем вышли на другой берег. Там они спешили, стреножили лошадей и поднялись на холм.

— Вот здесь все и решится, — сказал Хезелтайн, оглядываясь. — Да, столько лет прошло, а ничего не изменилось...

Лагранж увидел за рекой поворот дороги и небольшую рощицу. Под высокими тополями стоял белый дом, окруженный верандой. За ним среди листвы угадывались крыши каких-то пристроек.

— Похоже на Арлингтонский колодец, — сообразил он. — Но он должен быть дальше, на дороге в Туссон.

— Это и есть дорога в Туссон. Мы вышли на нее самым коротким путем, — самодовольно заявил Хезелтайн. — Все петляют вдоль реки, потому что никто не знает, как пересечь зыбучие пески.

Он раскрыл кофр и полюбовался лежащим внутри, на зеленом бархате, штуцером.

Это оружие было знакомо и Мутноглазому. В прошлом году он вот так же, как сейчас, выехал за город с Хезелтайном. Дождались одинокого всадника, перегонявшего небольшой табун. И Мутноглазый ссадил его одним выстрелом, шагов с двухсот. Кем был тот всадник, зачем нужно было его убивать? Этого он не знал и знать не хотел.

Но сейчас ему почему-то очень хотелось знать, в кого придется стрелять из этой роскошной винтовки,

До здания было метров сто, не больше. Кто там жил? Трактирщик с женой. Нет, ради них босс не стал бы суетиться...

— Не высовывайся! — Хезелтайн дернул его за рукав и сам сел в траву. — Подождем. Уже скоро. Приготовься пока.

Лагранж распечатал пачку и достал патрон с остроконечной пулей. Почему-то ему вдруг вспомнилось, что этот колодец раньше назывался Песчаным. Наверно, как раз из-за зыбучих песков. А потом здесь подстрелили какого-то важного типа, Арлингтона. Его могила — у дороги. Лагранж сам ее видел, когда ехал в Тирби из Туссона. Как давно это было...

— Едут, — радостно воскликнул Хезелтайн. — Ну, наконец-то! Я уж боялся, не навались ли они на апачей...

Он вбил в землю крестовину и положил на нее ствол штуцера:

— Примерься.

Лагранж залег, вжав приклад в плечо, и посмотрел на приближающиеся кареты сквозь прорезь прицела.

— Удобно?

Ему немного мешал кольт в наплечной кобуре, который давил на грудь. Мутноглазый сдвинул его под мышку.

— Мне будет удобнее, если я буду знать цель.

— Я скажу, когда цель появится.

За дилижансом в окружении нескольких всадников ехала изящная повозка с кожаным верхом. Такая в городе была только у полковника Тирби. Рядом с ней держался всадник в шляпе с загнутыми спереди полями. Лагранж сразу узнал Бена Гаттера. Что ж, этому выскочке он бы с удовольствием засадил пулю между глаз. Да только стоит ли он такой пули? Патроны для штуцера — вещь дорогая...

Всадники спрыгивали с лошадей, но из карет никто не показывался. Наконец из дилижанса выпорхнула женщина в голубом платье, и Лагранж узнал в ней Эвелину Фраун. Эта сучка с таким презрением поглядывала на него, когда заходила в «Парнас»... Да она на всех смотрела, как на дерьмо собачье, лишь бы не наступить. Вот бы ей! Для начала загнать конец между ляжек, отодрать суку до блевоты, а уж потом...

Как всегда перед работой, Лагранж старался разозлиться. Злоба и презрение помогали делать свое дело спокойно.

— Полковника видишь?

— Нет.

Мутноглазый сел в траве.

— Ты что? — недовольно прошипел Хезелтайн.

— Руки затекли.

— Как только выглянет полковник, вали его.
— Полковник Тирби?
— Да, полковник Сайрус Тирби. И мы с тобой в расчете.
— В расчете?
— Да. Полный расчет. За тобой двенадцать тысяч, если ты не забыл.
Кучер полковника соскочил на землю и принялся обтирать лошадей. Вот шевельнулся полог, и за ним показалось бледное пятно лица.
— Ну?
— Он сойдет, — равнодушно сказал Лагранж. — Сейчас все пойдут в трактир. И он пойдет. Как только отойдет от лошадей, я его сниму. А сейчас помех много.
— Нельзя ждать! Другого шанса не будет!
— Босс, это моя работа, а не твоя. Хорошо, я могу стрельнуть. Он упадет в повозку. Откуда мы будем знать, что он готов? Нет, босс, я свой контракт отрабатываю полностью.
— Ну, смотри...
Хезелтайн стоял у него за спиной, и Мутноглазый видел его тень.
— Выходит, выходит!
Лагранж снова лег к винтовке. Но смотрел он не на другой берег, не на кареты, а на тень Хезелтайна, которая шевелилась перед ним на сухой траве. Тень как-то странно дернула рукой.
«Зачем он достал револьвер? — подумал Мутноглазый. — Все равно не попадет отсюда. Зачем же...»
В следующий миг он понял — зачем.
Он едва повернул голову, чтобы увидеть Хезелтайна одним глазом. Этого было вполне достаточно, чтобы, не вставая, прямо из-под мышки выстрелить в него из кольца, сквозь кобуру.
Хезелтайн не упал. Он выронил револьвер, зажал обеими руками живот и, выпучив глаза, смотрел на Лагранжа.
— Что, больно? — спросил Мутноглазый, — Потерпи, скоро пройдет.
— Стреляй, — прохрипел Хезелтайн. — Убей его, Убей же!
— Зачем? Я ему ничего не должен. А с тобой мы в расчете. Кстати, не двенадцать, а всего лишь десять тысяч.
Изо рта Хезелтайна потекли две струйки крови. Он шагнул вперед, ноги его подкосились, и он повалился лицом вниз, вздрагивая и затихая.
Обшарив карманы, Мутноглазый остался доволен. Две сотни долларов все же лучше, чем пуля в затылок. Штуцер уйдет не меньше чем за сотню. Второе седло тоже можно загнать за неплохие бабки.
Потом он за ноги стянул тело вниз, к реке. Протащил над обрывистым берегом туда, где под желтой глинистой стенкой откоса белела песчаная гладь. А когда он столкнул труп вниз, ему пришлось увидеть то, о чем до сих пор он только слышал.
Зыбущий песок поглотил тело, не оставив на поверхности никаких следов.

37

Джозеф Смит и его наследники

Полковник Тирби услышал хлопок далекого выстрела в тот самый момент, когда выходил из коляски.
Его удивило, что никто вокруг даже не повернул головы в сторону холмов за рекой.
— Ты слышал? — спросил он у Гаттера.
— О чем вы, сэр? — наморщив лоб, спросил рейнджер.
«Значит, показалось», — решил полковник. Да и мало ли что могло померещиться в таком месте. Здесь лежал генерал Арлингтон, и полковник ощутил легкий укол вины перед ним. Да, живые всегда виноваты перед мертвыми. Если бы он тогда сам поехал с генералом,

то наверняка бы позаботился о его безопасности. Но полковник был слишком занят строительством, и генерал разъезжал по своим владениям почти без охраны. Впрочем, охрана тут была бессильна. Стрелок лежал на холме за рекой, и догнать его не было возможности — никто не решился кинуться в зыбучие пески, преследуя убийцу.

Полковник Тирби еще раз внимательно оглядел волнистую линию холмов и не заметил там ничего, внушающего опасения. Однако почему-то у него пропал аппетит, и в трактире он ограничился стаканом пива.

Дорога заняла два дня, и все это время полковник хранил мрачное молчание. Его настроение улучшилось только в Туссоне. Когда все формальности были улажены, сам мэр зазвал на ужин полковника и новых владельцев меднорудной компании. Было выпито много дорогого шампанского, сказано много лестных слов, и полковник снова ощутил себя на вершине блаженства. Его только чуть-чуть задела невинная шутка мэра, спросившего — а не получит ли теперь город Тирби новое имя? Что-нибудь вроде Хезелтайн-Сити? Полковник беззаботно посмеялся вместе со всеми, но подумал, что пройдохе Джеральду придется несладко с новыми компаньонами. Ушлые парни, кстати, и не помышляли переселяться в аризонскую глушь. Всем будут заправлять новые управляющие, с университетскими дипломами, уже проявившие себя на разработке других месторождений. Они не позволяют себя обсчитывать, и каждый цент будет идти в кассу компании,.. Да черт с ним, с Хезелтайном. Пора забыть о нем. Перевернуть эту страницу и больше никогда к ней не возвращаться.

Впереди у полковника было слишком много новых, еще не прочитанных страниц. Была целая глава под названием «Сенатор Тирби». Или, может быть, «Судья Тирби»?

А сколько еще женских имен украсят собой книгу жизни полковника! Толстую книгу, богато украшенную... Будет в ней и карта Соноры. Да, полковник не отказался от нее, как предполагал раньше. Он только выправил новые бумаги на свои земли. Отныне ими будет владеть Джозеф Смит. Под этим именем полковник явится к губернатору Соноры, и они скрепят знакомство веселой пирушкой, и губернатор будет так любезен, что позволит сеньору Смиуту оставить в его кабинете портфель, туго набитый долларами. О нет, это не взятка, это просто вклад в развитие Западной Сьерры!

Всю ночь, ходя по своему номеру в отеле, полковник мысленно листал еще не написанную книгу его дальнейшей жизни. Он понимал, что правильно распоряжаться миллионами — это тяжелый труд. Значит, придется кого-то нанять. Но кого? Здесь нужен человек предельно честный, и при этом очень умный. А разве такое сочетание возможно?

Утром он сам следил за тем, как все его вещи и бумаги перегружались из сейфов отеля в сейфы, спрятанные под сиденьями коляски. Эта коляска поедет вместе с ним в поезде, для нее будет отведен особый вагон, и кучер вместе с парой охранников будут ехать там же, вместе с лошадьми, под замком.

Осталось только дожидаться поезда. Полковник переоделся в скромный дорожный костюм и спустился в ресторан.

— Ну что, понравилось тебе в Туссоне? — спросил Илья, глядя, как Инес в новой шляпке вертится перед зеркальной витриной.

— Что здесь может понравиться? — искренне удивилась она. — Шум, духота, пыль! Жить надо у моря. Или в горах.

— В горах нет магазинов и ресторанов.

— Что-что? Ресторанов?

Илья беспомощно оглянулся на Кирилла.

— Я знаю тут один, — сказал тот серьезно. — Можем заглянуть.

С тех пор как они с Ильей впервые оказались в Туссоне, прошло три недели, и единственная прогулка Кирилла по городу заняла тогда не больше часа, однако его цепкая память сохранила расположение и названия едва ли не всех магазинов, банков и ресторанов. И теперь, после всех мексиканских приключений, он уверенно водил Остермана с Инес по

городу.

Для начала они посетили магазины готового платья и явились в самый лучший отель с кучей свертков и коробок. Портье недоверчиво косился на их запыленные одежды, заполняя журнал: «Мистер и миссис Смит — номер семь. Мистер Теодор Грин — номер восемь...». Однако расцвел подобострастной улыбкой, когда спустя час они спустились мимо него по лестнице. Илья сохранил верность костюмам в тонкую полоску, полюбившимся ему еще в годы жизни в Нью-Йорке. А Кирилл предпочел переодеться в белый костюм с черным шелковым жилетом — точно такой, какой был на майоре Кардосо, когда они познакомились.

Инес зашла в несколько дамских салонов — и каждый раз она выходила оттуда с пустыми руками, расстроенная, жалуясь на безумные цены. Наконец Илье это надоело, и он вошел в магазин вместе с ней и потребовал самое лучшее платье «для этой леди». Леди, в джинсах и алой шелковой рубашке, попыталась возражать, но безуспешно. Платье было куплено, однако, придя в отель, Илье пришлось вызывать горничную на помощь — ни он, ни Инес не могли разобраться во всех этих пуговках, петельках и шнурочках.

От той же горничной Инес узнала, что кроме платья ей потребуется множество других предметов, совершенно необходимых для юной сеньоры. Пришлось выходить в город снова. Так они и приближались к вокзалу, останавливаясь перед каждым женским магазином.

Сказать по правде, Илья с Кириллом несколько иначе представляли себе возвращение в Туссон, когда тащились по пустыням и горам, пробираясь через мексиканскую границу. Совсем иные заведения планировалось посетить, и абсолютно другие напитки намечалось опробовать — а вовсе не ледяную шипучку и горький кофе, которые им подавали, пока юная сеньора исчезала в примерочной.

В конце концов они все-таки добрались до вокзала, обремененные новым ворохом коробок и свертков, и купили три билета до Денвера.

В Денвере жил их банкир. Илья собирался забрать свою долю, чтобы вложить деньги в недвижимость за границей. Его план был прост. Раз уж мексиканцы продают свои земли богатым янки, почему бы и Илье не прикупить там участочек? Много не надо. Всего лишь одну маленькую долину. Или хотя бы ту ее часть, где поселились мараньонцы и где живут односельчане Мануэля. А если после покупки земель останутся какие-то деньги, то они пойдут в полковую казну генерала Кардосо или же на разработку месторождений, отмеченных на картах профессора Адамса.

Кирилл тоже подумывал о закрытии счета. Он еще не знал, чем будет заниматься в ближайшее время, и хотел просто увидеть море. В Галвестоне, или в Пуэрто-Пеньяско, или в Сан-Франциско — неважно где. Увидеть море, прицениться к парусникам, потереться среди моряков — тогда и станет ясно, сколько денег ему нужно для счастья. Ровно столько он и оставит себе. А остальное будет его свадебным подарком.

А пока он просто сопровождал молодоженов.

— Что значит «ресторан»? — спросила Инес. — Что там делают?

— Это место, где едят богачи, — сказал Кирилл. — В Туссоне много таких мест. Самое лучшее называется «Санта-Круз».

— Откуда ты знаешь? — не выдержал Илья. — Можно подумать, ты пообедал в каждом из них. Давай лучше зайдем в привокзальный...

— «Санта-Круз» лучше всех, — твердо ответил Кирилл.

— Ну ладно. Далеко до него? Неохота тащиться с коробками.

— Недалеко. На втором этаже нашего отеля.

Инес потребовался всего лишь час, чтобы переодеться. Друзья не теряли время даром, поджидая ее в буфете. Текила, как известно, оказывает могучее воздействие на фантазию и пышность слога, поэтому юная сеньора была осыпана самыми изысканными комплиментами.

Они заняли столик у окна и продолжали восхищаться ее нарядами.

— А какая сумочка! — Илья покачал головой, разрезая бифштекс своим ножом, потому что ресторанный был слишком туп. — Интересно, какие драгоценности можно хранить в

ней? В любом случае, они померкнут перед ее красотой! Что у тебя там? Бриллианты?

— Там? Все, что нужно даме, — чуть заносчиво ответила Инес. — И перестаньте придирааться.

— Кстати, не мешало бы и нам обзавестись сумками, — сказал Кирилл. — Помнишь, какие роскошные чемоданы я купил в Финиксе? А сейчас, наверно, в них свили гнездо вороны.

— Не беспокойся. Их наверняка подобрали охранники с рудника.

— Ага. И сложили в них пустые бутылки из-под виски...

Они засмеялись, вспомнив, как ловко устроили побег Мануэля и майора. Инес ничего об этом не знала, но смеялась вместе с ними. И вдруг с ее лица пропала улыбка.

Она резко подалась вперед, не сводя глаз с пожилого джентльмена, который спускался в ресторан.

— Ты кого-то увидела? — спросил Илья, оглядываясь.

Пожилой джентльмен тоже заметил Инес. Он недоуменно вскинул брови и остановился. Затем уголки губ дрогнули и подались кверху в холодной, презрительной улыбке.

Инес порывисто встала, распахнув и отбросив в сторону сумочку. В ее руке блеснул маленький револьвер.

— Ты еще смеешься! — воскликнула она и нажала на спуск.

Она выстрелила трижды. Пожилой джентльмен вздрогнул и отступил назад. Одна пуля зацепила его пиджак, вторая ударила в плечо, но он даже не пошатнулся.

Под распахнутым пиджаком оказалась открытая кобура, и пожилой джентльмен выхватил револьвер. Но не успел даже поднять.

Илья метнул нож, а Кирилл выстрелил, и старик, дернув головой, мешком повалился на ступени.

— Уходим! — крикнул Илья, вскакивая на стол.

Он ногой выбил раму и выглянул наружу.

Кирилл выстрелил в потолок и закричал:

— Всем лечь на пол! Кто шевельнется, убью!

Немногочисленные посетители послушно скрылись под столами, а буфетчик присел за стойкой.

— Кира, прикрой! — Илья выпрыгнул из окна.

Инес все еще стояла с револьвером в руке, невидящим взором глядя перед собой.

— Стреляй в любого, кто поднимет голову, — приказал ей Кирилл, и она, очнувшись, кивнула.

А он вскочил на подоконник и обвел стволом кольца площадь перед отелем.

— Ну, и куда тут уходить?

— Нет, ты скажи мне, какого черта я тут делаю? — в сотый раз спросил Бен Гаттер у молчаливого бармена. — Как я могу охранять босса, если он уже не босс?

Бен Гаттер даже не успел побриться с дороги, так торопил его полковник. Едва перекусив и сменив коня, он отправился с ним в Туссон. На остановке у Арлингтонского колодца полковник Тирби познакомил его с новыми хозяевами. Впрочем, знакомством это трудно было назвать. Тройка калифорнийских хлыщей. Они даже не называли себя, только сказали, что Бен будет иметь дело с управляющим по фамилии... Черт, забыл! Да и не старался запомнить. Они гаденько улыбались, пока Тирби перечислял заслуги Гаттера и его команды. А потом сказали, что «рейнджеры» — неудачный термин. Отныне команду Бена будут называть так: «гражданская конная полиция». Жалованье увеличат в три раза. И пошьют синие мундиры.

— Нет, ты прикинь, синие мундиры! — Он стукнул кулаком по стойке. — Как у янки! Давай еще виски...

Где-то зазвенело разбитое стекло. Натренированное ухо Гаттера сразу распознало в

этом звоне характерный признак хорошей драки — такой звук издает только выбитая рама. Следом обычно брякается о землю чья-нибудь задница, а потом из заведения высыпают остальные участники шоу.

Разнимать дерущихся не входило в обязанности Бена даже в Тирби, а уж в чужом городе и подавно. Однако он радостно потянулся, нахлобучил шляпу и спрыгнул с табурета.

Через витрину салуна он увидел, что в проеме выбитого окна стоит весьма приличный джентльмен в белоснежном костюме. Обеими руками он держал кольт сорок пятого калибра. Ствол колта плавно ходил из стороны в сторону. Бен с уважением отметил, что ствол не дрожал, не выписывал волны, а двигался четко по прямой, как по невидимой опоре. Ему стало ясно, что этот щеголь пока просто не видит достойной мишени. Но когда увидит, то не промажет. И Бен остался в салуне. Да и не любил он чужих драк.

Второй джентльмен был тоже одет прилично, однако оружия при себе не имел. Впрочем, оно тут же у него появилось. Он вскочил на подножку коляски Тирби и выхватил винчестер из рук охранника. Сам же охранник кубарем скатился на землю.

Щеголь в белом спрыгнул со второго этажа, сунул кольт за пояс и поднял руки навстречу девушке в бирюзовом платье, которая вслед за ним появилась в окне. Придерживая шляпку на своих пышных черных кудрях, она отвалено спрыгнула ему в объятия. После чего оба на ходу заскочили в коляску, которая мгновенно исчезла с площади, оставив после себя клубящееся облако пыли.

— Лихие парни. — Бен только головой покачал. — Хорошо, что такие не доезжают до Тирби, а орудуют в больших городах.

Он вышел на площадь и вместе с толпой протиснулся в отель. На ступеньках, ведущих в ресторан, лежал полковник Тирби. Точнее, его тело. Бен Гаттер сразу понял, что небольшое кровавое пятнышко на плече явно не могло служить причиной смерти. Возможно, причиной был нож, по самую рукоятку вошедший ему в грудь. Но, скорее всего, полковник умер оттого, что лишился половины черепа. В общем, если кто-то намеревался отправить Сайруса Тирби на тот свет, он сделал для этого все необходимое, даже с запасом.

Дар речи вернулся к Илье Остерману только на спуске с перевала.

— Кира! Что молчишь? Погони не видно?

Кирилл, до сих пор стоявший на подножке с винчестером, забрался в коляску и ответил уже оттуда:

— Погони не видно. Зато видно кое-что другое. Ой, ребята, я уже не жалею, что билеты пропали...

— Черт возьми! — Илья повернулся к Инес. — Кто был тот тип, в кого ты стреляла?

— А вот этого я тебе никогда не скажу, — ответила она, прижимаясь лицом к его плечу.

Впрочем, эту страшную тайну они раскрыли уже через два дня, отдыхая в доме Мануэля и разбирая бумаги, обнаруженные среди денег и множества золотых безделушек.